

А. Г. СУРОВЦЕВЪ.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

ЕГО МАСОНСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Биографическій очеркъ.

Цена 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

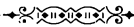
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“. Пет. ст., Вольшой пр., 6.
1901.

А. Г. СУРОВЦЕВЪ.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

ЕГО МАСОНСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Биографическій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“. Пет. ст., Большой пр., 6.
1901.

Первоначально напечатано въ журналѣ „Вѣстникъ Всемирной Исторіи“
1900 г. №№ 3, 4, 5 и 6.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 іюля 1900 года.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.

Посвящается памяти

Александра Ильича

Незеленова.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изслѣдователи русскаго масонства ¹⁾ выяснили въ своихъ трудахъ главныя, коренныя его черты. При опредѣленіи масонства нужно имѣть въ виду два его элемента: нравственное ученіе и мистицизмъ. Въ основѣ перваго лежали возвышенныя требованія христіанской любви къ ближнему, въ силу которыхъ всѣ помыслы членовъ масонскаго ордена были направлены на дѣла благотворительности и состраданія. Это — лучшая сторона нашего масонства. Дѣйствительно, проповѣдуя уваженіе къ человѣческому достоинству, взаимную любовь и помощь, заботясь о народномъ просвѣщеніи, масоны приносили огромную пользу русскому обществу: они будили общественную мысль, вызывали общество на самодѣятельность, вообще, содѣйствовали его нравственному улучшенію. Вторымъ элементомъ нашего масонства былъ мистицизмъ, что уже составляетъ его худшую сторону, которой мы не можемъ сочувствовать. Мистики задавались цѣлью познать самого себя, твореніе и Творца, познать сущность всѣхъ вещей, божескихъ и человѣческихъ: произвольно толкуя текстъ Св. Писанія, особенно Ветхаго Завѣта, они съ пренебреженіемъ относились ко всякимъ научнымъ изслѣдованіямъ природы и жизни, презирали выводы разума и думали познать сущность и всѣ высшія тайны бытія, погружаясь въ самого себя, во внутреннее святилище своей души, прислушиваясь

¹⁾ Ловгиновъ, „Новиковъ и московск. мартинисты“; Ешевскій, Соч., т. III; Незеленовъ, „Новиковъ, издатель журналовъ“ и „Литературн. направленія въ Екатерининскую эпоху“; Пыпинъ, „Русск. масонство въ XVIII в.“ („В. Евр.“ 1867 г. № 2, 3, 4; 1868 г. № 6, 7) и „Матеріалы для ист. мас. ложъ“ („В. Евр.“ 1872 г. № 1, 2); Пекарскій, „Дополненія къ ист. масонства въ Россіи“ (Сб. II отд. Имп. Ак. Н., томъ VII-й); Тихонравовъ, Лѣт. русск. лит. и древн., т. V („Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ“), Сочиненія, т. III.

только къ своему внутреннему голосу. Сновидѣнія, предчувствія, самозабвеніе, необыкновенныя явленія природы и загадочныя соотношенія чисель—вотъ на что долженъ обращать свое вниманіе мистикъ и что долженъ разгадать, съ цѣлью уловить скрывающійся въ этихъ явленіяхъ внутренней голосъ. Отсюда истекаетъ безграничное довѣріе масоновъ къ сверхъестественному, чудесному, стремленіе къ символическимъ обрядамъ, желаніе выставить все въ загадочномъ и фантастическомъ свѣтѣ.

Къ чести нашихъ масоновъ XVIII в. слѣдуетъ сказать, что мистицизмъ у нихъ не дошелъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ, какъ это было у западно-европейскихъ мистиковъ. Избѣжавъ крайностей мистицизма, общество русскихъ масоновъ поставило себѣ слѣдующія задачи: борьбу съ философіей энциклопедистовъ и вольнодумствомъ, распространеннымъ у насъ въ концѣ XVIII вѣка, нравственное возрожденіе падшаго человѣка, взаимопомощь и благотворительность.

Такое значеніе русскаго масонства яснѣ всего раскрыто въ „Запискахъ“ и другихъ сочиненіяхъ И. В. Лопухина. „Чтеніе его записокъ,—говоритъ проф. Ключевскій, — доставляетъ глубокое нравственное удовлетвореніе: какъ будто что-то проясняется въ нашемъ XVIII вѣкѣ, когда всматриваешься въ этого человѣка, который самымъ появленіемъ своимъ обличаетъ присутствіе значительныхъ нравственныхъ силъ, таившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ того времени“ ¹⁾.

По справедливому замѣчанію историка Ешевскаго, основательная біографія Ивана Владиміровича Лопухина была бы важнымъ приобрѣтеніемъ для исторіи русской гражданственности ²⁾. Такой біографіи читатель не найдетъ, конечно, въ настоящемъ очеркѣ, авторъ котораго имѣлъ въ виду только обрисовать нравственный обликъ одного изъ главныхъ представителей русскаго масонства.

¹⁾ „Русская Мысль“ 1895 г. № 1, 51. „Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени“.

²⁾ Сочиненія, т. III, стр. 417.

I.

Дѣтство и отрочество Лопухина. — Домашнее воспитаніе. — Военная служба. Первый литературный трудъ Лопухина. — Лопухинъ дѣлается масономъ. — Выходъ изъ военной службы. — Лопухинъ предсѣдатель московской уголовной палаты. — Пререканія съ гр. Брюсомъ. — Выходъ въ отставку.

Главнымъ источникомъ свѣдѣній о дѣятельности И. В. Лопухина служатъ сочиненныя имъ самимъ „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы“¹⁾. Записки Лопухина являются цѣннымъ автобіографическимъ матеріаломъ, но пользоваться имъ слѣдуетъ осторожно, не упуская изъ виду, что вообще въ мемуарахъ нельзя искать объективной правды, заслоняемой личнымъ, нерѣдко одностороннимъ или пристрастнымъ взглядомъ авторовъ. Поэтому, для рѣшенія затронутого нами вопроса, немаловажное значеніе имѣютъ также показанія современниковъ Лопухина, какъ-то: Лубяновскаго, Невзорова, Воейкова, Жуковскаго, гр. Растопчина, кн. Вяземскаго и др.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ²⁾ родился 24 февраля 1756 г. въ селѣ Воскресенскомъ (Ретяжи тожъ), Кромскаго уѣзда, Ор-

¹⁾ Записки Лопухина. Чт. общ. ист. и др. 1860 г. Кн. 2 и 3. Другое изд. „Записокъ“ въ „Русск. Арх.“ 1884 г. Кн. 1. Отрывки изъ „Записокъ“ напечатаны въ журн. „Другъ Юношества“ 1812. № 1 и въ „Историч. Хрестоматіи“ Галахова, изд. 1861 г. и послѣд.

²⁾ О Лопухинѣ см. ст. Аванасьева въ „Арх. ист. и практ. свѣд.“ 1860 г., кн. I, ст. неизвѣстнаго авт. „Мартинизмъ въ русск. общ. XVIII в.“ въ „Отеч. Зап.“ 1861 г. апрѣль, нѣсколько замѣчаній о характерѣ дѣят. Л-на въ „Библи. для чтенія“ 1851 г. № 5 (тутъ же изложено содерж. Записокъ), ст. Дубицкаго „Изъ исторіи общест. развитія Россіи въ концѣ XVIII и нач. XIX в.: И. В. Лопухинъ“. „Вѣстн. Слав.“ 1883 г. Кромѣ того, Порфирьевъ — Ист. русск. слов. ч. II, отд. II, Карауловъ — Очерки ист. русск. лит., Галаховъ — Ист. русск. слов., т. I, Ливановъ — Курсъ ист. русск. лит. М. 1877, Незеленовъ — Литерат. направл. въ Екатерининск. эпоху, Ешевскій — Сочиненія, т. III, Перкарскій — Дополн. къ ист. масонства въ Россіи.

ловской губ. Отецъ его, Владиміръ Ивановичъ (1703—1797 г.) былъ генераль-поручикомъ и кievскимъ губернаторомъ; онъ приходился двоюроднымъ племянникомъ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ. Ѳ. П. Лубяновскій ¹⁾, рассказывая о годахъ своей студенческой жизни, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о тѣхъ бесѣдахъ, которыя ему приходилось вести съ Влад. Ив. Лопухинымъ, тогда уже удалившимся на покой и проживавшимъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ. Старикъ полюбилъ молодого человѣка, ласкалъ его („называлъ Ѳедюшей“), а подчасъ уносился мыслью въ прошлыя времена и передавалъ своему юному собесѣднику эпизоды изъ жизни императора Петра I, царицы Евдокіи, императрицы Елизаветы Петровны и др. Занятый филантропіею и масонствомъ, Лопухинъ-сынъ не дорожилъ, повидимому, рассказами отца; по крайней мѣрѣ, въ „Запискахъ“ ничего о нихъ не сообщается.

Мать нашего масона, Евдокія Ильинична (1717 — 1774 г.), была дочерью Ильи Исаевича Исаева, управлявшаго во времена Петра Рижскою таможеню. По рассказамъ того же Лубяновскаго, Исаевъ имѣлъ въ Ригѣ водочный заводъ и скопилъ значительную сумму денегъ, но потомъ „разстроился такъ, что въ приданое дочери, супругѣ Вл. Ив., сберегъ только нитку изумрудовъ“ ²⁾.

Дѣтство свое И. В. Лопухинъ провелъ въ Кіевѣ. Съ юныхъ лѣтъ „онъ страстенъ былъ къ военной службѣ и, сидя дома, водилъ строи и давалъ баталіи по Пюисегюру и Фолярду“ ³⁾. Когда въ 1768 году началась война съ турками, тринадцатилѣтній мальчикъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій: „нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія кн. Голицына подъ Хотиномъ“ ⁴⁾. Но тихая, спокойная жизнь подъ крыломъ набожныхъ родителей, излишество обрядности, частое посѣщеніе монастырей—способствовали, съ другой стороны, зарожденію въ головѣ мальчика мистическо-религіозныхъ мыслей, обнаружившихся впослѣд-

¹⁾ Воспоминанія Лубяновскаго въ „Русск. Арх.“ 1872 г. Есть и отд. изд. Москва 1872 г.

²⁾ Эти изумруды были проданы за шесть тысячъ рублей. Вл. Ив. Лопухинъ приложилъ къ нимъ двѣ тыс. рубл. и купилъ въ царствованіе Анны Иоанновны за восемь т. рубл. сер. село Ретяжи въ Кромскомъ уѣздѣ. (Воспомин. Лубяновскаго. „Русск. Арх.“ 1872 г. стр. 120).

³⁾ „Записки“ Лопухина.

⁴⁾ Ibid.

ствіи съ такою силою. Въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей (Фроловскомъ) жила знаменитая инокиня Нектарія (кн. Наталья Борисовна Долгорукая). „Много я—говорить Лопухинъ—наслышался объ ней отъ моей матери, которая имѣла честь быть ея другомъ... Младенцемъ еще бывши тогда, я помню однакожъ черты лица почтенной княгини по тому впечатлѣнію, которое величественности ихъ свойственно производить было“ 1).

Въ дѣтствѣ Лопухинъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, постоянно хворалъ, и потому не удивительно, что „чадолюбивые“ родители нѣжили своего хилаго ребенка.

„Воспитанъ я—говорить авторъ „Записокъ“ — въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ; а со стороны знаній въ большомъ небреженіи“. Русской грамотѣ обучалъ Лопухина домашній слуга, отъ котораго врядъ-ли можно было многому научиться. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній 2) Иванъ Владиміровичъ чистосердечно признается, что онъ „прямой самоучка и можно сказать, что по грамматикѣ аза не знаетъ въ глаза“. Не лучше шло изученіе иностранныхъ языковъ. Учителемъ французскаго языка былъ савояръ, нѣмецкаго — берлинецъ. Первый совѣтъ не зналъ правилъ языка; второй ненавидѣлъ свой родной языкъ и, всячески стараясь внушить своему питомцу отвращеніе къ нѣмецкому языку, тихонько „училъ его французскому“. „Нѣмецкія же книги—говоритъ Лопухинъ—держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду 3)“. Отецъ Лопухина, человекъ отъ природы неглупый, но, какъ большинство баръ того времени, мало образованный, и мать, женщина религіозная, заботились, какъ видно, больше о наставленіи сына „въ честности и благонравіи“, чѣмъ объ его образованіи. „Расположеніе къ милостыни“ было въ Лопухинѣ, по его словамъ, „природною склонностью“; съ дѣтства привыкъ онъ любоваться удовольствіемъ, какое доставлялъ другимъ, и для того нарочно проигрывалъ деньги, „какія у него случались“, крѣпостному мальчику, приставленному служить ему 4). Когда Лопухину исполнилось 16 лѣтъ, уроки его съ учителями прекратились, и моло-

1) „Другъ юношества“ 1810 г. № 1, гдѣ впервые были напечатаны извѣстныя записки Долгорукой.

2) Примѣры истиннаго геройства. „Другъ Юнош.“ 1813 г. № 3.

3) „Записки“ Лопухина, кн. I.

4) Ibid. кн. III.

дой человѣкъ предоставленъ былъ собственнымъ своимъ силамъ. Чувствуя слабость своихъ научныхъ познаній и недостаточное знакомство съ иностранными языками, онъ старался пополнить пробѣлы своего образования и дѣлалъ это съ большимъ успѣхомъ, такъ что впослѣдствіи могъ считаться образованнымъ для своего времени человѣкомъ.

Записанный въ гвардію унтеръ - офицеромъ, Лопухинъ въ 1775 году былъ произведенъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ захворалъ лихорадкою, которая „мучила его цѣлыхъ шесть лѣтъ“. Но время болѣзни не прошло бесплодно для духовнаго развитія юноши: вынужденный, въ самыя бурныя лѣта молодости, сидѣть дома, онъ еще больше пристрастился къ чтенію.

На первыхъ порахъ усердный читатель Вольтера и Руссо, Лопухинъ, подобно Новикову, Фонвизину и другимъ мыслящимъ русскимъ людямъ XVIII в., не могъ не почувствовать вскорѣ „затруднительности своего культурнаго положенія“. Служившій русскому образованному человѣку образцомъ строй понятій, чувствъ, общественныхъ отношеній былъ, по выраженію Ключевскаго, осужденъ какъ неразумный ¹⁾. Съ цѣлью найти выходъ изъ неловкаго положенія, русскій человѣкъ долженъ былъ обратиться къ самому себѣ, сосредоточить работу на своей личности, на своемъ личномъ и нравственномъ усовершенствованіи. Такъ было и съ Лопухинымъ. „Никогда не былъ еще я — говоритъ авторъ „Записокъ“ — постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу „Système de la Nature“ ²⁾, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченія всей книги, подъ именемъ Устава природы (Code de la Nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только-что дописалъ первую самымъ красивымъ

¹⁾ „Русск. Мысль“. 1895 г., т. I, стр. 54.

²⁾ Сочиненіе барона Гольбаха (1723—1789).

письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году.. *Сіе происходило за два года до вступленія моего въ общество* 1)“.

Когда мы читаемъ о подобныхъ пароксизмахъ совѣстливой мысли — замѣчаетъ проф. Ключевскій по поводу этой исповѣди Лопухина — можетъ быть, мы впервые застаемъ образованнаго русскаго человѣка въ минуту *тяжкаго* раздумья, какое ему не разъ пришлось и не разъ еще придется переживать в послѣдствіи 2). Лично склоняясь на сторону проф. Ключевскаго, мы не въ правѣ обойти молчаніемъ мнѣнія, высказаннаго другимъ представителемъ науки. „Они (Елагинъ, Лопухинъ) отказывались отъ вольнодумства, кажется, *очень лежо*, потому что и вольнодумство ихъ не имѣло никакихъ корней въ собственной, логически обдуманной мысли“ 3).

Разсмотримъ содержаніе перваго сочиненія 4) Лопухина. Полное заглавіе этого труда слѣдующее: „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ, сочиненное Россіяниномъ 5)“.

1) Записки Лопухина.

2) „Русск. Мысль“ 1895 г. № 1, 53. Воспоминаніе о Новиковѣ.

3) А. Н. Пыпинъ. „Русск. масонство“. „В. Евр.“ 1868 г. № 7.

4) Литературные труды И. В. Лопухина показаны: 1) въ „Опытѣ Россійской Библиографіи“ Сопикова подъ №№: 2260, 2725, 3462, 3507, 4440—4441, 4465, 6917, 7672, 8010, 8449, 9574—9575, 12573, 12993; 2) въ „Росписи російскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Смирдина“ Спб. 1828 г. подъ №№ 330, 710, 1135, 2228, 6548, 6555, 7612 и 1019; 3) „Росписи росск. кн. для чт. изъ библіотеки Плавильщикова“. Спб. 1820 г. подъ №№ 1477, 1530, 2488, 2489, 5528, 6337, 6406. Краткій біографич. очеркъ Л-на и перечень его сочиненій помѣщены: а) въ „Словарѣ Историческомъ о Россійск. писател.“ митроп. Евгенія, б) въ „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“ Бантыша-Каменскаго 1836 г. ч. 3-я, в) въ „Справочномъ Энциклопедич. Словарѣ“ т. VII, г) въ „Справочн. Словарѣ о русск. писат. и ученыхъ XVIII и XIX вв.“ Геннади. Берлинъ 1880 г. Въ „Хронолог. обзорѣнн рѣдкихъ и замѣчат. русск. книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражд. шрифтомъ“ Губерти. (Чт. общ. ист. 1879, кн. 3, 1881, кн. 1) указаны 3 соч. Л-на, подъ №№ 154, 210 и 216.

5) 1-е изд. М. 1780 г., 2-е изд. М. 1787 г. (Унив. типогр. Новикова), 3-е изд. въ „Другѣ юношества“ 1809 г. февр. Соп. № 9574. У насъ подъ рукою было 2-е изд.

Въ своемъ сочиненіи, посвященномъ: „Чтущимъ Бога и любящимъ добродѣтель“, авторъ вооружается противъ тѣхъ писателей, которые, отвергая существованіе Бога, „содѣлываютъ свой умъ орудіемъ погубленія людей“. Для болѣе нагляднаго изображенія ужасныхъ слѣдствій, къ которымъ могло бы привести ученіе новыхъ писателей, т. е. энциклопедистовъ, авторъ создаетъ въ своемъ воображеніи такую страну, гдѣ бы принципы, проповѣдуемые ими, возымѣли силу. Въ такой странѣ, — разсуждаетъ Лопухинъ, — „земледѣльцы, общіе всѣмъ питатели“, съ уныніемъ работали бы надъ плугомъ, такъ какъ у нихъ была бы отнята сладкая надежда, что „Сотворившій нивы обильною жатвою наградить ихъ труды“. Добродѣтельные люди не стремились бы къ подвигамъ, если бы не были увѣрены, что „Источникъ всякаго блага всевидящимъ окомъ своимъ взираетъ на добрыя дѣла ихъ“. Что стали бы дѣлать бѣдные родители, которые, не имѣя богатствъ, оставляютъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ одну только „любовь къ всещедрому Богу и надежду на Его покровительство?“ Сколь тягостна была бы жизнь людей, обреченныхъ на страданіе въ этой жизни, если бы они не имѣли упованія на вѣчную жизнь, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали. „Но, — обращается авторъ къ проповѣдникамъ новаго ученія, — тщетно ваше витійство старается уничтожить то, чѣмъ все существуетъ“. Благоустройство вселенной, гдѣ всюду господствуетъ порядокъ, согласіе, красота и преудивительное созданіе человѣка, который „одолѣваетъ своимъ искусствомъ сильнѣйшихъ звѣрей, распоряжается стихіями и созерцаніемъ проникаетъ даже тайны небесныхъ странъ, — ясно показываютъ намъ, что Творцомъ всего этого должно быть „Существо разумное, само собою существующее“. Думать же, подобно „безбожнымъ мудрецамъ“, что такое величественное существо, какъ человѣкъ, могло произойти отъ слѣпота стеченія случаевъ — значитъ „имѣть разумъ и очи ослѣпленными“. Что все Богомъ сотворено на удовлетвореніе своей „благости“, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Попытки новыхъ писателей опровергнуть эту благость описаніемъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ иногда человѣчествомъ, остаются тщетными, такъ какъ намѣренія благости мы видимъ въ превѣчныхъ законахъ, установленныхъ для устроенія человѣческаго блаженства. И если люди не всегда пользуются блаженствомъ, то вина въ этомъ не должна

падать на Создателя, а на самихъ людей, которымъ чрезъ разсудокъ и совѣсть открыты всѣ пути, ведущіе къ блаженству. Страсти, по мнѣнію нашего автора, также не могутъ служить для человѣка препятствіемъ на пути къ достиженію спокойнаго и счастливаго конца временной и начала вѣчной жизни, если только не злоупотреблять ими. Тутъ слѣдуетъ анализъ человѣческихъ страстей: славолюбія, властолюбія, самолюбія и наконецъ „пресладкаго чувства“, которое природа сотворила для размноженія рода человѣческаго, а люди обращаютъ „въ источникъ ненависти, вражды, болѣзней и смуты“.

Въ заключеніе авторъ порицаетъ новыхъ мудрецовъ за то, что они всѣми силами стараются отвергнуть безсмертіе души. Возможно ли допустить,—спрашиваетъ онъ,—чтобы существо, объемлющее свою мыслію предѣлы всего міра, исчезло съ разрушеніемъ тѣла? Конечно, врагамъ человѣчества пріятно надѣяться, что ихъ страданія прекратятся, но надежда эта будетъ тщетна: страданія ихъ будутъ безконечными, если только они не обратятся на путь добродѣтели и не прибѣгнуть со слезами раскаянія къ Создателю міра, который Божественнымъ своимъ гласомъ вѣщаетъ: „Любите врази ваша, добро творите ненавидящимъ васъ“.

Ошибочно было бы, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, относить „Разсужденіе“ Лопухина къ числу масонскихъ сочиненій. Въ своемъ первомъ трудѣ авторъ не имѣлъ въ виду проводить масонскіе взгляды. Онъ только отшатнулся отъ философіи энциклопедистовъ, повернулъ въ другую сторону, и результатомъ перемѣны образа мыслей явилось его „Разсужденіе о злоупотребленіи разума“. Раскаившись въ своемъ увлеченіи вольтеріанствомъ, Лопухинъ взялся за перо съ цѣлью опровергнуть, по мѣрѣ своихъ силъ, доводы „безбожныхъ мудрецовъ“. При знакомствѣ съ этимъ „Разсужденіемъ“ мы видѣли, какими порой наивными и слабыми являются нѣкоторые изъ аргументовъ, приводимыхъ Лопухинымъ въ подтвержденіе своихъ мыслей. Русскому самоучкѣ было, конечно, не подъ силу бороться съ энциклопедистами, которые, хотя и не всегда были безгрѣшны въ своихъ выводахъ, но были людьми свѣдущими, основательно знакомыми съ философскими системами прежнихъ временъ и сами стояли во главѣ новаго философскаго направленія. Не мудрено, что, при столь неравныхъ умственныхъ средствахъ,

пальма первенства оставалась въ рукахъ „безбожныхъ мудрецовъ“, и доводы ихъ противника не отличались особенною убѣдительною. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что, вообще, строгихъ требованій къ Лопухину, какъ писателю, предъявлять невозможно. Лопухинъ и самъ невысоко ставилъ свой авторскій талантъ, и это надо имѣть въ виду при разборѣ всѣхъ его произведеній. „Авторство, — говоритъ онъ, — не мое ремесло, хотя и не мало разнаго написать на роду своемъ мнѣ случилось. Но я писалъ всегда или по нуждѣ, или для препровожденія времени, для друзей, или то, что, казалось мнѣ, можетъ, *несмотря на складъ*, принести пользу“.

Первыми книгами, родившими въ Лопухинѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были—по его собственному признанію—Сень-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“ и Арндта „О истинномъ христіанствѣ“. Книги эти, составленныя извѣстными мистиками, пользовались большимъ уваженіемъ среди русскихъ масоновъ, въ общество которыхъ Лопухинъ, въ поискахъ за истиной, и вступилъ, почувствовавъ уже настоящую потребность выйти изъ своего затруднительнаго „культурнаго положенія“.

Въ началѣ 1782 года Лопухинъ былъ уволенъ, по просьбѣ своей, изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи въ отставку съ чиномъ полковника и уѣхалъ въ Москву. Въ концѣ того же года, при преобразованіи учрежденій Московской губерніи, онъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ, а вскорѣ и предсѣдателемъ московской уголовной палаты.

Находясь въ этой должности, Лопухинъ гуманно относился къ обвиняемымъ. Его главною заботою было, чтобы „невинный не былъ осужденъ“, а виновный подвергался бы наказанію, „насколько можно умѣренному“. Лопухинъ возставалъ противъ жестокихъ наказаній, которыя считалъ „плодомъ злобнаго презрѣнія челоуѣчества“, и остерегался быть поспѣшнымъ въ обвиненіи подсудимаго, когда не было для того ясныхъ уликъ.

„Можетъ ли быть, — спрашиваетъ онъ, — правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго?“ Какъ видно, Лопухинъ вполне раздѣлялъ взгляды Екатерины II на правосудіе, высказанные ею въ

знаменитомъ Наказѣ. Вся цѣль наказаній должна, по мнѣнію Лопухина, сводиться къ тому, чтобы исправить наказуемаго и другимъ дать примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Ради этой цѣли и не слѣдуетъ опредѣлять наказаній „безконечныхъ въ здѣшней жизни“, такъ какъ нѣтъ злодѣя, за котораго нельзя было бы поручиться, что онъ исправится и сдѣлается полезнымъ членомъ общества. Подвергать же преступника смертной казни Лопухинъ считаетъ и бесполезнымъ и богопротивнымъ дѣломъ, потому что „одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка Его божественнаго строенія“ 1).

Невольно припоминается подобный же взглядъ на суровыя наказанія, который проявили два древне-русскихъ князя. Владиміръ Святой, по свидѣтельству лѣтописи, не рѣшался казнить даже разбойниковъ, думая, что всякое кровопролитіе есть грѣхъ. Доблестный Владиміръ Мономахъ въ „Поученіи къ дѣтямъ“ 1099 года наставлялъ: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте...“

Въ 1784 году умеръ главнокомандующій Москвы гр. З. Гр. Чернышевъ, отличавшійся честностью и умѣвшій цѣнить людей достойныхъ. Графъ Чернышевъ, тоже членъ одной изъ масонскихъ ложъ, оказывалъ полное довѣріе Лопухину и утверждалъ всѣ приговоры палаты, къ прискорбію „неохотниковъ до челоувѣчества“, говорившихъ, что Лопухинъ разводитъ злодѣевъ и воровъ. Со смертью Чернышева положеніе дѣлъ измѣнилось. Преемникъ его, графъ Брюсъ, почти съ первыхъ дней своего правленія сталъ преслѣдовать Лопухина по службѣ, такъ что послѣдній принужденъ былъ подать въ Сенатъ прошеніе объ отставкѣ. Поводомъ къ „неудовольствіямъ“ главнокомандующаго на Лопухина послужило, по мнѣнію автора „Записокъ“, малое число ударовъ, которое палатою опредѣлялось для наказанія преступниковъ. Палата приговорила одного убійцу къ пятидесяти ударамъ. Гр. Брюсъ возвратилъ внесенный ему на утвержденіе приговоръ предсѣдателю палаты съ тѣмъ, чтобы было назначено большее число ударовъ. Лопухинъ не согласился исполнить требованіе главнокомандующаго, и между ними произошелъ

1) „Записки“, изд. 1860 г., стр. 8.

крупный разговоръ, отрывокъ изъ котораго мы приведемъ въ передачѣ самого Лопухина.

„Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!“—кричалъ главнокомандующій. — „Поскольку жъ бы, ваше сіятельство, думали?“ — спросилъ я. — „По скольку?“— отвѣчалъ: „Двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ“. — „Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти“. — „Чего жъ ихъ жалѣть?“— говорилъ онъ: „и это же наказаніе вмѣсто смертной казни“. — „Такъ“, отвѣчалъ я, „но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія, а ежели, вмѣсто того, чтобы отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій, и всякая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишать жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія“. („Записки“ Лопухина. Кн. I).

Графъ „сталъ тише“, убѣдился доводами Лопухина и далъ слово „никогда съ нимъ не спорить“. Поводомъ къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ со стороны гр. Брюса послужила принадлежность Лопухина къ обществу масоновъ, съ которымъ онъ, несмотря на сильное желаніе главнокомандующаго, не согласился порвать связей.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1785 года Лопухинъ вышелъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника. Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1785 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ¹⁾, Лопухинъ вмѣстѣ съ ними возвратился въ Москву, гдѣ и жилъ безвыѣздно въ продолженіе десяти лѣтъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ столицу, восьмидесятилѣтній отецъ Лопухина лишился зрѣнія, и всѣ помыслы почтительнаго сына были сосредоточены на заботахъ о родителѣ, „истинно добромъ и чадолюбивомъ“²⁾. Часы досуга посвящалъ Иванъ Владиміровичъ чтенію книгъ, бесѣдамъ съ друзьями и „занятію извѣстнымъ обществомъ, которое, по словамъ нашего масона, и понынѣ называютъ мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества“.

¹⁾ Старшій и единственный братъ Лопухина, бригадиръ Петръ Владиміровичъ (1752—1805).

²⁾ Мать Лопухина умерла въ 1774 г.

II.

Масонство.—Исторія его.—Сочиненіе Лобрейха фонъ-Плуменека.—Основные принципы первоначальнаго масонства.—Различныя системы масонства.—Русскіе масоны.—Провинціальный капитулъ и Директорія.—Русское розенкрейцерство.—Упражненія московскихъ масоновъ.—Дружеское Ученое Общество.—Типографическая Компанія.—Масонскіе журналы.—Лопухинъ—надзиратель русскихъ братьевъ.

Теперь намъ нужно сказать нѣсколько словъ о масонствѣ, вообще, и о московскомъ масонствѣ Новиковскаго кружка, въ частности.

Системъ масонства или вольнаго каменщичества было много. Онѣ отличались тайнами, которыя строго хранились, числомъ степеней, обрядами и пр. Самою простою, первоначальною формою масонства была англійская, и первой масонской ложей была ложа, открытая въ Лондонѣ въ 1717 г. Въ книгахъ же самихъ масоновъ начало масонства возводится къ древнѣйшимъ временамъ за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х. или даже прямо ко времени первыхъ людей. Такъ, Карлъ Лобрейхъ фонъ-Плуменекъ, авторъ масонскаго сочиненія: „Вліяніе истиннаго свободнаго каменщичества во всеобщее благо государствъ, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія“³⁾, въ введеніи къ своему труду старается доказать древность масонскаго ордена и возводитъ начало его ко времени Адама. Упражненія въ познаніи природы, сообщенныя „щедротю Божіею“ Адаму, перешли къ дѣтямъ его. „Отъ патриархальныхъ мудрыхъ мастеровъ познаніе природы дошло до Ноя, отъ него же и потомковъ его къ египтянамъ“, научившимъ всѣмъ своимъ наукамъ Моисея. „Всякой, кому хотя немного извѣстна исторія сего славнаго народа, — говоритъ Плуменекъ, — согласится, что

³⁾ Переводъ со 2-го изд. на нѣм. яз., напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1799 г. Москва 1816 г. Унив. типогр.

онъ былъ первый, который привелъ въ систематическій порядокъ таинства тройственнаго свѣта, а именно: естественно-духовной магіи, ангельской кабалы и истиннаго вѣдѣнія натуры, и въ своихъ тайныхъ собраніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ посвященій, преподавалъ оныя принятымъ, испытаннымъ сочленамъ, подъ нѣкоторыми іероглифическими образами, дабы недостойные, которыхъ называли профанами, къ познанію столь важныхъ вещей не были допускаемы, и дабы всякое злоупотребленіе было отвращено⁴. Затѣмъ, по мнѣнію Плуменека, хранителями масонскихъ тайнъ являются халдеи, отъ которыхъ приобрѣлъ познанія Даниилъ, далѣе персидскіе маги, пифагорейцы, „мастера стула въ таинствахъ Элевзинской Цереры“, брамины у индійцевъ, друиды у кельтовъ, британцевъ, нѣмцевъ. Въ IV, V и VI ст. все общество было преобразовано и приняло тотъ видъ, „который, по благодати Божіей, до сего времени сохранило“.

Разумѣется, всѣ сказанія масоновъ о древности ихъ ученія относятся къ области фантазіи, а исторически вѣрнымъ остается только то, что масонскія общества въ XVIII в. выродились изъ цеховыхъ строительныхъ обществъ, которыя существовали въ средніе вѣка для построенія храмовъ и разныхъ общественныхъ зданій во всѣхъ странахъ Европы. На это указываетъ какъ самое ихъ названіе (свободные каменщики), такъ и внутреннее ихъ устройство и внѣшніе символы и обряды. Такъ изъ строительныхъ обществъ заимствованы слѣдующіе символическіе знаки масонства: кожаный передникъ, угломеръ или наугольникъ, ватерпасъ, отвѣсокъ, циркуль и молотокъ¹). Составъ членовъ масонскихъ обществъ (три степени, извѣстныя подъ именемъ Іоанновскихъ: ученика, товарища и мастера) также указываетъ на происхожденіе ихъ изъ строительныхъ обществъ. Символомъ первой степени ученика былъ грубый камень булыжникъ, который указывалъ члену, что главное его упражненіе должно состоять въ укрѣпленіи себя для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ камнемъ для зданія храма Всевышнему. Символомъ товарища былъ обтесанный кубическій камень для обозначенія того, что занятія членовъ второй степени должны состоять въ провѣркѣ приобретаемыхъ познаній и критикѣ собственныхъ дѣй-

¹) О значеніи этихъ символовъ и вообще о характерѣ первоначальнаго масонства см. подробнѣе у Гетнера въ „Ист. всеобщ. литерат. XVIII в.“ Т. I, перев. А. Пыпина. Спб. 1863 г. стр. 184—204.

ствій. На обязанности мастеровъ лежала забота о нравственномъ усовершенствованіи себя и другихъ членовъ; они должны были хранить тайны масонства и передавать ихъ отъ одного поколѣнія къ другому. Впрочемъ, о храненіи тайнъ общества должны были заботиться всѣ члены. Впослѣдствіи стали распространяться новыя, „высшія степени“, обладатели которыхъ хвастались преимущественнымъ знаніемъ тайнъ природы.

Что касается внутренняго характера масонства, его цѣлей и стремленій, то и онъ развился не самостоятельно, а подъ вліяніемъ распространенныхъ въ XVIII ст. филантропическихъ и деистическихъ идей. Съ цѣлью противодѣйствовать религіознымъ распрямъ, англійское масонство, тѣсно связанное съ современнымъ ему деизмомъ ¹⁾, выступило съ проповѣдью самой широкой вѣротерпимости; на началахъ этой вѣротерпимости масоны задумали составить такое братство, въ основу котораго легло бы ученіе о свободѣ совѣсти, братской любви и равенства между людьми. Въ братствѣ этомъ должны быть уничтожены всякія различія званія, національности и вѣры. Отъ поступающихъ въ братство требовались только основныя начала всякаго религіознаго ученія: вѣра въ Бога, въ безсмертіе души и начала нравственнаго закона. Масонство хотѣло воспитать не столько вѣрующихъ, сколько нравственныхъ людей, дѣятельность которыхъ должна выражаться въ подвигахъ благотворительности и филантропіи. вмѣстѣ съ тѣмъ масоны должны воздерживаться отъ вмѣшательства въ политическія дѣла государства.

Такова въ краткихъ чертахъ сущность первоначальнаго масонства. „Мыслящій другъ человѣчества—говоритъ Геттнеръ— всегда будетъ только съ самымъ чистымъ удовольствіемъ оглядываться на благородныя и великодушныя стремленія ордена“.

Съ теченіемъ времени масонскія общества принимаютъ въ себя много темныхъ сторонъ (упражненія въ средневѣковыхъ наукахъ, мистицизмъ, обряды и др.), чѣмъ и возбуждаютъ про-

¹⁾ Деизмъ—ученіе, признающее существованіе Бога, но отвергающее Откровеніе и Промыслъ. Локкъ и великіе англійскіе деисты: Шафтсбери, Коллинзъ и Толандъ оспаривали господствующія церковныя понятія и искали такъ называемой естественной религіи, по которой человѣкъ, удовлетворенный простымъ почитаніемъ всемогущаго Творца, извлекаетъ истину и добродѣтель не изъ ученій библейскаго откровенія, а изъ собственнаго человеческого разума.

тивъ себя недовольство истинныхъ поборниковъ просвѣщенія. Братья занимаются средневѣковыми науками: алхиміей, магіей, кабалистикой; они вѣрятъ въ возможность превращать простые камни въ драгоцѣнные, стремятся отыскать философскій камень, посредствомъ котораго можно было бы дѣлать золото; они думаютъ, что, изучивъ силы природы, найдутъ средство избавляться отъ всякихъ болѣзней и жить нѣсколько сотъ лѣтъ.

Между различными системами масонства замѣчательны были: тамплиерство, или система строгаго наблюденія, циннендорфство (слабое наблюденіе), иллюминацтство, розенкрейцерство и др.

Новиковскій кружокъ въ Москвѣ остановился на братствѣ златорозоваго креста или розенкрейцерствѣ¹⁾. Съ дѣятельностью этого кружка мы и познакомимъ читателя, оставляя въ сторонѣ вопросъ о времени появленія въ Россіи первыхъ масонскихъ ложъ.

Въ 1779 году въ Москву пріѣхалъ Н. И. Новиковъ, вступившій въ масонство въ бытность свою въ Петербургѣ. Переѣхавши въ Москву, Новиковъ прекратилъ всякія сношенія съ петербургскими масонами, кромѣ Кутузова, Тургенева и Чулкова, которые вскорѣ и сами переселились въ Москву. Въ концѣ 1780 года, по настоянію Новикова, была въ Москвѣ основана ложа подъ названіемъ „Гармонія“. Въ ней было только 8 членовъ: Новиковъ, кн. Н. Н. Трубецкой, М. Херасковъ, кн. Черкасскій, Ив. П. Тургеневъ, кн. Энгальчевъ и Шварцъ. Вскорѣ присоединился къ этой ложѣ кн. Юр. Н. Трубецкой. Въ 1781 году Шварцъ отправился за границу. Въ Берлинѣ онъ познакомился съ ревностнымъ дѣятелемъ розенкрейцерства Велльнеромъ, отъ котораго получилъ наставленіе въ познаніяхъ розенкрейцерскихъ и право на основаніе въ Москвѣ „Ордена златорозоваго креста“. Вскорѣ послѣ возвращенія Шварца изъ-за границы, вступилъ въ масонскій орденъ Лопухинъ и сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей московскаго масонства. Согласно предписанію, данному герцог. Брауншвейгскимъ Шварцу, московскіе масоны немедленно приступили къ учрежденію двухъ капитуловъ ордена. Одинъ изъ нихъ поступилъ подъ начальство Татищева, другой—кн. Н. Н.

¹⁾ Объ исторіи Розенкрейцера и розенкрейцерства см. статью А. Н. Пыпина въ „Вѣст. Евр.“ 1867 г. Т. III. О первыхъ масонскихъ ложахъ въ Россіи см. подробн. у Пыпина („В. Евр. 1867 и 68 г.) и у Лонгинова въ кн. „Новиковъ и московскіе мартинисты“.

Трубецкого. Верховное завѣдываніе капитулами находилось въ рукахъ Шварца. Подъ управленіемъ этихъ капитуловъ находились московскія ложи вплоть до Вильгельмсбадскаго конвента. Въ Москвѣ тогда были слѣдующія ложи: „Латоны“, „Коронованнаго знамени“, „Девкаліона“, „Свѣтоноснаго треугольника“ и „Святаго Моисея“. Позже, 31 мая 1784 года, была основана подъ управленіемъ Лопухина ложа „Блистающей звѣзды“. На Вильгельмсбадскомъ конвентѣ, 16 іюля 1782 года, Россія была признана независимою (восьмою) провинціею, въ уваженіе того, что она „есть государство пространное, управляемое сильной государыней, которой непріятно было бы видѣть подданныхъ въ зависимости отъ чужестранной области ¹⁾, и имѣть уже многія орденскія учрежденія, желающія приступить къ правленію“ (масонскому). Согласно актамъ конвента, въ Москвѣ организованы были „Провинціальный капитулъ“ и „Директорія“.

Ешевскій въ своей статьѣ „Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія“ ²⁾ приводитъ, между прочимъ, выдержку изъ письма Новикова (отъ 14 февр. 1783 г.) къ брату Алексѣю Eques a bona spe (А. Андр. Вревскому). Въ письмѣ этомъ перечислены всѣ члены провинціального капитула и директоріи 8-й провинціи. // Ру

Замѣчательнымъ является то обстоятельство, что въ капитулѣ 8-й провинціи оставалась вакантною первая по своему значенію должность великаго провинціального мастера. Очень возможно, что ее приберегали для наслѣдника престола вел. кн. Павла Петровича, на котораго русскіе масоны возлагали большія надежды, и съ которымъ черезъ посредство архитектора Баженова велись даже переговоры ³⁾. Интересно также, что Ив. Вл. Лопухинъ не занималъ никакой должности ни въ провинціальномъ капитулѣ, ни въ директоріи. Вѣроятно, масоны, по свойственной имъ осторожности, боялись довѣриться человѣку, недавно вступившему въ ихъ орденъ.

¹⁾ т. е. Швеціи, согласно „деклараци“, выданной въ концѣ 1779 г. герцогомъ Зюдерманландскимъ. Русскіе получили свое масонство изъ трехъ главныхъ источниковъ: англійскаго, нѣмецкаго и шведскаго.

²⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1864 г. № 52; сочин., т. III.

³⁾ Объ отношеніи масоновъ къ Павлу Петровичу см. подробнѣе ст. Незеленова „Новиковъ въ Шлиссельбург. крѣп. („Литер. направл.“ 363 — 366 стр.).

Когда такимъ образомъ русскіе масоны получили самостоятельное управление, Шварцъ задумалъ учредить въ Москвѣ „орденъ золоторозоваго креста“. Управление московскимъ отдѣломъ розенкрейцерскаго братства берлинскіе начальники возложили на Шварца. Въ 1782 г. въ Москвѣ, независимо отъ работъ масонскихъ, и начались розенкрейцерскія занятія, которыя въ дѣлѣ изученія алхиміи, кабалы и магіи шли далѣе, чѣмъ всѣ прочія масонскія системы.

Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно заключить, что наши розенкрейцеры не дошли до дѣланія золота и отысканія панацеи, или универсальнаго, всеобщаго лѣкарства для безконечнаго продленія человѣческой жизни, хотя и считали это возможнымъ. Лопухинъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы, предложенные ему кн. Прозоровскимъ ¹⁾, заявляетъ, что „философскаго дѣла, о которомъ говорится въ герметическихъ ²⁾ книгахъ, онъ никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разуму доказать невозможность онаго, но *никогда не заботился стяжать оное*... Но, ежели оно возможно, думалъ Лопухинъ, не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея, то и сіе дѣло бесполезное быть не можетъ“ ³⁾.

Въ отвѣтахъ Новикова мы находимъ еще болѣе ясныя указанія на этотъ предметъ. „Въ магіи и кабалѣ (говоритъ онъ) и не могли изъ насъ никто упражняться, находясь въ нижнихъ еще только градусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ кромѣ названія ихъ не извѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ, и потому, что (ни) первыхъ основаній показать намъ было еще некому“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, кабала, магія и алхимія не имѣли большаго примѣненія у московскихъ розенкрейцеровъ, которые въ этомъ отношеніи отстали отъ своихъ берлинскихъ руководителей; равнымъ образомъ, они были свободны отъ всякихъ поли-

¹⁾ Отвѣты эти напечатаны въ кн. Лонгинова „Новиковъ и москов. мартисты“.

²⁾ Подъ герметической наукой (такъ названной потому, что изобрѣтеніе ея приписывается Гермесу Трисмигисту, египетскому Меркурію) разумѣется алхимія, наука превращенія нечистыхъ металловъ въ благородные, съ цѣлью отыскать философскій камень, или тайну дѣлать золото.

³⁾ Лонг. 0130.

⁴⁾ Лонг. 0112.

тических стремлений ¹⁾. Не то мы видимъ у берлинскихъ розенкрейцеровъ; какъ извѣстно, главные представители ихъ Велльнеръ и Бишофсвердеръ, сдѣлавшись министрами прусскаго короля Фридриха Вильгельма II, играли самую позорную роль въ исторіи прусской политики. Наши розенкрейцеры справедливо могутъ считаться выше берлинскихъ. Проникнутые идеями челоуѣколюбія и братства, они приходили на помощь бѣднымъ людямъ, устраивали богадѣльни, аптеки; заботясь о просвѣщеніи народномъ, они заводили школы, учителями которыхъ назначались молодые люди, получившіе образованіе на средства тѣхъ же масоновъ. Безспорно, своею филантропическою и просвѣтительною дѣятельностью московскіе масоны оказали громадную услугу русскому обществу; еще съ большимъ уваженіемъ относились бы мы къ памяти этихъ тружениковъ, если бы къ истиннымъ началамъ просвѣщенія они не примѣшивали туманныхъ, мистическихъ бредней.

Но культурные интересы молодости—какъ справедливо замѣчаетъ г. А. Веселовскій — уберегли многихъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія мистической стороною масонства—и, создавъ „Дружеское Ученое Общество“ ²⁾ и „Типографическую Компанію“, московскій масонскій кружокъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ общественнымъ и литературнымъ центромъ ³⁾.

Изъ „Записокъ“ Лопухина мы можемъ извлечь многое для объясненія дѣятельности этого кружка, а главное познакомиться съ направленіемъ его членовъ.

Члены общества—говоритъ Лопухинъ — упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости гл. VII, ст. 17—22 ⁴⁾)... Мы учились. Многимъ это казалось и покажется

¹⁾ Насколько намъ извѣстно, за оппозиціонный характеръ московскихъ просвѣтителей-масоновъ высказался только одинъ изслѣдователь обществ. движенія Россіи въ XVIII в.—г. Сиповскій, сблизившій, правда, съ оговоркою, Шварца и Новикова съ иллюминатами. „Карамзинъ, авторъ писемъ русск. путешест.“ Спб. 1899 г. Стр. 107, 541, 11, 15, 17 и др.

²⁾ „Друж. учен. общество“ официально открыто въ 1782 году.

³⁾ А. Веселовскій. Западное вліяніе въ нов. русск. лит. Изд. 2-е. М. 1896 г. Стр. 110. По мнѣнію пр. Незеленова, „Друж. Уч. Общ.“ нельзя считать масонскимъ только обществомъ. („Литерат. направл.“ Спб. 1889 г. Стр. 143.

⁴⁾ „Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало и конецъ, и средину временъ, возвратовъ пре-

смѣшно, но простолюдинская поговорка: вѣкъ живи, вѣкъ учишь, гораздо умнѣе такого смѣха.

„Когда человѣкъ сколько-нибудь съ благоразуміемъ помыслить о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывшіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшной жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишитъ человѣка не можетъ. Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели. Въ школахъ и на кафедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той природы, коей любовь сія свойственна; какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать. Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго... Сіе моральное перерожденіе, черезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божиимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая... Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя; безъ познанія же самого себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но нимало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души“¹⁾.

Итакъ, упражненія нашихъ идеалистовъ-масоновъ сводились къ заботамъ о моральномъ перерожденіи, необходимомъ для исполненія заповѣди Божіей: люби Бога, люби ближняго, и къ

мѣны и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположенія, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленія человѣковъ, разнство лѣтораслѣмъ и силы корней“.

1) „Записки“, стр. 15, 16, 17.

старанію вселить въ людяхъ страхъ Божій, „соль истинной добродѣтели“. Важнѣйшая изъ цѣлей „Дружескаго общества“ заключалась, по словамъ Лопухина, въ томъ, чтобы „издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно-евангельской, переводя глубочайшихъ о семь писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію“. Цѣль эта была достигнута.

Въ учительской семинаріи, открытой Шварцемъ при университетѣ еще въ 1779 году, готовились къ учительскому поприщу лучшіе ученики изъ духовно-учебныхъ заведеній, вызванные „Обществомъ“ чрезъ епархіальныхъ архіереевъ.

Въ 1782 году, по настоянію того же Шварца, при университетѣ была учреждена другая, „переводческая или филологическая семинарія“, въ которой молодые люди, получающіе содержаніе отъ „Дружескаго Общества“, занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій. 15 января 1783 г. былъ изданъ указъ о вольныхъ типографіяхъ, давшій у насъ сильный толчокъ развитію книгопродавческой дѣятельности. Массонское общество не замедлило воспользоваться столь дорогимъ для него указомъ. Дѣйствительно, въ 1783 году, вскорѣ послѣ изданія указа, на имя членовъ общества, Новикова и Лопухина, учреждаются въ Москвѣ двѣ вольныхъ типографіи, предназначенныя для печатанія только масонскихъ книгъ. Мало того, розенкрейцеры заводятъ еще новую (третью) типографію, которая носитъ наименованіе „тайной“ ¹⁾. Въ этой типографіи печатались книги, переведенныя съ иностранныхъ языковъ и имѣвшія большую цѣнность въ глазахъ розенкрейцеровъ; онѣ предназначались не для продажи, а для обращенія въ избранномъ кружкѣ читателей. „Тайная“ типографія находилась подъ управленіемъ Новикова, хотя de jure хозяиномъ ея числился Лопухинъ. Послѣдній такъ опредѣляетъ свое участіе въ дѣлахъ „тайной“ типографіи: „хотя сею типографіею, подъ именемъ моимъ бывшею, управлялъ и книги отдавалъ пе-

¹⁾ „Типографія состояла изъ двухъ только становъ и отдѣлена отъ заведенной подъ именемъ Лопухина типографіи и считалась подъ его именемъ, а между нами она называлась тайною типографіею, потому что она ни въ шетахъ, ни въ чемъ съ университетскою, бывшею у меня, ни съ компанейскою ни въ чемъ сообщенія не имѣла“ (отв. Новикова кн. Прозоровскому. Лонгиновъ).

чатать Новиковъ, однако я по склонности къ мистическимъ матеріямъ участвовалъ много въ томъ печатаніи и усердіемъ и вѣданіемъ“ 1). Усердіе Лопухина выражалось, между прочимъ, въ томъ, что онъ отдавалъ книги въ цензуру управы благочинія, а подписанные листы, по напечатаніи каждой книги, бралъ къ себѣ для сбереженія. Корректуру держали сами розенкрейперы, боясь вручить ее постороннимъ лицамъ 2).

Въ 1784 г. „Дружеское Ученое Общество“ было преобразовано въ „Типографическую Компанію“. Цѣлью этого учрежденія было укрѣпить на болѣе прочныхъ основаніяхъ дѣло печатанія и распространенія книгъ. Главное завѣдываніе дѣлами Компаніи было возложено на Новикова, Гамалѣю, Лопухина, Кутузова, барона Шредера и двухъ князей Трубецкихъ. Прочіе члены собирались только на совѣщаніе 3).

Преслѣдуя задуманную цѣль, члены компаніи 4) завели новую обширную типографію, имѣвшую 20 становъ. Такимъ образомъ, дѣятельность московскихъ масоновъ приняла громадныя размѣры. Имѣя въ своемъ распоряженіи пять типографій (университетскую, Новиковскую, Лопухинскую, тайную и компанейскую⁵⁾), они издали массу книгъ духовно-нравственнаго содержанія.

Къ этому же времени относятся попытки масоновъ положить начало мистическо-масонской журналистикѣ. Такъ, въ 1784 г. въ типографіи Лопухина были напечатаны журналы: „Избранная библіотека для христіанскаго чтенія“ (вышло въ свѣтъ 4 части) и „Магазинъ свободно-каменщицкой“ (изданъ только 1-й томъ 6).

1) Лонгиновъ, 0134 (отв. Л-на на 13-й вопр. пунктъ).

2) Лонгиновъ, 093 (отв. Новикова на 15-й пунктъ).

3) Лонгиновъ, 089.

4) Первоначально компанія состояла изъ 14 членовъ. Это были: Чулковъ, полковникъ Лодыженскій, Черкасскій, Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ, Кутузовъ, Трубецкій Н. Н., Трубецкій Юр. Н., Гамалѣя, братъ Новикова, Енгальчевъ, баронъ Шредеръ, братъ Лопухина. Въ „актѣ уничтоженія компаніи“ 1791 г. показанъ 15-й членъ — бригадиръ П. Лодыженскій, вступившій, вѣроятно, послѣ ея основанія. Изъ членовъ компаніи не принадлежали къ ордену розенкрейперовъ только: Лодыженскіе и братъ Лопухина.

5) Новик. и Лопух. типографіи впоследствии присоединились къ тип. компанейской.

6) Неустровъ „Историч. разысканіе о русск. повремен. изд. и сборн. за 1703—1802 г.“ и Лонгиновъ. „Новик и моск. март.“.

Подводя итогъ издательской и книгопродавческой дѣятельности Новикова въ Москвѣ, проф. Ключевскій находитъ, что, благодаря ей, „стало пробиваться то, съ чѣмъ еще незнакомо было русское просвѣщенное общество: *это общественное мнѣнiе*“. „Я едва-ли ошибусь—заключаетъ маститый историкъ—если отнесу его зарожденiе къ годамъ московской дѣятельности Новикова, къ этому *новиковскому десятилѣтiю* (1779—1789)“¹⁾. Ближайшимъ же сотрудникомъ Новикова, лицомъ, принимавшимъ самое живое участiе въ издательской дѣятельности „Типографической Компанiи“, былъ, какъ мы видѣли, Лопухинъ.

Кромѣ просвѣтительной дѣятельности, „Типографическая Компанiя“ оказала русскому обществу немалую услугу и другого рода. Такъ, она учреждала больницы и аптеки, помогала бѣднымъ раздачею хлѣба во время неурожая и т. п. Во время голода въ Москвѣ въ 1787 г. Новиковъ говорилъ въ собранiи общества рѣчь и просилъ присутствовавшихъ помочь несчастнымъ голодающимъ. Рѣчь Новикова возымѣла свое дѣйствiе: богатый отставной премьеръ-маiоръ Г. М. Походяшинъ тотчасъ же отдалъ въ распоряженiе общества значительную часть своего состоянiя. На суммы Походяшина была произведена безденежная раздача хлѣба бѣднымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Мы знаемъ также, что И. В. Лопухинъ почти все свое состоянiе употребилъ на дѣла благотворительности, распространенiе грамотности и религиозна-нравственнаго воспитанiя въ народѣ, и на помощь бѣднымъ. Другъ его, кн. Репнинъ, будучи губернаторомъ въ Бѣлоруссiи, во время голода содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ обширныхъ бѣлорусскихъ губернiй.

Такова была дѣятельность московскихъ розенкрейцеровъ, образовавшихъ между собою товарищество, сильное солидарностью своихъ членовъ, взаимною поддержкою, проникнутое чувствомъ любви къ ближнему, готовностью оказать помощь страждущимъ,—товарищество, стремившееся къ самопознанiю и содѣйствовавшее заботамъ правительства о народномъ просвѣщенiи.

Что касается до управленiя орденомъ, то со смертью Шварца, послѣдовавшей 17 февр. 1784 года, въ немъ произошли нѣко-

¹⁾ „Русск. Мысль“ 1895 г. № 1. „Воспом. о Новиковѣ“, стр. 58.

торыя перемѣны. По предписанію берлинскихъ начальниковъ, московскіе розенкрейцеры избрали изъ своей среды двухъ надзирателей: Лопухина — для русскихъ братьевъ и барона Шредера — для иностранцевъ. Шредеръ былъ отправленъ въ Берлинъ съ цѣлью испросить инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій. Велльнеръ назначилъ его управляющимъ въ орденѣ московскихъ розенкрейцеровъ на мѣсто Шварца. Новый глава московскихъ масоновъ былъ не то, что прежній „неугомонный энтузіастъ просвѣщенія“ ¹⁾, и неудивительно, что братья, особенно Новиковъ, стали его чуждаться. Съ 1784 года розенкрейцеры появляются въ другихъ городахъ Россіи ²⁾.

Закончимъ наше краткое обозрѣніе дѣятельности Новиковскаго кружка глубоко правдивыми словами, высказанными относительно ея однимъ изъ изслѣдователей русскаго масонства, А. Н. Пыпинымъ: „Въ самомъ содержаніи Новиковской пропаганды было много туманной фантастики и вреднаго мистицизма, враждебнаго истинной наукѣ и отвращавшагося отъ нея. Но въ предпріятіяхъ Новикова и его друзей является самостоятельная инициатива, которую мы можемъ считать первымъ обширнымъ примѣромъ общественной самодѣятельности со временъ реформы; это было служеніе нравственнымъ интересамъ общества, не вызванное никакими оффиціальными указаніями, а внушенное инстинктомъ обязанности къ обществу и внутреннимъ убѣжденіемъ“ ³⁾.

¹⁾ Отзывъ г. Ключевского о Шварцѣ.

²⁾ См. подробн. у Лонгинова 0133 (отвѣтъ Лопухина на 11-й вопросн. пунктъ).

³⁾ „Русск. масонство въ XVIII в. „Вѣстн. Европы“. 1867 г. Т. 2.

III.

Масонская дѣятельность Лопухина.—Общественное недовѣріе къ масонамъ.—Шпіоны.—Сочиненія Лопухина: „Нравоучительный катихизисъ“, „Нѣкоторые черты о внутренней церкви“ и „Духовный рыцарь“.

Изъ предыдущаго изложенія читатель могъ уже замѣтить, что Лопухинъ былъ ревностнымъ членомъ общества масоновъ.

Сдѣлавшись масономъ позже другихъ, онъ сразу занялъ среди своихъ товарищей видное и почетное мѣсто. Его имя мы встрѣчаемъ въ числѣ принятыхъ въ братство „Злато-розоваго Креста“; онъ былъ мастеромъ стула ложи „Латоны“; подъ его управленіемъ въ 1784 году открылась ложа „Блισταющей Звѣзды“; онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ „Типографической Компаніи“. Мы знаемъ также, что въ 1784 г. Лопухинъ былъ назначенъ надзирателемъ для русскихъ братьевъ, и подъ его управленіемъ находилось нѣсколько ложъ въ другихъ городахъ Имперіи. Слѣдуетъ еще сказать, что, ревнуя о просвѣщеніи, Лопухинъ отправилъ за границу на свой счетъ и содержалъ тамъ двухъ студентовъ—Колокольниковъ и Невзорова. Мало того: когда многіе стали высказывать свое недовольство противъ масоновъ и взводить на нихъ всевозможныя обвиненія, Лопухинъ выступилъ въ качествѣ апологета своего ордена и написалъ „Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ“, въ которомъ онъ старался доказать тождественность масонства съ христіанствомъ. Сколь благотворною и полезною ни была дѣятельность Новиковскаго кружка, она не нашла себѣ должной оцѣнки въ современномъ обществѣ. Народная масса, какъ всегда, относилась недовѣрчиво къ замкнутому товариществу, пугавшему ее своею таинственностью, а правительство не могло благосклонно смотрѣть на энергичныхъ бойцовъ, осмѣлившихся собственными своими силами, помимо поддержки свыше, составить

общество съ цѣлью распространять просвѣщеніе, поднять умственный уровень невѣжественнаго народа и вызвать на путь самостоятельной дѣятельности народныя силы.

Лопухинъ въ своихъ „Запискахъ“ сообщаетъ намъ, чѣмъ вызывали неудовольствіе наши масоны и какимъ обвиненіямъ они подвергались. „Порочили особливо—говорить онъ—тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее?... Коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанная, старались представлять насъ подозрительными и для спокойствія общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было немало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ ¹⁾, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы“ („Записки“, стр. 18) ²⁾. Итакъ, въ концѣ 1784 года—разсказываетъ Лопухинъ—открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами, другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность, а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря при томъ существованію духовъ, и разныя разглашали нелѣпости...

Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами

¹⁾ Гг. Бартеневъ и Аванасьевъ предполагаютъ: первый, что тутъ говорится про генераль-прокурора кн. Вяземскаго („Р. Арх.“ 1884 г. стр. 18), второй—про Потемкина („Арх. ист. и практ. свѣд.“ 1860 г.). Мы склоняемся на сторону второго.

²⁾ О сношеніи масоновъ съ „ближайшею къ престолу особой“, какъ одной изъ причинъ усилившихся противъ нихъ подозрѣній императрицы, говорится также въ „Запискѣ“ Карамзина, поданной имъ въ защиту семейства Новикова императору Александру I.

книги. Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ...

Разсуждая далѣе о причинахъ, вызвавшихъ французскую революцію, Лопухинъ проявляетъ такой здравый взглядъ, что надо удивляться, какимъ образомъ въ головѣ человѣка, наполненной туманнымъ мистицизмомъ, могло явиться ясное и правильное пониманіе событій. „Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямыя и одни источники революцій!“ восклицаетъ Лопухинъ.

Страхъ, наведенный на всю Европу французскою революціей, заставилъ осмотрительнѣе относиться ко всякимъ тайнымъ обществамъ, и наши масоны не избѣжали подозрѣнія въ сношеніяхъ съ якобинцами и желаніи „заводить вольность“. При такихъ обстоятельствахъ шпіонство вступило въ свои права; собранія масоновъ прекратились; масонская переписка подверглась, если вѣрить словамъ Лопухина, тщательному контролю; на почтѣ безъ церемоніи распечатывали письма масоновъ. „Всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю бывшему въ чужихъ краяхъ 1),—заявляетъ Лопухинъ—отсылались къ Государынѣ. Я симъ нимало не безпокоился, и, зная, писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ наединѣ въ полной откровенности“ 2). Даже духовенство, которое сначала дружелюбно смотрѣло на масонство, какъ на общество, преслѣдовавшее высокія религіозно-нравственныя и филантропическія цѣли, потомъ стало къ нему во враждебныя отношенія, когда замѣтило, что къ чистотѣ христіанскаго ученія масоны примѣшивали много фантастическихъ бредней.

Въ виду всеобщаго недовольства противъ масоновъ, Лопухину естественно пришла въ голову мысль разъяснить сущность исповѣдуемаго ихъ ученія. Послѣ одного изъ споровъ о масонствѣ, которые у него часто происходили съ митрополитомъ Платономъ, онъ и принялся за составленіе „Катихизиса истинныхъ франкъ-масоновъ“. Катихизисъ этотъ появился въ свѣтъ въ 1790 г. первоначально во французскомъ переводѣ самого

1) А. М. Кутузову.

2) „Записки“ Лопухина, стр. 22.

Лопухина, подъ заглавіемъ: „Catéchisme moral pour les vrais F. M.“, т. е. какъ бы сочиненіе, присланное изъ-за границы.

„Нравоучительный Катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ“¹⁾ состоитъ изъ 40 вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ. Для ознакомленія съ характеромъ масонскаго катихизиса достаточно будетъ привести слѣдующіе вопросы.

„1) Истинный ли ты франкъ-масонъ?—Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго Строителя вселенной при ея сотвореніи“.

По мнѣнію г. Бартенева, человекъ, оглашающій печатно во главѣ своего вѣроученія такія слова, тѣмъ самымъ отводитъ себя въ область невѣрности. („Русск. Арх.“ 1884 г. кн. I, стр. 153).

„2) Чѣмъ наипаче отличается истинный франкъ-масонъ?—Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ“.

„3) Какая цѣль ордена истинныхъ франкъ-масоновъ? Главная цѣль есть та же, что и цѣль истиннаго христіанства“.

„4) Какой главный долгъ истиннаго франкъ-масона? Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаема и отлученъ быть отъ Иисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX, 3“.

„5) Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ франкъ-масоновъ?—Послѣдованіе Иисусу Христу“.

„6) Какія суть дѣйствительныя къ тому средства?“ Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей Евангельскихъ и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ; ибо истинный франкъ-масонъ не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли небеснаго Отца“.

Проповѣдуемое масонами воздержаніе отчасти сближало ихъ орденъ съ братствомъ монашествующихъ. Но только районъ дѣятельности того и другого былъ различенъ. Монахъ удалялся отъ міра, дабы молитвою и постомъ заслужить любовь Бога; масонъ же долженъ былъ дѣйствовать среди мірянъ, наставляя и вразумляя уклонившихся отъ пути истины. На 7-й вопросъ: „гдѣ истинный франкъ-масонъ долженъ совершать свою работу?“ дается отвѣтъ: „Посреди сего міра, не прикасясь сердцемъ къ

¹⁾ „Катихизисъ“ помѣщенъ въ „Запискахъ“ Лопухина, въ „Духовномъ рыцарѣ“ и въ кн. „О внутренней церкви“.

суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. I Кор. VII, 20⁴.

На нашихъ масоновъ, какъ мы выше упомянули, сыпались обвиненія въ политической неблагонадежности, а потому Лопухинъ въ своемъ „Катихизисѣ“ касается вопроса и объ отношеніи ордена къ властямъ. Такъ, на вопросъ 17-й: „Какая должность истиннаго франкъ-масона въ разсужденіи своего Государя?“ мы читаемъ отвѣтъ: „онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому“.

Вопросъ 18. Какія обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?—Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти.

Въ вопросахъ съ 20-го по 28-й (включительно) разсматриваются отношенія масоновъ къ подвластнымъ людямъ, отношенія къ врагамъ, гонителямъ, человѣконенавистникамъ, просящимъ и т. д.

Вопросъ 20. Какъ истинный франкъ-масонъ долженъ поступать съ подвластными ему?—Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, I ¹). Всѣхъ людей вообще, не исключая и враговъ своихъ, масонъ долженъ любить, клянущихъ его благословлять, ненавидящимъ дѣлать добро, молиться за тѣхъ, которые гонятъ его, просящему

¹) По мнѣнію проф. Незеленова, въ этомъ отвѣтѣ видна „чисто масонская черта: проповѣдь безусловнаго повиновенія младшихъ братьевъ старшимъ, того повиновенія, которое открывало доступъ въ орденъ плутамъ и шарлатанамъ и губило порой простодушныхъ людей“ („Литерат. направленія, 172—173 стр.) Определенный намекъ на другую черту масонства—вѣрованіе въ тайныя науки и сверхъестественныя знанія—проф. Незеленовъ усматриваетъ въ отв. на 16-й вопр.: „Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить оное (т. е. масонское) таинство?“ Въ отвѣтѣ, между прочимъ, сказано: „онъ долженъ быть таковъ, что, хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, могъ бы терпѣливо сносить жесточайшую боль... обладаючи способомъ производить богатства всего міра и имѣя съ Иисусомъ Навиномъ силу остановить солнце и съ Иліею отверзать и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ“.

долженъ давать, и „когда даётъ милостыню, то чтобъ его—лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая“; если кто ударить масона по одной щекѣ, то онъ долженъ „оборотить ему и дру́гую“ (Отв. на вопр. 21—26). Въ „Катихизисѣ“ встрѣчаются также разсужденія о чувствахъ, какія долженъ питать истинный фр.-масонъ къ своимъ родителямъ, къ женѣ, дѣтямъ, предлагаются наставленія относительно воспитанія дѣтей, употребленія пищи и питья и т. п. Употреблять оныя (т. е. пищу и питье) масонъ долженъ умѣренно, не въ удовольствіе сластолюбія, но дабы подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой надлежитъ быть яслями возрожденія и земною обителью человѣка внутренняго и духовнаго (Отв. 36-й). Таковъ взглядъ Лопухина на обязанности истиннаго масона и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанина. И надо сказать, что не на словахъ только стоялъ нашъ масонъ за подобное высокое ученіе, но и на дѣлѣ, стараясь, по возможности, ближе подойти къ намѣченному имъ идеалу.

Для выясненія масонскаго міросозерпанія нашего автора имѣютъ важное значеніе, кромѣ „Катихизиса“, еще два его труда: 1) „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели“ и 2) „Духовный рыцарь или ищущій премудрости“.

Сочиненіе „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“¹⁾ написано Лопухинимъ въ 1789 году. При самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ книгою Лопухина у васъ не останется сомнѣнія въ томъ, что вы имѣете дѣло съ масонскимъ сочиненіемъ. Такъ, съ первой же страницы рѣзко бросаются въ глаза нѣкоторыя особенности книги. Вверху напечатано заглавіе: „О внутренней церкви“; подъ нимъ помѣщено изображеніе пылающаго сердца, обвитаго цвѣтами; остріе копья, пройдя черезъ крестъ, изображенный въ серединѣ сердца, прокалываетъ голову змѣя, извивающагося вокругъ оконечности сердца; внизу приведено изреченіе: „Дая законы въ мысли и на сердцахъ напишу я“. На другой сторонѣ обложки изображены: вверху—два треугольника, обращенныхъ вершинами въ противоположныя стороны (обычное

¹⁾ 1-е изд. Спб. 1798 г. (Соп. № 6917, Плав. № 1530); 2-е изд. 1801 г. съ аллегорич. картиною; 3-е изд. 1815 г. (Соп. № 12573 и 12993). У насъ подъ рукою было 2-е изд. Переведена книжка на фр. яз. 1) въ Петерб. 1799 г. и 2) въ Парижѣ. Нѣмецк. переводъ Эвальда помѣщенъ въ журналѣ, имъ издаваемомъ: „Христіанскій календарь“.

у масоновъ изображеніе, на подобіе звѣзды) и въ серединѣ—крутая гора, на которую взбирается человѣкъ съ ношею; изъ пучины облаковъ виднѣтся рука, простертая по направленію къ этому человѣку; надъ картинкою надпись: „вѣрующему бремя легко“, внизу, подъ картинкою, приведены стихи Фенелона:

„O Dieu, ta foi m'appelle,
Et je marche à tâtons:
Elle aveugle mon zèle,
Je n'entends qu'elle,
Dans ta nuit éternelle
Perds ma raison.“

Уже самая обложка, изобилующая подобными изображеніями, показываетъ, что передъ нами—книга мистическаго направленія.

Все сочиненіе раздѣлено на восемь главъ. Въ первой главѣ авторъ трактуетъ о „*началѣ и продолженіи внутренней церкви*“. Адамъ, изгнанный изъ рая за ослушаніе воли Бога, „погасилъ въ умѣ своемъ свѣтильникъ Небесной Премудрости“. Но достаточно было перваго вздоха раскаянія, и въ Адамѣ снова возсіялъ свѣтъ, который освѣщалъ его до паденія. Съ этихъ поръ и можно считать начало основанія внутренней церкви Божіей на землѣ. Представителями ея были: патріархи, праведники, души благочестивыя, „украшенные добротой непорочности Авелевой“. Одновременно съ церковью внутренней создается антихристова церковь, поддерживаемая потомками Каина, поборниками неправды, вражды, убійствъ. Съ вочеловѣченіемъ Иисуса Христа Божественная церковь укрѣпилась, возвысилась и распространилась. Иисусъ Христосъ далъ возможность всѣмъ вѣрующимъ и любящимъ Его снова быть чадами Божіими.

Вторая глава содержитъ въ себѣ „*Описаніе церкви въ образѣ Христа*“. Для большей наглядности авторъ приложилъ къ своему сочиненію аллегорическую картину, изображающую храмъ природы и благодати. Храмъ природы и благодати состоитъ изъ пяти частей: преддверія, притвора, внутреннѣйшаго Святилища, Святая и Святая Святыхъ. Люди, по мѣрѣ своего совершенствованія, переходятъ изъ одной части въ другую. Самую большую толпу, окружающую этотъ воображаемый храмъ, составляютъ люди, недостойные войти въ него—„рабы заблужденій, страстей, пороковъ и не желающіе освободиться отъ ига ихъ, влачимаго

суетою міра и похотію плоти“. Людей этихъ можно назвать „поклонниками идоламъ плоти и міра“; „обходящій аки левъ и ищущій кого поглотити“ легко можетъ завлечь ихъ въ степи церкви антихристовой. Кто начинаетъ „видѣть суету міра сего“, мыслить о исканіи истины и ощущать „нужду въ вѣчномъ спасеніи“, тотъ находится въ преддверіяхъ храма; „подвигнутые влеченіемъ Отчимъ“, увѣровавшіе Евангельскому откровенію, наполняютъ притворъ храма и т. д.

Нравственно-возвышенная проповѣдь о ничтожности мірскихъ суетъ и необходимости самосовершенствованія была существенно частью ученія нашихъ мистиковъ. Въ вѣкъ грубаго матеріализма, эгоистическихъ стремленій, такая проповѣдь являлась какъ нельзя болѣе кстати.

Въ третьей главѣ „О церкви антихристовой“ авторъ перечисляетъ главныхъ членовъ этой церкви. „Главные члены мерзкаго собора ея суть ложные чудотѣи, лжеправедники, писатели откровеній духа тьмы... духовные сластолюбцы, прилежащіе къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему: въ число которыхъ должно полагать *любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прильпленныхъ къ познаніямъ, златодѣланію и къ исканію средствъ искусствомъ продолжать грѣховную свою жизнь, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи, тайной медицины и въ магнитизмъ* ономъ, который можетъ учиниться наилучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для дѣйствій темныхъ силъ. Изъ числа духовныхъ силъ сластолюбцевъ также бываютъ учредители сектъ, основанныхъ на ложномъ свѣтѣ естественнаго разума и бродящихъ по буквамъ, имѣющимъ видъ таинственности“.

Изъ вышеприведенныхъ словъ Лопухина можно заключить, что онъ возставалъ противъ упражненій въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи и тайной медицины; но это еще не значитъ, что наши масоны совсѣмъ отвергали упражненія въ подобныхъ наукахъ: не слѣдуетъ упражняться только въ буквахъ, ради удовлетворенія «любопытства, корысти и себялюбія», заниматься же кабалою и магіею „по любви къ истинѣ“, съ цѣлью познать самую сущность предмета (въ успѣхъ чего масоны наивно вѣрили), они считали не только возможнымъ, но и должнымъ. Кромѣ выше названныхъ членовъ антихристовой церкви, Лопухинъ указываетъ еще на „духовныхъ фарисеевъ, которыхъ самолюбіе, гор-

дость, духовное сладострастіе, лукавство, властолюбіе облакають въ одеждѣ смиренія, воздержанія, цѣломудрія и благодѣянія“, и модныхъ философовъ, которые „тщатся доказывать, что душа смертна, что самолюбіе должно быть основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, что христіанство—фанатизм“. Наконецъ, самая нижняя жатва злобному духу антихристову—говорить Лопухинъ—суть упражняющіеся въ гнусной ворожбѣ и гаданіяхъ, убійцы, обагрившіе руки свои въ крови ближнихъ, и еще тѣ несчастнѣйшіе изъ рабовъ плоти, которые отмѣнно преисполняютъ чашу плотскихъ беззаконій, яко то піянства, блуда и проч. Итакъ, къ членамъ антихристовой церкви принадлежатъ ложные чудодѣи, духовные сластолюбцы, фарисеи, модные философы, гадатели, убійцы, пьяницы, блудодѣи и т. п. Интересно, что Лопухинъ подъ одну категорію членовъ антихристовой церкви подводитъ модныхъ философовъ наравнѣ съ убійцами, пьяницами и всякаго рода плотоугодниками.

Четвертая глава посвящена разсужденію „о знакахъ истинной церкви Божіей и истинныхъ членовъ главы ея Іисуса Христа“.

Всѣ признаки, какъ-то: вѣра, молитва, постъ, даръ пророчества, чудотворенія и проч. могутъ, по мнѣнію автора, встрѣчаться и у другихъ людей, не принадлежащихъ къ числу истинныхъ членовъ церкви Христовой. „Что же знаменуетъ во истину члена Христова?“ т. е. масона—„Любовь. Любовь есть сущность животворящаго тѣла Іисусова,.. любовь, отвергнувшая всякую собственность и стремящаяся къ Богу единственно для Него“.

Въ пятой главѣ Лопухинъ говоритъ „о возрожденіи, о мучимыхъ въ ономъ бытъ паденіяхъ, заблужденіяхъ и о ложной духовности“.

„Возрожденіе или обновленіе въ Іисусѣ Христѣ есть главный предметъ и единое на потребу... Истинное возрожденіе въ чадство Божіе творится въ духовномъ всепрошающемъ тѣлѣ Христовѣ. Сему тѣлу возродиться должно. Въ семъ токмо тѣлѣ есть подобіе и образъ Божій, и въ немъ одномъ можетъ жить и дѣйствовать Духъ Іисусовъ“. Такимъ иносказательнымъ языкомъ изложена вся V-я глава. Въ ней мы встрѣчаемъ проповѣдь „страдательнаго самоотверженія, смиренія и преданности“, которая, по мнѣнію автора, должны содѣйствовать „сему возрождающемуся творенію“. Въ концѣ этой главы помѣщено не лишнее интереса разсужденіе о духовности, „только плѣнитель-

ной для познавшихъ грубость плотской жизни“. Авторъ различаетъ духовность 3-хъ родовъ: духовность стихійно-астральную, ангельскую и Божественную ¹⁾. „Астрально-духовные—разсуждаетъ Лопухинъ—мятъ себя быть просвѣщенными потому, что ихъ астральное остроуміе, украшаясь внѣшностью буквъ, составило въ ихъ воображеніи образъ вещей духовныхъ и Божественныхъ, часто не имѣющихъ ни малаго сходства и съ тѣнію подобныхъ... Другіе, гораздо еще бѣдственнѣйшіе, особливо жаждущіе просвѣщенія, злоупотребленнымъ напряженіемъ естественной духовности своей *подлинно отверзли себѣ путь къ общенію съ духами*; но не возмужавъ въ премудрости, не укрѣпясь въ натурѣ способной къ брани противу злыхъ духовъ, и не имѣя вся испытующія въ себѣ силы, не могутъ испытывать: аще духи отъ Бога суть? И потому предаются обманамъ тѣхъ духовъ, которые развращаютъ ихъ и не допускаютъ до центрального разумѣнія Божественныя истины. Центральное сіе разумѣніе даруется Духомъ Исусовымъ, который единъ составляетъ спасительную, чистую, неложную духовность“.

Приведенныя слова показываютъ, что масоны считали возможнымъ общеніе съ духами. Лопухинъ предостерегаетъ только отъ обмана со стороны злыхъ духовъ, имѣющихъ силу не допускать челоуѣка до „центрального разумѣнія Божественныя истины“. Шестая глава „*О пути Христовомъ въ души*“ и седьмая—„*Путь подражанія Исусу Христу*“ не содержатъ въ себѣ ничего, что бы могло пролить новый свѣтъ на масонскія возрѣнія Лопухина.

Важное значеніе для нашей темы имѣетъ послѣдняя, восьмая глава, гдѣ рѣчь идетъ „*о главныхъ средствахъ на пути къ Божественной жизни*“. Авторъ насчитываетъ пять такихъ средствъ: 1) насилуваніе воли, 2) молитва, 3) воздержаніе, 4) дѣла любви и 5) поученіе въ познаніи натуры. Наибольшій интересъ представляютъ для насъ мысли Лопухина о „воздержаніи“ и „поученіи въ познаніи натуры“, съ которыми мы и познакомимъ читателя.

Воздержаніе бываетъ трехъ родовъ: воздержаніе духа, воз-

¹⁾ Это дѣленіе напоминаетъ ученіе Шварца о 3-хъ свѣтахъ въ мірѣ: 1) Свѣтъ *натуры*, тѣла, плоти; 2) свѣтъ душевномъ *ангельскомъ*, кабалистическомъ и 3) свѣтъ Божественномъ. См. Незеленовъ „Литературн. направл.“, стр. 164—165.

держаніе разума и воздержаніе чувствъ. Человѣкъ возрождаемый долженъ воздерживать духъ свой отъ всего того, „что не есть въ немъ движеніе Духа Іисусова“. А человѣку, находящемуся на пути къ Божественной жизни, необходимо воздержаніе во всемъ, что можетъ воспрепятствовать откровенію Божественной жизни въ душѣ или началу возрожденія во Христвѣ, т. е. должно воздерживать „страстныя стремленія, похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской“.

Разумъ должно воздерживать отъ всякихъ размышленій бесполезныхъ и „отъ изученія того, что токмо служитъ къ удовлетворенію любопытства, а не нужно для преуспѣянія въ жизни Христіанской и для отправленія должностей человѣка, живущаго въ обществѣ“. Также слѣдуетъ воздерживать разумъ отъ стремленія „проникнуть собою въ существо таинствъ, принадлежащихъ области того царствія, въ которое плоть и кровь не могутъ проникать и которыя открываются единымъ Духомъ Царя и Господа Іисуса“. Чувства, по мнѣнію Лопухина, должно воздерживать отъ всего плѣнящаго и могущаго чрезъ нихъ заражать душу и умножать ея грѣховныя узы. Постъ „въ пищѣ и питіи“ полезенъ для обузданія грѣховныхъ возмущеній плоти.

Ограничивая сферу дѣятельности разума, какъ это дѣлаетъ Лопухинъ, нельзя было, конечно, высказываться за свободу научныхъ изслѣдованій. Дѣйствительно, наши масоны, заботясь о распространеніи просвѣщенія, въ то же время холодно и часто пренебрежительно относились къ серьезнымъ научнымъ разысканіямъ. Извѣстно, что даже Новиковъ возставалъ (въ письмахъ къ Карамзину) противъ современныхъ открытій въ области естественныхъ наукъ, физики и астрономіи, называя, напр., новое ученіе (Лавуазье) о газахъ, воздухъ и водѣ пустыми словами, а открытіе неподвижныхъ звѣздъ бреднями. Такое отношеніе къ наукѣ со стороны Новикова станетъ намъ вполне понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на сущность мистицизма, составлявшаго одну изъ главныхъ особенностей нашего масонства. Именемъ мистицизма обозначается нравственно-религіозное направленіе мыслей, при которомъ человѣкъ старается познать Бога, природу и человѣчество не посредствомъ доводовъ разума, а путемъ какого-то необъяснимаго, чудеснаго сближенія съ высшимъ божественнымъ міромъ. Мистицизмъ, имѣющій своимъ источникомъ произволъ и фантазію, по самой своей сущности

противоположенъ и даже враждебенъ точному знанію, основою котораго служатъ факты опыта и наблюденія, строго-логически провѣренныя; онъ сильно задерживаетъ поступательное движеніе идей, сковывая мысль въ извѣстныхъ рамкахъ. Велика была бы заслуга нашихъ масоновъ, если бы они, при своемъ желаніи улучшить и облагородить человѣческія отношенія, явились ради того же человѣчества борцами за истинную науку, за право свободного мышленія, за право разума изслѣдовать явленія природы, а не трактовали о необходимости воздерживать разумъ отъ стремленія постичь тайны мірозданія!

Самымъ важнымъ въ глазахъ масоновъ средствомъ на пути къ Божественной жизни считалось *познаніе природы и самого себя*.

Въ этомъ основномъ пунктѣ своего ученія наши масоны не были самостоятельными. Изъ разсужденія Лопухина видно, что онъ вполнѣ раздѣлялъ теософическія и теургическія мечтанія своихъ западно-европейскихъ наставниковъ. Разсужденіе „о познаніи природы и себя“ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагается поученіе въ познаніи природы и творенія, предметомъ второй служитъ поученіе въ познаніи самого себя.

„Вся сотворшая Премудрость—говоритъ Лопухинъ—открыла избраннымъ тайну своего творенія; объ этомъ откровеніи свидѣтельствуемъ Соломонъ въ Кн. Премудр. VII и другіе Богомудрые мужи. Истинное, живое познаніе тайны творенія и созерцанія свѣта природы, или зрѣніе дѣйствія духа ея въ нетлѣнной оной персти, яко въ самомъ первомъ его облаченіи (вегикулѣ), открывается токмо при свѣтѣ благодати, озаряющемъ душу въ новой жизни возрожденія“. *Познаніе природы* полезно людямъ двухъ категорій: 1) тѣмъ, которые совершаютъ уже путь возрожденія во Христѣ, и 2) тѣмъ, которые еще только стремятся вступить на путь возрожденія. „Колико полезно должно быть познаніе, открывающее въ самой послѣдней твари, въ самомъ брэнномъ растеніи, образъ воплощеннаго Слова и всего того, что сотворило Оно для спасенія нашего, образъ всѣхъ Его таинствъ, зачатія Его во чревѣ Пречистыя Дѣвы, рожденія Его и всего хожденія Его въ мірѣ, до самаго совершенія сего искупительнаго Его пришествія на землю—образъ, всѣ черты Сего представляющій! Колико полезно то искусство, которымъ просвѣщенные соединяютъ, раздѣляютъ, разрушаютъ существа, развиваютъ ихъ

составъ и возвращаютъ въ источныя ихъ стихіи, и при семъ дѣйствиіи собственными своими очами созерцаютъ таинства Іисуса Христа, послѣдствіе страданія Его, и въ химическихъ явленіяхъ видятъ все происшествіе и слѣдствіе Его воплощенія. Се плоды познанія, открываемаго истиною еесософіею и просвѣщеннымъ со зрчаніемъ натуры“.

Такъ вотъ какое опредѣленіе теософіи даетъ намъ Лопухинъ. Теософія есть искусство, посредствомъ котораго „просвѣщенные“ могутъ соединять и разрушать существа, развивать ихъ составъ, при чемъ собственными очами могутъ созерцать таинства Іисуса Христа, послѣдствія страданія Его. Мы сомнѣваемся, чтобы самъ Лопухинъ ясно представлялъ себѣ сущность этого „искусства“; до такой степени туманно и неясно данное имъ опредѣленіе теософіи. Онъ не объясняетъ намъ, какъ это можно „собственными очами созерцать таинства Іисуса Христа“, какъ въ химическихъ явленіяхъ увидѣтъ все происшествіе и слѣдствія Его воплощенія! Вѣроятно, разсужденіе Лопухина о теософіи заимствовано изъ книгъ западно-европейскихъ мистиковъ, подъ влияніемъ которыхъ находились наши масоны. Итакъ, людямъ, совершающимъ путь возрожденія, полезно *практическое* познаніе натуры; тѣмъ же, которые только стремятся вступить на этотъ путь, Лопухинъ совѣтуетъ прежде практическаго ознакомленія усвоить *теорію* „онаго кореннаго познанія натуры, въ писаніяхъ истинныхъ Божественныхъ философовъ откровенную“. Теорія эта даетъ понятіе о дѣйствіяхъ Вездѣсущаго, о „вездѣсущіи“ Божества, заставляетъ думать о Немъ, что въ свою очередь служить средствомъ къ рожденію въ душѣ страха Господня.

Познаніе самого себя — самопознаніе тоже бываетъ двухъ родовъ: теоретическое и практическое. „Истинное познаніе самого себя постепенно открывается человѣку при совлеченіи ветхаго Адама въ новой жизни Божественной. Еф. IV, 22, 23, 24“. Что разумѣлъ Лопухинъ подъ „совлеченіемъ ветхаго Адама“, видно изъ слѣдующихъ его словъ. „Крестъ внутренній спасительнымъ мученіемъ очищаетъ всю тину грѣховъ и изгоняетъ мерзкое ихъ соборище, порожденное работою грѣху наслѣдственному... Спасительный крестъ внутренній, для совершенія дѣла своего, растопляетъ *въ огнь очищенія* все существо возрождаемаго, и до послѣдней точки изглаждаетъ нечистоту

ветхого человека... Крестный огонь или огненное крещение долженствует наконец совлечь гнѣздо грѣха, истереть до единыя пылинки *всего зла, онаго Я, и истребить его*. Сіе послѣднее дѣйствіе внутренняго креста открываетъ человѣку высочайшее сознание самого себя, ибо оно даетъ ему живо во всемъ пространствѣ ощутить всю гнусность его и ничтожество“.

Это — *практическое*, истинное познание самого себя, свойственное людямъ, совершающимъ путь возрожденія. Но тѣмъ, которые только стремятся вступить на этотъ путь, слѣдуетъ познать самихъ себя по писаніямъ „истинныхъ“ философовъ, „содержащимъ *теорію* сего познанія, почерпнутаго изъ свѣта небснаго училища“. По правиламъ теоріи самопознанія мы должны наблюдать движеніе своего сердца, побужденія его и коренныя причины своихъ дѣйствій.

Изучая себя такимъ образомъ, „часто увидимъ мы себя весьма слабыми, глупыми, безчестными, презрѣнія достойными и проч. тамъ, гдѣ мечтали себя быть сильными, разумными, честными, славными и достойными почтенія“.

Таково содержаніе восьмой и послѣдней главы книги Лопухина „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“.

Намъ уже извѣстно, что духовенство, сначала дружелюбно относившееся къ масонству, впоследствии измѣнило свой взглядъ на него. Сочиненіе „О внутренней церкви“ не избѣгло также нареканій со стороны пастырей церкви. „Оно — говоритъ Лопухинъ — навлекло мнѣ много непріятелей.— Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благоприятствовало“. Зато сочиненіе это, къ вѣщшему удовольствію автора, получило особенное одобреніе Эккартсгаузена, „одного изъ величайшихъ свѣтилъ божественнаго просвѣщенія“. („Записки“ Лопухина, стр. 31).

Въ разсмотрѣнныхъ нами „Нравоучительномъ катихизисѣ“ и „Нѣкоторыхъ чертахъ о внутренней церкви“ представлена внутренняя сторона масонства, его отличительныя черты и особенности. Нѣсколько другимъ характеромъ отличается третій масонскій трудъ нашего автора, подъ заглавіемъ „Духовный рыцарь или Ищущій премудрости“ М. 5791 (т. е. 1791 г.) ¹⁾ (Соп. № 3507).

¹⁾ Второе изданіе подъ видоизмѣненнымъ заглавіемъ „*Ὁ Ζηλόσοφος* искатель премудрости или Духовный рыцарь“. Мы пользовались вторымъ изда-

„Духовный рыцарь“ знакомить нас преимущественно съ обрядовою стороною масонства. Такъ, въ немъ описываются: обстановка ложи, рыцарскія одежды, приемъ новыхъ членовъ и т. д.

Въ началѣ сочиненія авторъ помѣстилъ „общія правила духовныхъ рыцарей, которыя каждый вступающій предъ введеніемъ въ комнату приуготовленія долженъ подписать, клятвенно обѣщая исполнить ихъ наизощжайше“. Вотъ эти правила:

I. Прилежное упражненіе въ страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе заповѣдей Евангельскихъ.

II. Непокколебимая вѣрность и покорность къ своему государю, съ особливою обязанностью охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрно-подданныхъ присягѣ, но и всѣми силами стремясь избобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ.

III. Рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своея религіи ¹⁾).

IV. Изъ христіанскихъ токмо религій могутъ быть приняты въ общество рыцарей, ищущихъ премудрости.

V. Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ.

VI. Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ вольности и равенства, и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

VI. Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами

ніемъ. На послѣдней стр. „Дух. рыцаря“ выставлены буквы: V. I. T. R. I. O. L, т. е. *visita interiora terrae, rectificando invenies oculum lapidem*—проникни во внутренность земли, перегонкою найдешь сокрытый камень. Внизу, подъ этими буквами, помѣщается такое же количество другихъ буквъ, для насъ непонятныхъ: O. C. D. A. N. S. E.

¹⁾ Здѣсь мы видимъ ясное указаніе на то, что для русскихъ масоновъ всѣ догматы и обряды православной церкви оставались неприкосновенной святыней.

и словами и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

VII. Если бы Монаршей волѣ по какимъ-либо причинамъ заблагоразсудилось, при всей благонамѣренности Учрежденія рыцарей ищущихъ премудрости Верховной, запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія его.

Трудно было, кажется, заподозрѣть въ политической неблагонадежности и преслѣдовать челоуѣка, придерживающагося подобныхъ правилъ! Но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Даже въ 1831 году „извѣстный“ М. Магницкій въ всеподданнѣйшемъ письмѣ императору Николаю объ иллюминатахъ доносилъ: „Лопухинъ готовилъ иллюминатскія сочиненія и въ числѣ ихъ одно: „Изильсофось или Духовный рыцарь“, заключающее самоважнѣйшее ученіе русскаго иллюминатства, и до такой степени дерзкаго, что нигдѣ не можно было его напечатать въ самое благоприятное для секты сей время, и оно тиснуто въ типографіи какой-то ложи“¹⁾.

„Духовный рыцарь“ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: Приготовленіе, Введеніе кандидата къ приуготовленію, Первая бесѣда, Принятіе, Устроеніе капитула, Открытіе капитула, Закрытіе, Обрядъ столоваго собранія, Закрытіе столоваго собранія, Одежды рыцарскія, Праздникъ Общества.

Ознакомимся съ содержаніемъ нѣкоторыхъ главъ.

Приуготовленіе. Въ комнатѣ приуготовленія находится три стола. На первомъ столѣ, черномъ, лежатъ: а) Библия, открытая на 6 и 7 гл. Премудрости Соломоновой, б) вызолоченный знакъ рыцаря, ищущаго премудрости, т. е. крестъ въ сердцѣ, прикрѣпленный къ красному шнуру, на которомъ пять узловъ въ означеніе того, что принимаемый долженъ обуздывать свои чувства, в) обнаженный мечъ, г) свѣтильникъ, д) кость мертвой головы, надъ которой стоитъ зажженная лампада, е) небольшой сосудъ съ чистою водою и ж) доска, на которой золотыми буквами изображено: *Познай себя; обрящещи блаженство, внутри тебя суще.* Другой столъ покрытъ бѣлою матеріей; на немъ полагается между 4 не зажженными свѣчами изображеніе пла-

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1899 г., февр. 292 стр. «Два доноса въ 1831 году» ст. Н. Шильдера.

менной звѣзды съ буквою G (Gott) въ серединѣ. На стѣнѣ виситъ доска, на которой вырѣзаны слѣдующія слова: „Блаженъ, слышашій въ сердцѣ своемъ громогласное вѣщаніе слова Божія, и зрящій откровеніе Божественнаго свѣта въ натурѣ“. На третьемъ, желтомъ, столѣ находится рукомойникъ съ водою, бѣлыя перчатки и мастерская золотая лопатка.

Принятіе. Въ собраніе капитула, въ сопровожденіи вводителя, входитъ кандидатъ, „желатель премудрости“, имѣя въ одной рукѣ мечъ, въ другой—горящій свѣтильникъ. Когда онъ приближается къ ковру предсѣдателя, послѣдній говоритъ: „осторожно приступай къ дѣлу“. Кандидатъ заявляетъ о своемъ желаніи продолжать вмѣстѣ съ братьями подвигъ въ исканіи премудрости и даетъ обѣщаніе: всѣми силами стараться 1) „испрашивать премудрости отъ Бога, служить Ему и кланяться, 2) хранить душу и тѣло отъ оскверненія и прилежно избѣгать всего, что можетъ препятствовать наитію духа премудрости: ибо въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повиннемъ грѣху, и 3) любить ближнихъ и служить имъ желаніемъ, мыслями, словами, дѣлами и примѣромъ“.

Опуская описаніе самаго обряда принятія, перейдемъ къ слѣдующей главѣ: „*Устройство капитула*“. Глава эта знакомитъ насъ съ убранствомъ комнаты, гдѣ собираются братья. На востокѣ ставится равносторонній столъ, покрытый краснымъ; на столѣ полагается библія, открытая на первой главѣ евангелія Іоанна; передъ библіей поставленъ вызолоченный семисвѣчникъ. У предсѣдателя находится небольшой мечъ обнаженный, обоюдоострый. На полу предъ столомъ лежитъ коверъ съ изображеніемъ земнаго шара, окруженнаго семью планетами. Во время поучительныхъ собраній всѣ убранства комнаты устраняются; остается только столъ, покрытый чернымъ; на немъ библія, семисвѣчникъ и маленкій коверъ. Передъ предсѣдателемъ, кромѣ меча, лежитъ нѣсколько книгъ, къ ученію премудрости принадлежащихъ.

Закрѣпленіе столоваго собранія. Предсѣдатель предлагаетъ собранію подать милостыню бѣднымъ братьямъ, которые, „находясь въ странѣ испытанія, труда и болѣзни, будучи заточенными въ матеріальное тѣло, имѣютъ нужду и въ матеріальныхъ вещахъ“. Каждый изъ присутствующихъ даетъ, сколько можетъ; собранныя деньги обрядоначальникъ передаетъ казначею, а этотъ доноситъ предсѣдателю: „исполнено“. Затѣмъ начинается бесѣда

предсѣдателя съ братьями въ такомъ родѣ. *Предсѣдатель*: Что есть натура? *Одинъ изъ братьевъ*: Натура есть духъ летучій, невидимый, въ тѣлахъ же видимо дѣйствующій и пребывающій въ Божественной волѣ. *Вопросъ*: Какимъ символомъ представляютъ природу? *Отвѣтъ*: Свободные каменщики изобразили ее чрезъ пламенѣющую звѣзду, толико уважаемую древними ихъ мастерами и представляющую Божіе дыханіе, всеобщій и центральный огонь, который все сотворенное оживляетъ, соблюдаетъ и разрушаетъ. *Вопросъ*: Что гробъ знаменовать можетъ? *Отвѣтъ*: Смерть и тлѣніе, которое есть необходимый путь къ возрожденію Великаго міра и всѣхъ сущихъ въ немъ видимыхъ вещей. *Вопросъ*: Что еще гробъ напоминать можетъ? *Отвѣтъ*: *Что чрезъ внутреннюю на сердечномъ крестѣ смерть, и чрезъ иніеніе ветхала чело-вѣка, можетъ совершиться въ маломъ мірѣ новое твореніе и просвѣтлѣніе, въ которомъ Духовный чело-вѣкъ освободится отъ владычества плоти и тьмы.* Предсѣдатель при этомъ замѣчаетъ: „къ сему паче всего долженъ стремиться каждый изъ ищущихъ премудрости“... Во время столоваго собранія пьютъ за драгоценное здравіе мудрыхъ, за здравіе всѣхъ ищущихъ премудрости и за здравіе предсѣдателя.

Одежды рыцарскія. Настоятельница мантия должна быть бѣлая, „златомъ, какъ въ ритуалѣ сказано, или золотыми розами испещренная“. Лопатки и запоны употребляются только во время торжественныхъ собраній, т. е. въ дни принятія и праздника Общества; во время поучительныхъ собраній настоятельница и братья никакихъ украшеній не надѣваютъ. Въ день праздника Общества братья надѣваютъ шляпы и шпаги чрезъ плечо на широкихъ перевязяхъ по кафтану, сдѣланныхъ изъ черной шелковой матеріи, по краямъ складками, а въ срединѣ на гладкой полосѣ, со слѣдующею золотыми буквами надписью: „станите убо препоясани чресла ваша истиною и оболкшеся въ броня правды“.

Праздникъ Общества (въ день Рождества Христова). Вечеромъ, наканунѣ праздника, всѣ рыцари собираются подъ предводительствомъ старшаго настоятеля и читаютъ приличныя торжеству рѣчи.

Послѣ рѣчей открывается столовое собраніе, во время котораго братья ведутъ назидательные разговоры, благопристойно веселятся и поютъ благочестивыя пѣсни. Такъ продолжается до самой полночи. Ровно въ 12 часовъ ночи, по знаку настоятеля,

всѣ встають и, пропѣвши радостную пѣснь въ прославленіе Спасителя міра, расходятся по домамъ.

НВ. „Въ сіе праздничное собраніе—говоритъ авторъ „Духовнаго рыцаря“—должно дѣлать знатнѣйшій сборъ на какую-либо чувствительнѣйшую помощь ближнимъ, во славу Родившагося Спаса“.

Полагаемъ, что въ разобранныхъ нами сочиненіяхъ Лопухина достаточно выяснены какъ масонскія воззрѣнія ихъ автора, такъ и характеръ русскаго масонскаго ученія вообще. Если при этомъ мы не указали еще на нѣкоторыя черты, присущія нашимъ мистикамъ, то мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ ниже, при разборѣ другихъ Лопухинскихъ произведѣній, болѣе или менѣе проникнутыхъ духомъ масонства. Здѣсь же снова замѣтимъ, что Лопухинъ былъ искренно преданъ масонству и былъ ревностнымъ его распространителемъ. Питомецъ „Дружескаго Ученаго Общества“ Невзоровъ, въ послѣдствіи издатель журнала „Другъ Юношества“, въ своемъ посланіи къ Поздѣву называетъ Ив. Вл. Лопухина главнымъ и почти единственнымъ орудіемъ своего масонскаго просвѣщенія ¹⁾.

¹⁾ „Библиографич. Записки“ 1858 г. № 21, стр. 648.

IV.

Недовольство императрицы Екатерины II противъ масоновъ. — Актъ объ уничтоженіи Типографической Компаніи. — Масонскій погромъ 1792 года. — Арестъ Новикова. — Допросъ Лопухина. — Арестъ Колокольникова и Невзорова. — Лопухинъ подъ надзоромъ полиціи. — Занятія Лопухина. — Новые труды его: „Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давидовымъ“, „Изліяніе сердца“ и „Вопль стариннаго судьи“.

Недовольство императрицы противъ „мартинистовъ“ росло все болѣе и болѣе. По свидѣтельству Лопухина, Общество стало подвергаться „всѣмъ видамъ притѣсненія“ особенно съ тѣхъ поръ, какъ главнокомандующимъ Москвы былъ назначенъ князь Прозоровскій, смѣнившій Еропкина, „человѣка разумнаго, богобоязливаго и самыхъ честныхъ правилъ“ („Зап.“, стр. 34). Не слѣдуетъ думать, что Лопухинъ считалъ кн. Прозоровскаго единственнымъ виновникомъ преслѣдованія масоновъ; нѣтъ, по мнѣнію Лопухина, бѣдствія, обрушившіяся на Общество, произошли отъ людей „замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при Дворѣ“, въ рукахъ которыхъ новый главнокомандующій былъ только слѣпымъ орудіемъ. „И подлинно—разсказываетъ Лопухинъ о Прозоровскомъ—вездѣ онъ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни. Обо мнѣ отзывался между прочимъ, что я такъ много ея раздаю, что едва-ли не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій“.

Въ началѣ 1791 года гр. Безбородко вмѣстѣ съ Архаровымъ пріѣзжалъ „подъ видомъ прогулки“ въ Москву для развѣдыванія о масонахъ. („Зап. Лопухина“, стр. 36)¹⁾ Хотя графъ не нашелъ ничего преступнаго въ дѣятельности масоновъ, за

¹⁾ Г. Иловайскій сомнѣвается, чтобы мартинисты были единственною и главною цѣлью поѣздки гр. Безбородко въ Москву. На основаніи показанія Гельбига (саксонскаго тайнаго совѣтника посольства и автора книги „Russische Günstlinge“), онъ склоненъ думать, что Безбородко былъ посланъ, глав-

что бы можно было принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры, однако это нисколько не улучшило ихъ положенія. Самъ Безбородко былъ противъ преслѣдованія мартинистовъ и еще при жизни государыни въ 1794 г. говорилъ Лопухину, что „дѣло сіе не соотвѣтственно ея славѣ“. Нравственно юридическій смыслъ дѣла Новикова—замѣчаетъ по поводу этихъ словъ г. А. Н. Пыпинъ,—былъ уже совершенно ясенъ для самихъ современниковъ“¹⁾. Типографическая Компанія, такъ блистательно начавшая свои дѣла, должна была прекратить свое существованіе, ибо всякое благое ея начинаніе встрѣчало сильный отпоръ со стороны правительственной власти. Актъ объ уничтоженіи Компаніи состоялся въ ноябрѣ 1791 года. Вскорѣ затѣмъ, а именно: въ апрѣлѣ 1792 года „рѣшилось—какъ говоритъ Лопухинъ—много разъ предприемлемое пораженіе нашего Общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжныя магазины Новикова и дома его наполнили солдатами, а онъ изъ Подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими снарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы“ („Записки Лопухина“, стр. 38). Три недѣли Новиковъ содержался въ Москвѣ, а потомъ былъ отвезенъ „окольными дорогами“ въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда и ѣздилъ его допрашивать самъ Степ. Ив. Шешковскій, получившій у петербургскаго населенія довольно мѣткое названіе *духовника*. Рассказывая о томъ, съ какими предосторожностями велѣлъ кн. Прозоровскій везти Новикова черезъ Ярославль, „потому де что въ немъ нѣкогда была масонская ложа подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генераль-губернаторомъ Мельгунова“, Лопухинъ добавляетъ: „Я описываю подробности сіи для того, чтобы представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались“ („Зап.“, стр. 39). Подвергнуты были допросу и „главные сообщники“ Новикова по нарочно составленнымъ и просмотрѣннымъ самой императрицею пунктамъ. Н. Н. Трубецкому, И. П. Тургеневу и Лопухину было предложено 18 одинаковыхъ вопросовъ. Въ своихъ „Запискахъ“ Лопухинъ пере-

нымъ образомъ, съ цѣлью успокоить гр. Орлова, который гнѣвался на выговоръ императрицы за ссору его съ кн. Прозоровскимъ. См. подр. ст. Иловайскаго „Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII в.“ „Русск. Арх.“ 1868 г.

¹⁾ „Русск. масонство XVIII в.“ („В. Евр.“, 1867 г. № 4).

даетъ намъ съ мельчайшими подробностями всѣ сцены допроса у кн. Прозоровскаго. Акад. Пекарскій усмотрѣлъ въ этихъ запискахъ тщеславное желаніе автора ихъ порисоваться передъ потомками своей смѣлостью и дерзостью передъ главнокомандующимъ Москвы. Если читатель перенесется мыслію въ тотъ суровый вѣкъ, - то, пожалуй, въ отвѣтахъ Лопухина кн. Прозоровскому онъ скорѣе найдетъ гражданское мужество, чѣмъ рисовку передъ потомствомъ. Для примѣра позволимъ себѣ привести одинъ интересный разговоръ Прозоровскаго съ Лопухинимъ, въ передачѣ самого Лопухина. „Однако, говорилъ мнѣ кн. Прозоровскій, съ французами-то вы имѣли переписку?“ „Кто?“ спросилъ я. — „Вы, и именно вы, сирѣчь ты“. — „Имѣлъ“, отвѣчалъ я. Обрадовался мой князь, и съ веселымъ вдругъ лицомъ, самымъ ласковымъ тономъ продолжалъ: „Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуй, о чемъ же и когда вы къ нимъ писывали?“ — „Не упомнишь“, отвѣчалъ я, „всего, о чемъ и когда“. — „Однако, сколько можешь вспомнить“. — „Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфетъ, сукна какого-нибудь, игрушекъ въ подарокъ дѣтямъ“. — „Вы шутите“, осердясь, говорилъ мнѣ князь. „Къ какимъ же французамъ вы писывали это?“ — „Къ лавочникамъ здѣшнимъ, а то къ какимъ же?“ — „Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ якобинцами“. — „А ваше сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?“ — „Можетъ ли это быть, что я съ ними переписывался?“ говорилъ онъ. — „Такъ знайте же“, сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству я никакъ вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ!“ („Зап.“, 42). Что касается самыхъ вопросовъ, предложенныхъ Лопухину и его товарищамъ, то всѣ они были сочинены очень тщательно. „Все мѣтилось—говоритъ Лопухинъ—на подозрѣніе связей съ ближайшею къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для расширенія завѣсы. Въ четвертомъ или пятомъ пунктѣ началась эта матерія, и кн. Прозоровскій, отдавая мнѣ его дрожущею, правда немножко, рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: „Посмотрю, что вы на это скажете?“ — „О! на это отвѣчать всего легче“, сказалъ я и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы“ („Зап.“,

41). Изъ другихъ пунктовъ допроса Лопухинъ отмѣчаетъ еще слѣдующіе два: 1) Для чего Общество находилось въ связи съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и въ чемъ состояла переписка масоновъ съ нимъ? и 2) для чего московскіе масоны имѣли сношенія съ берлинскими членами подобнаго Общества, когда знали, „что между Россійскимъ и Прусскимъ Дворами была холодность?“

Къ своимъ отвѣтамъ, заключавшимъ въ себѣ правдивое описаніе дѣйствій общества и смѣлую его защиту, Лопухинъ присоединилъ воззваніе, обращенное къ императрицѣ.

„Государыня! (взывать онъ). Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшею къ Тебѣ любовью. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалась въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему Царь Царей, Господь Богъ мой, Спаситель, надежда и утѣшеніе. Сіе чистосердечное исповѣданіе мое печатлѣю я слезами... не слезами страха и ропота печатлѣю его, но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель. Твой вѣрный по гробъ подданный И. Лопухинъ“. („Зап.“, 46).

Результатами допроса были: ссылка Трубецкого и Тургенева въ деревни и помилованіе Лопухина, которому государыня позволила жить въ Москвѣ. Въ приказѣ, данномъ Екатериною по этому поводу, сказано: „Лопухина, въ уваженіе къ службѣ и престарѣлымъ лѣтамъ отца его, оставить въ Москвѣ, наблюдая за его поведеніемъ и взявъ съ него честное слово дворянина, что онъ отстанетъ отъ всякихъ связей по прежнему своему товариществу“¹⁾.

Кромѣ вышеназванныхъ лицъ (Новикова, Тургенева, кн. Трубецкого, Лопухина), допросу подверглись также два студента— Колокольниковъ и Невзоровъ. Они возвращались въ то время изъ-за границы; въ Ригѣ ихъ схватили, привезли сначала въ Невскій монастырь, откуда перевели въ Петропавловскую крѣпость. Тутъ предъ заключенными предсталъ для допроса Шешковскій²⁾. Несмотря на полную невинность, узники все-таки

¹⁾ Лонгиновъ. „Новиковъ и моск. март.“ Гл. XXII.

²⁾ Допросъ Невзорова описанъ въ „Запискахъ“ Лопухина.

не были освобождены. Вскорѣ Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, только при восшествіи на престолъ Павла I, получилъ возможность переѣхать въ Москву, въ домъ своего „благодѣтеля“.

Послѣ расправы съ мартинистами правительство должно было покончить и съ ихъ имуществомъ. „Домы Новикова—говоритъ Лопухинъ—остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено и все почти исчезло. Многимъ, участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами типографической компаніи, нанесло оное крайніе убытки, и мнѣ особливо. *Это главная причина долговъ моихъ* ¹⁾. Но я не жалѣю, потому, что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе“. („Зап.“, стр. 51).

Оставленный на жительство въ Москвѣ, Лопухинъ, согласно приказу императрицы, не былъ изъятъ изъ-подъ присмотра полиціи. Кн. Прозоровскій зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ нашего масона. Самъ Лопухинъ воздастъ должную похвалу способностямъ главнокомандующаго, подъ руководствомъ котораго система шпіонства была настолько усовершенствована, что тотъ, за кѣмъ шпіонили, не могъ даже и догадываться объ этомъ.

Впрочемъ, „подсмотры“ князя не причиняли особеннаго безпокойства Лопухину, который, хотя зналъ, что „въ собственномъ его домѣ были подкупленные, и виду о томъ не показывалъ“ („Зап.“, 52). До конца 1796 года прожилъ Иванъ Владиміровичъ въ Москвѣ, „занимаясь, по его словамъ, попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ, любимымъ своимъ чтеніемъ, знакомствомъ съ малымъ числомъ друзей и прогулкою пѣшкомъ“. Занимался онъ, кромѣ того, и литературнымъ трудомъ: переводилъ съ иностранныхъ писателей и самъ писалъ разныя мелкія сочиненія. Такъ, въ это время онъ перевелъ „Надгробную похвалу Тюренню, сочиненную Флешьеромъ“ и написалъ: „Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давидовымъ“, „Изліяніе сердца, чтущаго благость единачалія“, „Вопль стариннаго судьи“, „Торжество правосудія и добродѣтели“ и „Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи“.

Здѣсь мы рассмотримъ „Подражаніе пѣснямъ“, „Изліяніе сердца и „Вопль стариннаго судьи“, разборъ же двухъ остальныхъ произведеній будетъ сдѣланъ въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ О долгахъ Лопухина намъ придется еще говорить.

„Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давидовымъ“ 4^о. Соч. И. Л. Москва 1794 г. (Соп. № 8449, Смирд. № 1019) ¹⁾.

Какъ надо смотрѣть на пробованіе авторомъ своихъ силъ въ поэтическомъ творествѣ, лучше всего показываетъ намъ слѣдующее его признаніе:

„Нашелъ было на меня духъ поэзіи, и я, совсѣмъ не зная ея правилъ и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души. Если бъ нѣчто не отвлекло меня тогда, отчего піитическій духъ этотъ во мнѣ скрылся, то бы, думаю, переложилъ я всю Псалтырь въ нѣсколько дней; такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ же не могъ я написать ни одного стиха“ („Зап.“, стр. 49).

Несмотря на это, переложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ можно назвать удачнымъ ²⁾. Отмѣтимъ псаломъ 14-й, отличающійся, какъ намъ кажется, звучностью и легкостью стиха.

Вотъ этотъ псаломъ:

„Кто съ Предвѣчнымъ обитаетъ?

Кѣмъ красуется Сіонъ?

Кто, какъ солнце, возсіяетъ

Тамъ, гдѣ Гворчей славы тронъ?

* *

Тотъ, кто мыслитъ непорочно,

Добрыя дѣла творитъ,

И устами то же точно,

Что и въ сердцѣ говоритъ, ³⁾.

* *

Яда льсти не изливаетъ,

Мзды неправой не беретъ;

Злоязычнымъ не внимаетъ,

Не наноситъ братьямъ бѣдъ.

* *

¹⁾ Изд. 2-е. М. 1801 г.; 3-е М. 1802 г. Кроме того, „Пѣсни Давидовы“ перепечатаны въ „Другѣ Юношества“ 1808 г. Сентябрь.

²⁾ Лопухинъ переложилъ псалмы: 1-й, 12-й, 14-й, 23-й, 41-й и 96-й.

³⁾ Ср. у Ломоносова:

„Тотъ, кто ходитъ непорочно,

Правду всегда хранитъ

И не лестнымъ сердцемъ точно.

Какъ языкомъ говоритъ“.

Ненавидитъ ложь, лукавство,
Любитъ Вышняго сыновъ;
Для тщеславья иль богатства
Не отвергаетъ ближнихъ въ ровъ.

* * *

Всѣ хранить обѣты тщится,
Въ дружествѣ неколебимъ:
Сей въ Едемѣ водворится,
Твердъ всегда непобѣдимъ¹⁾.

За исключеніемъ 3-й строфы, гдѣ слово „берётъ“ ради
риемы со словомъ „бѣдъ“, должно читаться, какъ „берётъ“²⁾,
всѣ прочія строфы построены правильно, и стихотвореніе легко
читается.

Къ наименѣе удавшимся переложеніямъ надо отнести пере-
ложеніе псалмовъ 23-го и 41-го. Въ 23-мъ псалмѣ, напр., есть
слѣдующее неудачное мѣсто:

„Кто увидетъ въ жилище вѣчно,
Царя всеобщаго въ чертогъ?

* * *

Тотъ, Божій кто законъ всегда хранилъ,
Врагъ лжи былъ и пороку,
Премудрость чтить высокоу,
И ближняго, какъ самъ себя, любилъ.

* * *

Чьи руки кровію невинной не багрились,
И чувства чистотой Едемской убѣлились.

* * *

Въ 1794 году Россіянинъ (Лопухинъ) написалъ:

„Измяніе сердца, чтущаго блаость единоначалія и ужасаю-

1) У Ломоносова эта строфа ближе къ оригиналу:

„Въ лихву дать серебро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ;
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падеть.

2) Впрочемъ, по новѣйшимъ филологическимъ разысканіямъ, московскій
и петербургскій литературный кругъ говорилъ въ XVIII в.: кладётъ, везётъ.
См. ст. г. Будде: „Нѣсколько замѣтокъ изъ ист. русск. яз.“ „Ж. М. Н. Пр.“
1898 г. Мартъ.

шагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій“¹⁾).

Сочиненіе это, направленное противъ революціонеровъ, наглядно показываетъ, какъ неосновательно было со стороны нашего правительства подозрѣвать московскихъ масоновъ въ какихъ-то политическихъ замыслахъ, тайной перепискѣ съ якобинцами и т. п.

„Духовные рыцари“ были далеки отъ сочувствія революціонерамъ, и мы знаемъ, что однимъ изъ правилъ, обязательныхъ для каждаго рыцаря, было „совокупными силами противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимая вольности и равенства“.

„Изліяніе сердца“ и написано авторомъ, по всей вѣроятности, съ цѣлью выполнить одно изъ главныхъ, возлагаемыхъ на него, какъ на духовнаго рыцаря, обязательствъ.

Въ предисловіи „отъ сочинителя къ читателю“ авторъ поясняетъ, почему онъ скрываетъ свое имя, называясь Россіяниномъ. Ему хочется, не нарушая правилъ учтивости, наслаждаться молчаніемъ при всѣхъ разнообразныхъ сужденіяхъ, какія можетъ вызвать его сочиненіе. Затѣмъ онъ обращается къ читателю съ просьбою быть снисходительнымъ къ „недостаткамъ въ красотѣ слога, въ живости и вѣрности изображеній“ и, вообще, „къ слабости пера“ человѣка, который, не будучи писателемъ, осмѣливается представить плодъ своихъ сердечныхъ изліяній. Не такъ бы онъ воспѣлъ солнце единоначалія, на Петропольскомъ престолѣ царствующее, если бы имѣлъ „поющую добродѣтель, величественную, отличную, восторгомъ плѣняющую лиру почтеннаго творца оды Богъ, Изображеніе Фелицы и Памятникъ герою“, какъ сильно, разительно описалъ бы онъ мечту равенства, если бы имѣлъ „привлекательный, важной, живой, новой слогъ любезнаго Путешественника Россійскаго“²⁾). Эта краткая характе-

1) 1-е изд. Москва 1794 г., 2-е изд. Калуга 1794 г. У Сопикова, Бантыша-Каменскаго и Геннади указаны три отд. сочиненія; 1) „Изліяніе сердца“.

2) „Изображеніе мечты равенства“ и 3) „Описаніе нѣсколькихъ картинъ“.

²⁾ О другихъ эпитетахъ, расточаемыхъ современниками Карамзину, см. Сиповскаго „Карамзинъ. Авт. пис. русск. пут.“, стр. 452.

ристика Державинской лиры и Карамзинского слога, интересная для насъ, какъ мнѣніе Лопухина о знаменитыхъ писателяхъ, свидѣтельствуесть въ то же время о сильномъ впечатлѣніи, какое производили на нашихъ предковъ оды пѣвца Фелицы и „Письма русскаго путешественника“.

Въ 1-й части сочиненія, гдѣ мы находимъ „изліяніе сердца, чтущаго благодать единоначалія“, авторъ выставляетъ себя поборникомъ единойдержавной власти на томъ основаніи, что „всѣ искуснѣйшіе въ наукѣ градочинія признали единоначаліе лучшимъ образомъ правленія, наипаче для пространныхъ областей“. Собственныя доказательства Лопухина въ пользу единовластиа сводятся къ слѣдующимъ шести: 1) на престолѣ самодержавія единое слово можетъ извлечь сладкія слезы радостнаго восхищенія изъ многихъ милліоновъ очей; 2) око управляющей мудрости быстро можетъ притекать къ источникамъ благоденствія общаго; 3) взоръ, стрегущій блаженство общее, безпристрастно можетъ взирать на все тѣло, изъ многихъ милліоновъ членовъ составленное; 4) десница правды можетъ поспѣшно искоренять всякое зло; 5) священная власть единойдержавнаго государя можетъ укрощать нужную вообще строгость суда, и 6) спасительная власть можетъ миловать человѣчество.

Россія, по мнѣнію автора, больше, чѣмъ какая-либо другая страна, насладилась отъ рѣкъ милосердія Монаршаго. Затѣмъ слѣдуетъ панегирикъ Екатеринѣ II, „унаслѣдовавшей свое милосердіе отъ Елизаветы“. Авторъ прославляетъ Екатерину за ея челоуѣколюбіе, называетъ ее „избавительницей невинности и страждущихъ“, такъ какъ она „заградила токи крови, лютымъ злоупотребленіемъ во всемъ мірѣ проливанныя“. Прославляя имп. Екатерину за отмѣну пытокъ, Лопухинъ проходитъ молчаніемъ то обстоятельство, что та же государыня одною статьею своего „Наказа“ снова ввела отмѣненную Елизаветою смертную казнь, къ которой, правда, считала нужнымъ прибѣгать въ одномъ только случаѣ. Статья 210-я „Наказа“ гласить: „смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство“.

Въ заключеніе Лопухинъ впадаетъ въ слащавый тонъ. „Вселенная!—воскликаетъ онъ—внемли славѣ Екатерины Великія: великой образъ благодати, царствованіемъ ея данной. Законодатели!

читите мудрость зерцала ея! Народы, сердца имѣющіе! Пойте хвалу и благодареніе самодержицѣ сердецъ россійскихъ!“

Интересно сопоставить этотъ панегирикъ съ другимъ отзывомъ объ императрицѣ Екатеринѣ, который мы находимъ въ „Запискахъ“ Лопухина. Время написанія „Записокъ“ относится, какъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ, къ 1808 и 1809 гг. Лопухинъ могъ тогда безпристрастнѣ отнестись къ великой государынѣ, и, дѣйствительно, въ его словахъ, хотя все еще восторженныхъ, замѣтна нотка осужденія. На-ряду съ блестящими сторонами царствованія Екатерины онъ указываетъ и на темныя стороны, какъ-то: „нѣкоторыя жертвы славолюбію, особливо въ войнахъ“, „нѣкоторое попусценіе роскоши“, „въ тайныхъ ея судахъ гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія“. „До чего Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута“, свидѣтельствуется, по мнѣнію Лопухина, дѣло по Тайной Экспедиціи о заточеніи въ 1767 г. извѣстнаго ростовскаго митрополита Арсенія, который былъ лишенъ епископскаго сана „за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ“ („Зап.“ Лопухина, стр. 53—54).

Вторая часть разбираемаго нами сочиненія озаглавлена: „Изображеніе пагубныхъ плодовъ мечтанія равенства и буйныя свободы“. Авторъ негодуетъ на „нечестивыхъ татей философскаго имени“ за проповѣдуемыя ими идеи равенства и буйной свободы, идеи, „соблазнительныя умамъ слабымъ, сердцамъ развращеннымъ“. Онъ сокрушается о судьбѣ Франціи, изображаетъ яркими чертами ужасы революціи, призываетъ громы на головы революціонеровъ, вообще выставляетъ себя такимъ приверженцемъ монархіи и такимъ противникомъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ, что не остается никакого сомнѣнія въ его преданности престолу и отечеству.

Мы уже говорили, что въ программу дѣйствій нашихъ масоновъ вовсе не входила политика. Съ Лопухинимъ въ данномъ случаѣ вполне сходились и другіе масоны: Новиковъ, Тургеневъ, Гамалѣя. Негодуя на революціонеровъ, Лопухинъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что истиннаго равенства на самомъ дѣлѣ и быть не можетъ; „даже, если бы на землѣ существовалъ золотой вѣкъ, воспѣтый стихотворцами“, то и тогда истиннаго равенства нельзя было бы достигнуть.

„Единый лучъ, единая капля больше, уже неравенство дѣлаетъ“.

Припомнивъ основные пункты первоначальнаго масонства (свободу совѣсти, братскую любовь и *равенство между людьми*), мы должны будемъ признать разницу между воззрѣніями русскихъ масоновъ (или, по крайней мѣрѣ, одного изъ видныхъ представителей русскаго масонства) и воззрѣніями основателей ордена. Лопухинъ уже не взываетъ къ всеобщему равенству людей, находя такое невозможнымъ, и считаетъ „буйствомъ“ попытку искать его. Что касается свободы, то ея можно достигнуть, только не той, которой „хотятъ святотатцы, отринувшіе поклоненіе Владыкѣ вездѣсущему и возстающіе на изысканный образъ его правленія на землѣ“, а *истинной* свободы, „живоноснымъ древомъ добродѣтели рождаемой и священной властью царей и законовъ даруемой“. Истинная свобода состоитъ, по мнѣнію Лопухина, въ послѣдованіи святому уставу добродѣтели или устраненіи отъ зла. „Обрѣтшіи сію единую сущую свободу есть самый покорнѣйшій Царю, владычествующему въ отечествѣ его“, говоритъ авторъ „Изліянія“ и не договариваетъ: „а такимъ обрѣтшимъ можетъ считаться каждый масонъ“. Изъ всего сказаннаго видно, что автору хочется доказать всю несостоятельность взводимыхъ на масоновъ обвиненій въ сочувствіи „якобинцамъ“.

Третья часть „Изліянія“, тракующая о „душевной слѣпотѣ“, носитъ особое заглавіе: „Описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ“. „Тысячи, тщательно удаляясь отъ добродѣтели (читаемъ мы въ началѣ разсужденія) и отвращая свой взоръ отъ свѣта благоразумія, внимательно смотрятъ на злоупотребленія въ обществахъ людскихъ, хохочутъ глупостямъ, досадуютъ на неправды и осипли, споря о томъ, откуда тѣ злоупотребленія происходятъ, и какъ бы ихъ должно искоренять“. Затѣмъ авторъ проводитъ передъ нами цѣлую группу такихъ людей, недовольныхъ положеніемъ дѣлъ, называя каждого характернымъ именемъ: M-r de l'Ambition, M-r d'Amourpropre, Voluptueux, Suffisant, M-r d'Effronterie и т. п.

Для примѣра приведемъ сѣтованія двухъ лицъ — честолюбиваго и самолюбиваго. „Все идетъ не такъ, какъ бы должно, — кричить первый. Я, я никакого вліянія на дѣла не имѣю!“

Второй жалуется на бремя, гордостью вельможъ возлагаемое,

а другъ его le Sincère ему замѣчаетъ: „собственная твоя, мой другъ, малодушная гордость составляетъ все страданіе, которое ты думаешь претерпѣвать отъ вельможъ“ и т. д. Подобнаго рода недовольство высказывается и другими лицами.

Въ 1796 году Лопухинъ написалъ записку подъ заглавіемъ: *„Вопль стариннаго судьи, котораго иные на смѣхъ называютъ филантропомъ и который, однако, не шутя любитъ ближняго“*.

Поводомъ къ написанію „Вопля“ послужило слѣдующее обстоятельство. „Старинный судья“, проживавшій въ отставкѣ, былъ возмущенъ жестокимъ приговоромъ, произнесеннымъ по дѣлу крестьянина Стрѣльникова и по дѣлу двухъ старообрядцевъ: московскаго купца Сергѣева и московскаго мѣщанина Максимова. Крестьянинъ Вятской губ. обвинялся въ произношеніи хулы и ругательства на иконы. Вятская палата уголовного суда, разобравъ дѣло, постановила: крестьянина Стрѣльникова наказать кнутомъ тридцатью ударами и, выставя повелѣнные знаки, сослать въ каторжную работу. Сенатъ утвердилъ этотъ приговоръ. Лопухинъ подробно разсмотрѣлъ обвинительный актъ, указалъ на недостатки судопроизводства, нашелъ неправильнымъ примѣненіе въ дѣлѣ Стрѣльникова какого-то указа и протестовалъ противъ назначеннаго Стрѣльникову наказанія.

Почти за такую же вину, какъ Стрѣльниковъ, были привлечены къ судебной отвѣтственности и старообрядцы. Сергѣевъ судился за то, будто въ пьяномъ видѣ говорилъ „оскорбительное св. Дмитрію Ростовскому“. Городовой и губернской магистратъ, по первому пункту Уложения, присудили Сергѣева, какъ богохульника, къ смертной казни, или вмѣсто нея высѣчь кнутомъ, вырѣзать ноздри и, поставивъ знаки, сослать на каторгу. Изъ магистратовъ дѣло поступило въ уголовную палату, а обвиняемый, до окончательнаго рѣшенія своей участи, долженъ былъ томиться въ тюрьмѣ. Мѣщанинъ Максимовъ, обвинявшійся „въ поношеніи непристойными словами новописанныхъ иконъ и обрядовъ церкви по новымъ Никоновскимъ, такъ называемымъ раскольниками, книгамъ“, также былъ приговоренъ къ смертной казни или ссылкѣ на каторгу.

Добрый Иванъ Владиміровичъ не могъ „безъ сердечнаго состраданія“ слышать о несчастныхъ и рѣшилъ прийти къ нимъ на помощь. Съ этою цѣлью онъ написалъ въ 1796 г. вышеупомянутую записку и послалъ ее въ Петербургъ, графу Ал. Григ.

Орлову-Чесменскому, съ которымъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ, съ просьбою вручить его „Вопль“ государынѣ. Но государыня вскорѣ скончалась, и записка была представлена уже императору Павлу лично самимъ авторомъ. Павелъ I, потребовавъ для пересмотра изъ Тайной экспедиціи дѣла осужденныхъ, значительно облегчилъ участь всѣхъ трехъ. Такой благопріятный исходъ ходатайства давалъ защитнику угнетенныхъ полное право отвѣчать на упреки недоброжелателей, смѣявшихся надъ его филантропіей и готовностью вступаться за обиды слабыхъ.

„Чему люди смѣются?—спрашиваетъ Лопухинъ въ предисловіи къ „Воплю“.—Иные смѣются филантропіи. Пускай себѣ смѣются. А тѣ, которые, по милости ея, съ каторги воротились или подъ кнутъ не попали, скажутъ не разъ и очень усердно: Дай Богъ ей пожить на свѣтѣ. Есть и такіе, которые говорятъ: „Вѣдь не онъ судилъ, что ему дѣло? и зачѣмъ мѣшается?“ Это то же, чтобы сказать: „Ежели ты увидишь на улицѣ, что грабятъ и рѣжутъ человѣка, не мѣшайся, хотя бы ты могъ его и отъ смерти избавить, что тебѣ дѣло? На это есть полиція, или вѣдь не ты его рѣжешь“...

Разсуждая о степени виновности Стрѣльникова, Лопухинъ высказываетъ интересныя мысли о расколѣ, причинахъ его появленія и средствахъ борьбы съ раскольниками. „Есть раскольники—замѣчаетъ старинный судья—которые святыхъ угодниковъ гораздо болѣе уважаютъ, нежели многіе изъ слывущихъ православными, а обрядовъ совсѣмъ не приѣмлютъ.... Когда же есть раскольники и толпами, то неестественно, чтобъ не вырвалось иногда у нихъ словъ противныхъ, а жестоко ихъ за то наказывать то же, что больного горячкою наказывать за то, что онъ бредитъ. Вылѣчи горячку, и бреда не будетъ.

Бользнь расколовъ рождается тьмою суевѣрія и безразсудною ревностью. Просвѣщеніе одно для него тьмакарство. Казни же только ожесточаютъ раскольниковъ и всего больше питаютъ, воспламеняя ложнымъ мученичествомъ“.

Можно не соглашаться съ мнѣніемъ Лопухина о причинахъ раскола, но нельзя не сочувствовать гуманному отношенію его къ раскольникамъ.

Вѣротерпимость была отличительною чертою масонства, и Лопухинъ, какъ истый масонъ, вполне признавалъ ее. Выказанное здѣсь теоретически убѣжденіе въ бесполезности жесто-

кихъ, мѣръ противъ раскольниковъ Лопухину пришлось въ царствованіе Александра I примѣнить на практикѣ при разборѣ дѣла духоборцевъ (о чемъ будетъ сказано ниже). Лопухинъ согласенъ съ тѣмъ, что судьи, присуждающіе богохульниковъ къ тяжкимъ наказаніямъ, правы съ своей точки зрѣнія. „Ведя оныя дѣла порядкомъ судебнымъ, — говоритъ онъ, — трудно освободить судимыхъ отъ строгихъ словъ старинныхъ законовъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ возможнымъ смягчать эти строгости закона, относиться снисходительнѣе къ обвиняемымъ, щадить ихъ, тѣмъ болѣе, что „истинное богохуліе и хула святости состоитъ кажется, въ хуленіи существа святости, а не обрядовъ, какъ и образовъ и проч.“.

V.

Лопухинъ при дворѣ имп. Павла I.—Лопухинъ сенаторъ.—Споры съ сенаторами.—Сочиненія Лопухина: „Торжество правосудія и добродѣтели“, „Завѣщаніе друзьямъ моимъ“ и „Отрывки сочиненія стариннаго судьи“.—Ревизія Вятской губерніи.—„Выписка наставленій и приказаній“.

По кончинѣ императрицы Екатерины II-й, Лопухинъ былъ вызванъ императоромъ Павломъ въ Петербургъ и опредѣленъ статсъ-секретаремъ съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Государь весьма милостиво принялъ нашего мазона. „Ни съ кѣмъ во всю мою жизнь—вспоминаетъ онъ—не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданіи, какъ въ симъ грознымъ императоромъ“ („Зап.“; стр. 59). Но пребываніе Лопухина при Дворѣ не было продолжительно. Прямой, честный и благородный, онъ не умѣлъ ни льстить, ни преклоняться предъ сильными міра сего. Его независимый характеръ, стойкость убѣжденій, нежеланіе погрязнуть въ придворныхъ интригахъ были причинами его удаленія отъ Двора. Среди придворныхъ у Лопухина скоро завелось много завистниковъ, которыхъ очень безпокоили „неописанная милость и довѣренность къ нему государя“.

Близкіе совѣтники царя, Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ и кн. Николай Васильевичъ Репнинъ, друзья Лопухина, были, по свидѣтельству автора „Записокъ“, единственнымъ исключеніемъ изъ общей массы придворныхъ интригановъ.

Насколько, вообще, невысокъ былъ уровень общественной нравственности того времени, краснорѣчиво свидѣлствуютъ низкопоклонничество и самоуниженіе, которыя царили въ Сенатѣ, т. е. такомъ учрежденіи, куда совѣмъ не должны были бы проникать подобные пороки.

„Большинство голосовъ Сената—по свидѣтельству Лопухина—давно уже сдѣлалось отголоскомъ генераль-прокурора. „Согласенъ съ предложеніемъ его превосходительства или сіятельства,

или свѣтлости“,—только почти и слышится и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго“ („Зап.“, стр. 65).

Во время „холодности“ къ Лопухину императора Павла „знатоки придворнаго дѣла“ осуждали равнодушіе Ивана Владиміровича и совѣтовали ему „хотя притворяться огорченнымъ“. „Почитая всегда притворство искусствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я—говорить Лопухинъ—свою откровенность, и даже чаще тогда весель былъ, какъ бы отъ предчувствія того, что скоро освобожусь отъ бремени придворной жизни“.

Лопухинъ находился при дворѣ императора Павла съ 4-го декабря 1796 года по 20-е января 1797 года, т. е. 47 дней, время, достаточное для того, чтобы ознакомиться съ сущностью дѣла. Какое же мнѣніе составилъ онъ о придворной жизни? Отвѣтъ на это найдемъ въ его „Запискахъ“ (стр. 70). „Что же сказать о жизни придворной? Картина ея весьма извѣстна и всегда та же, только съ нѣкоторою переменною въ тѣняхъ. *Корысть*—идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. *Угодничество и притворство* составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо въ толчекъ ближнему верхъ его“.

Въ январѣ 1797 г. Лопухинъ былъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ въ 5-й Московскій департаментъ, въ которомъ тогда производились, по большей части, уголовныя и слѣдственные дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ департаментовъ. Во время службы въ Сенатѣ Лопухинъ руководился тѣми же человѣколюбивыми правилами, какъ и въ палатѣ. Большинство сенаторовъ старалось приносить строгіе приговоры обвиняемымъ, думая тѣмъ угодить государю. Лопухину много пришлось съ ними спорить и доказывать, что „оскорбительно думать, чтобъ государь, который желаетъ только правосудія, услаждался жестокостью“. Перевѣсь въ концѣ концовъ оставался на сторонѣ Лопухина и то только благодаря тому обстоятельству, что многіе изъ сослуживцевъ считали нашего масона за „тайное око государево“ въ Московскомъ Сенатѣ.

Выше было упомянуто о драмѣ Лопухина „Торжество правосудія“ ¹⁾.

¹⁾ „Торжество правосудія и добродѣтели или добрый судья“, драма въ 5 дѣйствіяхъ Лопухина. Изд. 2-е. Москва 1798 г. Соп. № 3462. Смирд. № 7612. Плав. № 5528. 1-е изд. М. 1794 г. Отрывки изъ драмы помѣщены въ „Др. Юношества“ 1808 г. апр. и окт.

Интересенъ поводъ написанія этой пьесы. Въ предисловіи къ своей „драмѣ“ авторъ высказываетъ наивный взглядъ, что всякое сочиненіе, и хорошее и дурное, можетъ занять какое-нибудь мѣсто въ исторіи литературы; затѣмъ, тутъ же рассказываетъ о пріятельскомъ спорѣ съ однимъ „славнымъ драматическимъ писателемъ“. Во время спора Лопухинъ заявилъ, что если онъ захочетъ, то напишетъ „сносную пьесу театральную“, хотя „никогда не занимался театральными сочиненіями, и съ самой своей молодости до театра охотникъ не былъ“. Слово свое Лопухинъ сдержалъ и написалъ вышеназванную „драму“, употребивъ на трудъ восемь дней. Самъ авторъ сознаетъ недостатки своего произведенія и соглашается съ мнѣніемъ критиковъ, что драма его неудобна для театра, что „въ пьесѣ судья сухъ, наскучиваетъ своими проповѣдями о добродѣтели и проч.“. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что „чтеніе ея можетъ быть не бесполезно, и что правила и чувствованія, которыми она исполнена, не могутъ сдѣлать стыда сочинителю“.

Вотъ краткое содержаніе драмы. Помѣщикъ Самолюбовъ, незаконно владѣющій деревнями, долженъ, по приговору судьи, отказаться отъ нихъ въ пользу законнаго владѣльца. Главный судья Правдолюбовъ, къ которому поступило для пересмотра дѣло Самолюбова,—человѣкъ справедливый, честный, свято исполняющій свои обязанности и неуклонно слѣдующій голосу совѣсти,—ни за что не соглашается, несмотря на усиленные просьбы помѣщика, признать за нимъ право на владѣніе деревнями. Тогда Самолюбовъ, въ надеждѣ склонить на свою сторону честнаго судью, прибѣгаетъ къ послѣднему средству. Онъ отклоняетъ предложеніе сына Правдолюбова, Честнодума, который сватается за его дочь Нѣжну, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что, лишившись имѣнія, онъ не будетъ въ состояніи дать за своей дочерью приличнаго приданаго. Честнодумъ, достойный сынъ своего отца, приходитъ въ отчаяніе. Онъ знаетъ, что отецъ его не измѣнитъ своего рѣшенія; да и самъ онъ, Честнодумъ, не хочетъ этого: ему „ужасно и вообразить отца своего презрѣвшимъ священные уставы добродѣтели“. Съ другой стороны, у него не хватаетъ силъ разтаться съ нѣжно-любимой дѣвушкою, и онъ готовъ кончить жизнь самоубійствомъ. Такова завязка драмы „Торжество правосудія“. Развязка является совсѣмъ неожиданною. Самолюбовъ, видя, что всѣ старанія его удержать за собою присвоен-

ное имущество не ведутъ ни къ чему, объявляетъ дочери о своемъ нежеланіи имѣть зятемъ Честнодума. Съ Нѣжною дѣлается обморокъ; ее насилу приводятъ въ чувство. Видъ больной дочери возбуждаетъ въ отцѣ сожалѣніе. Онъ не можетъ спать всю ночь, многое передумываетъ, и на него вдругъ находитъ просвѣтлѣніе. Раскаяніе овладѣваетъ душою Самолюбова; онъ сознаетъ свои заблужденія. „Мое жестокосердіе и сребролюбіе—говоритъ онъ—изображались мнѣ бичами, ее терзающими. Скоро самолюбіе мое во всей своей гнусности предо мною обнаружилось“. Самолюбовъ изъявляетъ свое согласіе на бракъ дочери съ Честнодумомъ. Всѣ, разумѣется, рады благополучному исходу дѣла; даже Пустоумовъ, братъ Правдолюбова, легкомысленный молодой человѣкъ, признается: „чудная перемѣна съ Самолюбовымъ заставляетъ меня вѣрить добродѣтели“.

Комедія Лопухина написана по образцу комедій того времени на тему: добродѣтель рано или поздно должна восторжествовать надъ порокомъ. Напрасно мы стали бы искать въ ней художественныхъ достоинствъ (на нихъ, правду сказать, авторъ и не претендовалъ); въ пьесѣ нѣтъ дѣйствія; развязка наступаетъ неожиданно, и зритель недоумѣваетъ, какъ могло случиться, что злой, упрямый и самолюбивый человѣкъ сразу „просвѣтлѣлъ“ и почувствовалъ всю мерзость своихъ поступковъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены слабо и односторонне. Правдолюбовъ и Самолюбовъ—представители двухъ различныхъ началъ: добра и зла, справедливости и несправедливости, прямоты и коварства. Какъ первый идеально добръ и справедливъ, такъ второй золъ и несправедливъ. Еще слабѣе въ художественномъ отношеніи характеры Нѣжны и Честнодума. Весь интересъ пьесы сосредоточенъ на тѣхъ гуманныхъ мысляхъ о правосудіи, объ обязанностяхъ судьи, которыя высказываетъ авторъ устами своего резонера Правдолюбова.

Такимъ образомъ, комедія Лопухина имѣетъ близкую связь съ его дѣятельностью на судебномъ поприщѣ и служить какъ бы иллюстраціею его судейскихъ взглядовъ.

Извѣстно, что въ ложноклассическихъ комедіяхъ, несмотря на всю искусственность ихъ формы, такъ или иначе отражалась современная жизнь. Съ этой точки зрѣнія для насъ могутъ представить также нѣкоторый интересъ два мѣста въ пьесѣ Лопухина.

1) Въ IV дѣйствіи (судейская комната) Правдолюбовъ, бесѣ-

дую съ членами суда Лѣнтяевымъ и Лытаевымъ о законахъ, порядкѣ судопроизводства, высказываетъ мысль о необходимости, прежде произнесенія приговора надъ обвиняемымъ, „проникнуть въ существо дѣла“, изслѣдовать его до мельчайшихъ подробностей, чтобы не впасть въ ошибку. „Лучше—говоритъ онъ—нѣсколькихъ виновныхъ простить, нежели одного невиннаго на страданіе осудить“. Какъ видно, благія мысли императрицы Екатерины II-й не пропадали безслѣдно, а находили себѣ сочувствіе въ современномъ обществѣ.

2) Въ концѣ III-го дѣйствія (4-е явл.) происходитъ интересный разговоръ Милонравы, двоюродной сестры Нѣжны, съ горничною Машенькою.

Милонрава. Какая ты болтунья, Машенька! Не мѣшай мнѣ, пожалуйста!

Машенька. Вертела-то читать?

Милонрава (смѣючись). Тьфу ты какая, Машенька, перестань пожалуйста!

Машенька. Да, я таки этой книги терпѣть не могу.

Милонрава. Скучно. Какой?

Машенька. Будто я не знаю, сударыня, какую вы читаете. Это Вертель?

Милонрава. Какой Вертель—ха, ха, ха! Вертеръ.

Машенька. Ну, я не знаю, сударыня, Вертель ли она, Вертинъ; только знаю, что ежели барышнѣ моей пропадать, такъ отъ нея, да еще отъ Илоизы, какъ ли она называется.

Итакъ, знаменитые романы „Страданія молодого Вертера“ Гете и „Элоиза“ (т. е. „Юлія или новая Элоиза“) Ж. Ж. Руссо, имѣвшіе огромный успѣхъ у многихъ западно-европейскихъ читателей, привлекли къ себѣ читателей и среди русскаго общества конца XVIII вѣка.

Лопухинъ намѣревался написать для театра еще другую пьесу. Содержаніемъ ея долженъ былъ послужить анекдотъ о Фенелонѣ, который, желая утѣшить бѣднаго крестьянина, идетъ въ занятую непріателемъ деревню, отыскиваетъ и приводитъ назадъ къ крестьянину его корову. „Хотя—признается авторъ—испыталъ я очень на театральномъ поприщѣ неудачу своимъ сочиненіемъ драмы „Торжество правосудія“, однако по влюбленности моей и непристрастной, кажется, въ анекдотъ сей собирался было я представить его на театрѣ. Можетъ быть, театральнымъ

ремесленникамъ и правильникамъ покажется это странно, можетъ быть, и смѣшно. Но я думаю, что больше бы театрѣ сколько-нибудь полезенъ былъ, еслибъ и безъ сильнаго потрясенія страстей и чувствованій представлялись на немъ и самыя простыя домашнія добродѣтели“¹⁾.

Намѣреніе Лопухина создать новую драму не было почему-то приведено въ исполненіе.

При второмъ изданіи разобранной нами пьесы Лопухина было напечатано „Завѣщаніе друзьямъ моимъ“. Завѣщаніе написано въ М. . . . ѣ (Москвѣ) 13-го сентября 1795 г.

Въ немъ Лопухинъ обращается съ просьбою къ друзьямъ своимъ не воздавать ему послѣ смерти похвалъ, не ставить памятниковъ, а просто возобновить къ нему въ сердцахъ своихъ „вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и не ограниченной временемъ“. Тутъ же онъ такъ характеризуетъ себя: „Я плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесныя уставы, усердно чтилъ во всемъ изящное: стремился любить человѣчество и ближнему служить готовъ былъ“²⁾.

Въ 1809 году въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, были напечатаны: „Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи и его же замѣчаніе на извѣстную книгу Руссову: du contrat social“.³⁾ Соп. № 8010, Смирд. № 6555, Плав. № 6406.

Изъ предисловія, написаннаго 15-го сентября 1808 г. въ селѣ Савинскомъ, мы узнаемъ, что Лопухинъ „лѣтъ 15 тому назадъ“ задумалъ написать „пространное“ сочиненіе, но послѣдовалъ неожиданный призывъ автора къ службѣ (т. е. вызовъ Лопухина ко двору имп. Павла I), и сочиненіе осталось неоконченнымъ. Отрывки этого неоконченнаго сочиненія, начатаго въ октябрѣ 1793 или 94 г., и были напечатаны сперва въ 1808 г. въ октябрьской книжкѣ „Друга Юношества“, а въ слѣдующемъ, 1809 г., вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

„Отрывки сочиненія одного судьи“ представляютъ résumé всѣхъ взглядовъ Лопухина на государство, образъ правленія, на

1) Лопухинъ „Примѣры истиннаго геройства“ („Другъ Юношества“, 1813 г. Мартъ).

2) Отрывокъ изъ „Завѣщанія“ помѣщенъ въ концѣ „Записокъ“ Лопухина.

3) „Замѣчаніе на изв. книгу Руссову“ напечатано отдѣльно въ Москвѣ въ 1805 г. и въ журн. „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. Февраль.

законы, ихъ примѣненіе, наказаніе преступниковъ и тому подоб-ныхъ взглядовъ, съ которыми мы уже имѣли случай ознако-миться.

Исходя изъ того положенія, что „не можно на землѣ и во вѣнѣшности устроить благоденствіе“, Лопухинъ старается дока-зать, что при всякомъ правленіи, даже самомъ лучшемъ, не-избѣжны беспорядки, а потому частнымъ людямъ слѣдуетъ ми-риться съ положеніемъ вещей, но никакъ не мечтать о пере-мѣнѣ правленія. Лучшимъ образомъ правленія является монар-хическій. Превосходство его передъ другими доказывается и „здравымъ разсудкомъ, и свидѣтельствомъ мудрѣйшихъ и опы-томъ нашихъ вѣковъ“. Разсуждая далѣе о законахъ и наказа-ніяхъ, Лопухинъ остается вѣренъ своимъ воззрѣніямъ. „Натура человѣка, истинное его происхожденіе и Создателя намѣреніе о немъ“—вотъ три источника, изъ которыхъ, по мнѣнію Лопу-хина, должны быть почерпнуты „основаніе, соображеніе и цѣль законовъ“. Лучшимъ средствомъ для достиженія общественнаго блаженства служить „доброе воспитаніе“, основанное на хри-стіанскихъ правилахъ. Истинная общественная польза имѣетъ своимъ основаніемъ общее благо, „въ которомъ послѣдній пастухъ, *по мѣрѣ своего состоянія*, долженъ пользоваться такимъ же уча-стіемъ, какъ и первый вельможа *по мѣрѣ своего*“. „Вотъ—заклю-чаетъ свое разсужденіе авторъ—возможное равенство въ благо-состояніи гражданскомъ, по пристойности чинамъ и степенямъ, нужнымъ въ экономіи государственной, а не то мечтательное равенство, котораго буйство столько бѣдствій въ Европѣ при-ключило“.

„Замѣчаніе на извѣстную книгу Руссову: *Du contrat social*, т. е. о договорѣ, по которому составилось общежителство“ написано Лопухинымъ, какъ онъ самъ заявляетъ, „въ поло-винѣ іюля 1805 г. ¹⁾ въ Эвпаторіи при прогулкѣ и морскомъ купаньѣ“ ²⁾.

Сочиненіе это дѣлится на двѣ части. Въ первой авторъ за-дается цѣлью опровергнуть мнѣніе Руссо, „будто христіанство неудобно для политическаго состоянія“. „Пламенная любовь къ

¹⁾ Г-нь В. Р.—овъ говорить, что замѣчаніе на изв. кн. Руссову написано Лопухинымъ „за время съ 1797 по 1816 г.“ (Энцикл. Слов. Эфр. и Брокг. т. XVI).

²⁾ О пребываніи Лопухина въ Крыму см. ниже.

народамъ—разсуждаетъ Лопухинъ—должна быть первымъ свойствомъ законодателей и правительствъ. Желаніе общаго блаженства и стремленіе всѣми возможными способами устроить оное должны естественно проистекать изъ чувства любви—истинно патріотической... Но что прямо составляетъ блаженство народовъ? Довольство и покой. Безъ нихъ не можетъ быть счастья; при нихъ несчастья быть не можетъ“. Приобрѣсти же довольство и покой легче всего можетъ христіанинъ, значить, „одинъ сей духъ (т. е. духъ христіанства) есть духъ истиннаго счастья, которое потому и можетъ быть только удѣломъ общества христіанскаго“.

Во второй части „Замѣчанія“ авторъ разбираетъ слова Ж. Ж. Руссо: „Человѣкъ родился свободнымъ и вездѣ въ оковахъ“¹⁾. Онъ говоритъ: „страсти, слабости, нужды, хитрость, навѣкъ, обычаи держать въ неволѣ весь родъ человѣчскій, и посему можно сказать съ Жанъ-Жакомъ, что человѣкъ вездѣ въ оковахъ. Но свободнымъ ли онъ родился? Человѣкъ созданъ быть свободнымъ, блаженствовать душою и тѣломъ, руководствуясь непосредственно гласомъ всесотворшія Премудрости и исполняя уставы ея, живыми буквами начертанные въ зеркалѣ свѣта ему откровеннаго. Преступленіе этихъ уставовъ повлекло за собою паденіе, переселивши человѣка въ міръ слѣпотствованія, труда и болѣзни, а съ ними естественно и неволи“. Отсюда необходимо произошли общества, явились разнообразныя правительства и учрежденія. Чѣмъ болѣе падало и развращалось человѣчество, тѣмъ болѣе положенныя на него узы становились тяжки и грубы. Вмѣсто „чадолюбивыхъ правленій семейныхъ“ явились грозныя, часто несправедливыя, власти; за нѣжными отеческими исправленіями послѣдовали жестокія наказанія. Въ настоящемъ состояніи человѣкъ родится свободнымъ только потому, что родится „съ волею, имѣющею свободу преклонять внутренней слухъ его къ спасительному гласу Творца, непрестанно зовущему въ первобытное его блаженство, и стремиться вступить на пути, открытыя Премудростью“. „Одна превыспренняя доблесть, духъ истиннаго христіанства, можетъ дѣлать человѣка совершенно свободнымъ внутренно... Внѣшняя свобода и равенство мечты! Сколь онѣ пагубны, доказалъ славный и не-

¹⁾ Этими словами начинается первая глава соч. „Du contrat social“.

счастный народъ, восхитившійся Руссовою книгою *du contrat social*“. Высказавъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу нападокъ Руссо на догматы христіанской религіи, Лопухинъ восклицаетъ: „Нѣтъ, мой любезный философъ, или, справедливѣе сказать, мудрователь добросердый! Ты былъ сотворенъ свѣтиломъ христіанства, а сдѣлался...“ (Sic). И немного далѣе: „Нѣтъ, почтенный! Христіанство есть соль земли и цвѣтъ блаженства въ обществахъ человѣческихъ“.

Въ началѣ 1800 года Лопухинъ вмѣстѣ съ сенаторомъ М. Г. Спиридовымъ былъ посланъ обревизовать губерніи—Казанскую, Вятскую и Оренбургскую.

При ревизіи сенаторамъ приходилось чуть не на каждомъ шагу сталкиваться съ печальнымъ явленіемъ, къ прискорбію, до сихъ поръ продолжающимся въ нашемъ отечествѣ—со взяточничествомъ. Вотъ что говоритъ Лопухинъ въ своихъ „Запискахъ“ о сенаторскихъ ревизіяхъ и о мѣрахъ для искорененія взяточничества. „Осмотры такіе, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій, хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ. Сіе особливо въ разсужденіи взятковъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его. Кажется, справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятковъ. Надобно сдѣлать прежде, если можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нуждъ и прихотей не имѣли. чтобъ, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея Источнику невозможно, или весьма ненадежно... Опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства... Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что, или сколько можно меньше было, за что давать взятки“ („Записки“, стр. 73—74).

Ознакомившись коротко съ сущностью дѣла, Иванъ Владиміровичъ пришелъ къ тому заключенію, что Вятская губернія это—„золотое дно, изъ котораго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами“. Въ своемъ донесеніи государю сенаторы (или, вѣрнѣе, Лопухинъ, такъ какъ товарищъ его не вмѣшивался въ производство осмотра и во всемъ съ нимъ соглашался) слѣдующими словами характеризуютъ свою ревизіонную дѣятельность: „Осмотрѣвъ Вятскую губернію, возможное, по данной намъ власти, на мѣстѣ исправили, къ лучшему впередъ устройству, въ чемъ нужно, предписали наставленія; по жалобамъ, доносамъ и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить; важнѣйшія злоупотребленія примѣчаются особливо по волостнымъ правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе, и всѣ возможныя установили средства къ пресѣченію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ“.

...„Наконецъ—доносили сенаторы—обыкнувъ говорить предъ Августѣйшимъ престоломъ Вашего Величества правду, не можемъ мы сказать, чтобъ какое-нибудь присутственное мѣсто или чиновникъ въ губерніи Вятской заслуживали представленными быть въ особое благоволеніе Вашего Величества. А что принадлежитъ до гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гютчева, то сей въ честности состарѣвшійся чиновникъ истощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей должности, и голосъ всей губерніи свидѣтельствуеть о его правдолюбіи и добродушіи“ („Зап.“, стр. 76—77).

Результатъ сенаторскаго донесенія былъ для всѣхъ, а особенно для самого Лопухина, слишкомъ неожиданъ. Государь, прочитавъ донесеніе, повелѣлъ уволить губернатора за старостью въ отставку съ полною пенсією за усердную службу, а прочихъ всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи отрѣшить отъ должности и предать суду. Такой крутой оборотъ дѣла, понятно, породилъ массу недовольныхъ, и многіе упрекали Лопухина въ томъ, что изъ-за него пострадало столько людей. Желая доказать неосновательность этихъ упрековъ, Лопухинъ издалъ книжку подъ заглавіемъ: „*Выписка наставленій и приказаній, данныхъ и сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи, въ мартъ 1800 года*“¹⁾.

¹⁾ Въ Имп. Публ. Библіотекѣ мы не могли найти этой книжки.

Выписка эта, по словамъ ея автора, была единственнымъ документомъ, по которому Сенатъ судилъ объ отрѣшеніи вятскихъ чиновниковъ; „въ ней есть наставленія, замѣчанія, исправленія, но ничего нѣтъ такого, по чему бы можно было отрѣшить безъ суда“ („Зап.“, 86).

Г. Афанасьевъ въ своей статьѣ: „И. В. Лопухинъ“ говоритъ объ этой книжкѣ и о ревизіи сенаторовъ слѣдующее: „Выписка наставленій и приказаній, данныхъ сенаторами, представляетъ первый опытъ печатной гласности по дѣламъ административнымъ и судебнымъ; разумѣется, и здѣсь не обошлось безъ опущенія нѣкоторыхъ подробностей и сокрытія именъ, какъ не обходится безъ этого и современная гласность. Сенаторы нашли въ губерніи много безпорядковъ: медленное теченіе дѣлъ, неисполненіе указовъ Правительствующаго Сената, даже употребленіе пытокъ“.

Государь остался доволенъ ревизорами и наградилъ ихъ командорскими крестами Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Лопухинъ въ своихъ „Запискахъ“ передаетъ еще одинъ „анекдотъ, въ той же Вяткѣ съ нимъ случившійся, и смѣшной, и достойный вниманія по отношенію къ правиламъ народнымъ“. Въ одну изъ своихъ прогулокъ по городу Лопухинъ купилъ булокъ у калашницы, „дѣвки лѣтъ осьмнадцать, не красавицы, однако лица пріятнаго“, и подарилъ ей на „расторжку“ пятирублевую бумажку. Казалось, въ поступкѣ Лопухина не было ничего предосудительнаго. Но иначе взглянули на дѣло вятскія торговки. На другой день къ Ивану Владиміровичу пришелъ мужикъ и со слезами бросился ему въ ноги. „Помилуй, батюшка, спаси дочь мою!“—просилъ онъ. „Ты погубилъ ее; она хочетъ удавиться, или въ Вятку броситься. Вчера ты ей пожаловалъ пять рублей, такъ всѣ дѣвки, товарки ея, цѣлый день ей житья не давали: ты была у сенатора, да и только; за что жъ бы ему пожаловать тебѣ пять рублей? Дочь моя воеетъ, въ удавку лѣзетъ, не можемъ уговорить ее, мать отъ нея не отходитъ“. Много труда и времени употребилъ нашъ сенаторъ на то, чтобы успокоить отца цѣломудренной калашницы, обѣщавъ ему какъ можно скорѣе уладить щекотливое положеніе дѣлъ. Но какъ исправить невольную ошибку, причинившую столько горя несчастной дѣвушкѣ? Думая надъ этимъ, сенаторъ и „не зналъ, чѣмъ поправить“. „Вдругъ“ счастливая мысль пришла ему въ голову, и „поруганная“ честь калашницы была восстановлена.

Размѣнявши нѣсколько сотъ рублей на пятирублевыя ассигнаціи, Лопухинъ отправился къ балаганамъ и каждой торговлѣ далъ по 5 рублей на „расторжку же“. Дѣло тотчасъ приняло другой оборотъ: всѣ торговли повеселѣли и перестали бранить свою счастливую соперницу. Любопытные, подумаешь, существовали, а, можетъ быть, и теперъ существуютъ нравы въ иныхъ городахъ нашего обширнаго отечества!

Въ концѣ августа 1800 года, послѣ осмотра губерній, Лопухинъ возвратился въ Москву и принялся за свои прерванныя занятія въ Сенатѣ. Въ Москвѣ онъ прожилъ безвыѣздно до самой кончины императора Павла I.

VI.

Разборъ Лопухинымъ дѣла духоборцевъ.—Сенаторскія донесенія и рескриптъ императора Александра I.—Недоброжелатели Лопухина. „Гласъ искренности“.—Лопухинъ предсѣдатель Крымской комисси.—„Отрывки для чтенія вѣрующаго“.—Земское войско.—Донесенія Лопухина.—Взглядъ Лопухина на крѣпостное право.—Конецъ „Записокъ“ Лопухина.—Похвальныя стихотворенія въ честь Лопухина.

Императоръ Александръ I, въ бытность свою въ Москвѣ, куда онъ пріѣзжалъ для коронаціи, приказалъ Лопухину и другому сенатору Юрію Александровичу Нелединскому-Мелецкому ¹⁾ „осмотрѣть Слободско-Украинскую ²⁾ губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія“. Лопухинъ и въ этомъ случаѣ, при новомъ назначеніи, съ прежнею добросовѣстностью исполнялъ свои обязанности ревизора, подробно вникалъ во всѣ дѣла, принималъ жалобы отъ жителей. Такъ, онъ освободилъ изъ тюрьмы однодворца Саласина, ложно обвиненнаго въ произнесеніи словъ, оскорбительныхъ для царскаго величества, сталъ на сторону духоборцевъ, гонимыхъ и притѣсняемыхъ харьковскими властями, ходатайствовалъ за нихъ передъ государемъ, вообще являлся всегда защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, руководясь чувствами правды, христіанской любви и состраданія къ ближнимъ.

Разсмотримъ подробнѣе интересное дѣло о сектѣ духоборцевъ.

А. Н. Пыпинъ въ своемъ изслѣдованіи „Общественное движеніе при Александрѣ I“ (стр. 106), говоритъ, что „новымъ элементомъ въ русскихъ нравахъ была религіозная терпимость, которую Александръ I обнаруживалъ съ первыхъ лѣтъ царствованія и какую, напримѣръ, онъ показалъ тогда относительно

¹⁾ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій (1751—1829 г.) славился пѣснями и романами, заслужившими ему названіе „русскаго Шолье“. („Выйду я на рѣченьку“, „У кого душевны силы“ и друг.).

²⁾ Харьковскую.

духоборцевъ“. Дѣйствительно, положеніе духоборцевъ, отрицавшихъ нѣкоторые обряды господствующей религіи, въ прежнія царствованія было весьма тягостно. По свидѣтельству Лопухина, при Екатеринѣ II духоборцевъ, жившихъ въ Харьковской губерніи, заключали въ „тѣсныя заточенія“, откуда они и не возвращались.

Земскій исправникъ, производившій розыскъ надъ духоборцами, съ самодовольствомъ разсказывалъ Лопухину о своей дикой расправѣ съ ними. „Извольте жъ ихъ посмотрѣть“,—говорилъ ревностный чиновникъ:—„похожи ли хоть мало на христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви хаживали, да полно, что въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только, бывало, и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащить, да въ однѣхъ рубашкахъ палочьемъ дуть“. И это „битие палочьемъ“ носило на оффиціальномъ языкѣ нѣжное наименованіе—„увѣщанія“! Не иначе смотрѣлъ на сектантовъ и самъ архіерей, которому при Екатеринѣ II было поручено увѣщаніе духоборцевъ, и въ лицѣ котораго Лопухинъ нашель „самаго строгаго судью имъ“ („Зап.“, стр. 92). При императорѣ Павлѣ I производилась ссылка духоборцевъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу („Зап.“, 93).

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I участь сектантовъ получила значительное облегченіе. „Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благодать, воцарившаяся въ императорѣ Александрѣ I, отверзла всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оныя освободились“, говоритъ Лопухинъ. Велѣно было водворить духоборцевъ на прежнихъ жилищахъ, оставить ихъ въ покоѣ, а духовнымъ лицамъ предоставлено право, въ случаѣ нужды, вразумлять заблудшихся сыновъ паствы и наставлять на путь истины, но „безъ всякаго принужденія“. Въ августѣ 1801 года духоборцы возвратились на свои пепелища, а въ октябрѣ того же года, по словамъ Лопухина, начались опять „вразумленія и увѣщанія“ ихъ со стороны епархіальнаго архіерея и земскаго суда засѣдателя съ командою. Знакомые съ характеромъ подобныхъ увѣщаній, мы не удивимся тому, что въ скоромъ времени въ Изюмскомъ уѣздѣ, мѣстѣ дѣйствія, вспыхнулъ „бунтъ“, какъ доносилъ Лопухину харьковскій губернаторъ. „Духоборцы не слушаются“, рапортовалъ онъ: „государя помазанникомъ Божіимъ не признаютъ; распятому Иисусу Христу

не поклоняются и никакихъ податей платить и государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ“. „Поклоняемся Христу“, пѣлось въ пѣснѣ, сочиненной духоборцами и отобранной отъ нихъ засѣдателемъ, „не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованному, и не литому и не писанному, а Христу, сыну Божию, Спасу міра“. Лопухинъ, взявшись за разборъ дѣла духоборцевъ, отнесся къ нимъ чрезвычайно человѣколюбиво, въ духѣ истинной вѣротерпимости. Твердо увѣренный въ томъ, что все зло произошло отъ самихъ „увѣщателей“, которые своими неумѣлыми и неумѣстными разспросами ожесточили безъ того уже озлобленныхъ духоборцевъ, онъ тотчасъ велѣлъ отозвать засѣдателя съ командою и двухъ увѣщателей-священниковъ, посланныхъ архіереемъ. „Бунтъ“ самъ-собою прекратился. Отъ возвратившихся увѣщателей Лопухинъ узналъ, какъ происходило увѣщаніе. Первый вопросъ, предложенный ими духоборцамъ, былъ вопросъ о коронаціи. Духоборцы, „не имѣющіе къ обрядамъ уваженія“, не могли на этотъ вопросъ дать удовлетворительный съ точки зрѣнія увѣщателей отвѣтъ. Поставили затѣмъ передъ ними образъ Спасителя и спрашивали, вѣрують ли они въ предстоящаго передъ ними Спасителя. „Это не Спаситель, а доска распisanная“, возражали духоборцы. Наконецъ, на 3-й вопросъ: „будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?“ духоборцы съ досадою отвѣчали: „Мы нищіе, чѣмъ намъ подати платить? Какіе отъ насъ рекруты? Остался старый, да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили государю, какъ и другіе, а теперь—власть его—не можемъ“.

По дѣлу духоборцевъ ревизоры-сенаторы послали государю два донесенія; въ нихъ сенаторы подробно излагали все случившееся, объясняли мотивы, побудившіе ихъ принять свои мѣры, и, наконецъ, описавъ бѣдственное положеніе духоборцевъ, ходатайствовали за нихъ, какъ достойныхъ не строгихъ каръ, а помилованія. „Бѣдность ихъ, Государь, прекрайняя; ибо они до конца разорены ссылкой со всѣми семействами на заточенія и въ работы, изъ коихъ освободило ихъ милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Дома ихъ и всѣ пожитки проданы... Бѣдное состояніе этихъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столь жалостно, что по истинѣ достойно обратиться на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго

уваженія къ челоѣчеству“ („Записки Л—на“, стр. 102). Такъ писали сенаторы во второмъ своемъ донесеніи отъ 3-го декабря 1801 года. При этомъ же донесеніи было приложено вѣрноподданническое прошеніе духоборцевъ о позволеніи „отдѣлиться въ особое поселеніе“. Поддерживая просьбу сектантовъ, сенаторы, въ случаѣ высочайшаго согласія удовлетворить желаніе просителей, находили, съ своей стороны, цѣлесообразными въ видахъ переселенія слѣдующія двѣ мѣры: 1) „Кажется,—писали они,—удобнѣе бы, не учреждая между ними, камъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ въ экономическихъ волостяхъ комиссаровъ или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуетливыхъ. 2) Не теряя изъ виду полного присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи православной церкви, не бесполезно, конечно, было бы селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона священники... славою добраго житія и убѣдительнаго, сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей“. Вы отвѣтъ на донесенія послѣдовалъ на имя сенаторовъ высочайшій рескриптъ, „до восхищенія пріятный“, какъ называетъ его Лопухинъ.

Вотъ этотъ рескриптъ отъ 27-го ноября 1801 г.: „Гг. тайные совѣтники и сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ духоборцевъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей; и вслѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободско-Украинской губерніи, наблюсти, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ духоборцевъ увѣщаніе и, находя между тѣмъ, что прежде предприятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ

правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ раззоренномъ ихъ положеніи готово простереть имъ руку помощи и покровительства — я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они дома, и если не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный Александръ“. („Записки Л—на“, стр. 104).

Конечнымъ результатомъ дѣла духоборцевъ было, по словамъ Лопухина, переселеніе ихъ на Молочныя Воды¹⁾, съ щедрыми пособіями отъ милосердія государева. Но тотъ же разборъ дѣла вооружилъ противъ Лопухина весьма многихъ. Иванъ Владиміровичъ такъ характеризуетъ своихъ недоброжелателей. „Бранили меня — говоритъ онъ — нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся религіи, есть ихъ монополія... Бранили меня благочестивыми слывшіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ, рыба ли визига, и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него-де кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятеля... Бранили думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предрасудковъ, которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта или расколъ... Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы...“

Въ отвѣтъ на всѣ эти толки, особенно же на то обвиненіе, будто онъ способствовалъ размноженію духоборцевъ, Лопухинъ написалъ записку о происшествіи, бывшемъ съ духоборцами въ Слободско-Украинской губерніи, о сущности возрѣвній этихъ сектантовъ и о мотивахъ своихъ дѣйствій. Записку свою онъ разсѣялъ во многихъ спискахъ въ публикѣ и, кромѣ того, послалъ въ журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“ подъ заглавіемъ „Гласъ искренности“, при письмѣ отъ 12-го іюля 1806 года. Но въ пе-

¹⁾ Новороссійск. губ., Мариупольскаго уѣзда, рѣка Молочная. Два рескрипта императора Александра I новороссійскому губернатору Миклашевскому о поселеніи духоборцевъ на р. Молочной: отъ 25 янв. 1802 г. и отъ 1 іюля 1802 г. напечатаны въ „Русск. Старинѣ“ 1899 г., сентябр. кн. (стр. 516) и октябр. кн. (стр. 240).

чати „Гласъ искренности“ явился только въ 1817 г. въ декабрьской книжкѣ „Сіонскаго Вѣстника“¹⁾. Передадимъ въ немногихъ словахъ содержаніе этой записки.

Вначалѣ авторъ даетъ опредѣленіе истинной религіи. „Истинная религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь во Христѣ Иисусѣ, есть истинная натура христіанства“. Наилучшей изъ всѣхъ христіанскихъ религій Лопухинъ считаетъ религію греко-восточной церкви. Затѣмъ онъ доискивается источника раскола и находитъ его въ „усердіи непросвѣщенномъ, исканіи лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, рождается отъ усердія къ Богу“. „Но — добавляетъ авторъ—безъ просвѣщенія на самомъ подвигѣ усердія сего въ заблужденіе войти можно“. Никакой политической подкладки въ расколѣ онъ не признаетъ. Раскольниковъ двѣ категоріи: первую составляютъ тѣ, которые придерживаются обрядовой стороны, внѣшнихъ знаковъ поклоненія, вторую — тѣ, которые, наоборотъ, отвергаютъ всякія внѣшнія проявленія религіознаго чувства и признаютъ одно духовное поклоненіе. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ духоборцы. Относительно раскольниковъ первой категоріи авторъ высказываетъ слѣдующее соображеніе. „Не постигающій силы духа и внутренняго качества Христіанскаго и заключающій все въ одной внѣшности боготворить ее и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ-нибудь обрядѣ, соблазняетъ и совращаетъ его... На семь совратившихся самое большое число“. Духоборцы же, понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользы внѣшности и необходимости ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Имя родоначальника и время появленія секты духоборцевъ не извѣстны. Правительство обратило на нее свое вниманіе около 1770 года. Въ первое время духоборцы, хотя полагали сущность религіи во внутреннемъ Богочитаніи, въ дѣятельномъ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей, все-таки придерживались обрядовой стороны: ходили въ церковь, бывали у Св. Причастія, крестились, сочетались бракомъ и проч. Но потомъ, по мѣрѣ

¹⁾ Выписка изъ рукописи подъ названіемъ: „Отзывъ искренности“ помѣщена также въ „Запискахъ“ Лопухина.

открытія гоненій на нихъ, духоборцы все болѣе и болѣе порывали связь съ государственною церковью ¹⁾. Ихъ подвергали разнымъ пыткамъ, „ссылали цѣльными семействами на тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы“. „Никакая секта, по словамъ Лопухина, не была столь строго преслѣдуема, какъ оныя духоборцы“. Но всѣ жестокія мѣры противъ сектантовъ нашъ авторъ считаетъ излишними и безцѣльными. „Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума, заблужденія духовныя исправлять убѣжденіемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь Евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямого пути религіи... Совершенно отмена діе духоборцами всякой наружности, конечно, есть великое заблужденіе. Но оно должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостію. Убѣжденія нужны. Жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола“. (Сравн. мысли о расколѣ въ „Воплѣ стариннаго судьи“ гл. IV).

Такое гуманное отношеніе къ сектантамъ должно быть вмѣнено въ большую заслугу Лопухину, тѣмъ болѣе, что только въ наше время правительство пришло къ убѣжденію въ бесполезности преслѣдованія раскольниковъ, и закономъ 3-го мая 1883 года объявило полную религіозную терпимость.

Къ чести русскаго общества начала XIX ст. слѣдуетъ замѣтить, что и тогда находились среди него люди, умѣвшіе достойно оцѣнить благородный поступокъ Лопухина. Въ одномъ „посланіи къ сенатору Лопухину“, сочиненномъ въ 1807 г., такъ изображается дѣло духоборцевъ:

„Не казнь угрожать и не бросать перуны
Петрова скипетра и дѣль наслѣдникъ юный
Тебя съ Нелединскимъ благоволилъ послать,
Но духоборцевъ спасти, взнесенный бичъ сдержать
И вырвать мечъ изъ рукъ свирѣпаго усердья,
Которое въ жару пролить алкало кровь
Во имя Господа Щедротъ и Милосердья.

¹⁾ Въ настоящее время духоборцы составляютъ секту рационалистическаго направленія, отвергающую церковную внѣшность и требующую духовнаго пониманія церкви, вѣры, писанія.

Вы проповѣдывали терпимость и любовь,
Оковы сняли съ рукъ, темницы отворили
И Добраго Царя надежды совершили.
Оставимъ Промыслу завѣсу снять съ очей
У заблудившихся въ религіи людей:
Тотъ, Кто апостоловъ избралъ изъ рыбарей
И огненные имъ съ небесъ послалъ языки,
Кто въ ясляхъ родился, Кто умеръ на крестѣ,
И намъ терпимости явилъ примѣръ великій,
Тотъ знаетъ, какъ всѣхъ Вѣръ народы о Христѣ
Соединить въ одно согласное семейство
И къ вѣрѣ обращать насильно есть злодѣйство“ ¹⁾).

Въ началѣ 1802 года Лопухинъ возвратился изъ Харькова въ Москву, гдѣ опять сталъ присутствовать въ Сенатѣ. Въ томъ же году государь далъ Лопухину новое порученіе: предсѣдательствовать въ комиссіи, учрежденной „для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крыму“. Причиною учрежденія этой комиссіи были, по словамъ Лопухина, жалобы татаръ, „подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ высшихъ“ („Записки“, стр. 117). Самъ Лопухинъ не сочувствовалъ Крымской комиссіи и говорилъ, что она родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды. Познакомившись съ правилами комиссіи, изданными на русскомъ и татарскомъ языкахъ, предсѣдатель увидѣлъ всю ихъ неудобоисполнимость. Но высказать свое окончательное мнѣніе, прежде поѣздки въ Крымъ, онъ не считалъ возможнымъ. Приѣхавши въ концѣ лѣта 1802 года въ Крымъ, Лопухинъ открылъ засѣданіе комиссіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала всѣ нужныя свѣдѣнія. Лопухинъ на дѣлѣ убѣдился, что учредители Крымской комиссіи не соображались съ мѣстными условіями, и пришелъ къ окончательному выводу „о неудобствахъ исполненія правилъ ея какъ со стороны справедливости, такъ и порядка“ („Записки“, стр. 118). Поэтому онъ испросилъ у государя позволеніе приѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій. Въ мартѣ 1803 года Лопу-

¹⁾ „Новости Литературы“ 1825 г. Май, стр. 82. „Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ и добродѣтельномъ его хозяинѣ“ ст. Воейкова.

хинъ прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ получилъ аудіенцію у государя, который милостиво его принялъ. Всѣ Лопухинскія замѣчанія относительно правилъ комиссіи, одобренныя государемъ, были переданы на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, такъ какъ въ этомъ учрежденіи первоначально обсуждалось Крымское дѣло. Въ первое же собраніе Совѣтъ потребовалъ отъ Лопухина „соображенія всѣхъ предметовъ его представленій и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе всего это исполнить“ („Зап.“, стр. 119). Болѣе года (съ марта 1803 г. по августъ 1804 г.) разсматривалось Крымское дѣло и только послѣ многихъ споровъ и пререканій было рѣшено согласно съ мнѣніемъ Лопухина. „Издано—говоритъ послѣдній,—дополненіе къ начертанію правилъ комиссіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи, а порядокъ производства дѣлъ и весь мой принять. Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось“ („Записки“, стр. 127).

Въ концѣ 1804 года Лопухинъ возвратился въ Крымъ и приступилъ къ распоряженію производствъ комиссіи по изданному вновь дополненію къ ея правиламъ. Но дѣятельность его въ Крыму не была продолжительна; въ слѣдующемъ году, онъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ непріятной ему должности предсѣдателя комиссіи для разбора Крымскихъ земель. Въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 1-го іюля 1805 года объявлялась Лопухину Монаршая благодарность за труды по предсѣдательству въ комиссіи и сожалѣніе по поводу прекращенія оныхъ.

О выѣздѣ Лопухина изъ Крыма жалѣлъ, по его признанію, тамошній народъ, который очень его полюбилъ, хотя сенаторъ и „былъ противъ его, защищая по справедливости права дворянъ и новыхъ помѣщиковъ“.

Въ нѣсколько иномъ свѣтѣ представляетъ дѣятельность Лопухина въ Крыму Дмитрій Борисовичъ Мертваго (1760—1824 г.), назначенный въ 1803 году гражданскимъ таврическимъ губернаторомъ и занявшій, послѣ ухода Лопухина, мѣсто предсѣдателя Крымской комиссіи. Въ своихъ „Запискахъ“ онъ говоритъ слѣдующее: „Сенаторъ, безъ прочтенія отъ всѣхъ принимающей, накопилъ необъятную кучу бумагъ; истребуя отъ всѣхъ мѣстъ всѣ дѣла, до раздачи земель, до споровъ и жалобъ касающихся, нагрузилъ комиссію балластомъ болѣе, нежели было

въ Ноевомъ ковчегѣ. Приступаютъ къ разсмотрѣнію общаго плана, къ раздачѣ земель относящагося; проходитъ въ семь упражненіи цѣлый годъ, а между тѣмъ помѣщики, кои побогатѣе и болѣе прочихъ виноватые, примѣтя склонность сенатора къ пьянству и чванству, сопутствуя ему и угождая, приобрѣли его благорасположеніе“. И въ другомъ мѣстѣ: „сенаторъ и никто изъ членовъ его и секретарей не читаль прошеній, а только принимая, клали въ кучу“¹⁾).

Ко времени пребыванія Лопухина въ Крыму (1805 г.) относится появленіе новаго литературнаго труда нашего автора. „На страстной недѣлѣ—говоритъ онъ—говѣлъ я и причащался въ Егоріевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая страшными романтическими скалами пустыня на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря. Въ сіи, истинно мирныя, дни моей жизни составилъ я книжку подъ именемъ: „Отрывки для чтенія вѣрующимъ“, которую посвятилъ другу моему архіерею черниговскому Михаилу“²⁾ („Записки“, стр. 128).

„Отрывки для чтенія вѣрующимъ“. *Душевенъ человекъ не пріемлетъ яже Духа Божія. I коринѣ. гл. II, ст. 14. Переводъ. С.П.Б. При Имп. Ак. Наукъ 1806 г.*³⁾

„Отрывки“, безъ сомнѣнія, оригинальное произведеніе Лопухина, хотя и названное почему-то „переводомъ“.

Оно состоитъ изъ 12 небольшихъ главъ: 1) о истинномъ христіанствѣ, 2) о духовномъ обновленіи, 3) о крестѣ, 4) самоотверженіи и умерщвленіи плоти, 5) молитва, 6) вѣра, 7) любовь, 8) самолюбіе, 9) гордость духовная, 10) смиреніе, 11) о церкви и о поклоненіи внѣшнемъ и 12) о уставахъ и обрядахъ.

Въ предисловіи къ „Отрывкамъ“ Лопухинъ заявляетъ, между прочимъ, что книга его „не избѣжитъ нѣкоторыхъ толковъ и осужденій“; но это его не смущаетъ: онъ желаетъ только одного, чтобы „чтеніе ея принесло пользу вѣрующимъ, для коихъ она издается“.

Намъ нѣтъ надобности знакомиться съ содержаніемъ всѣхъ главъ даннаго сочиненія, такъ какъ мы встрѣтимъ въ нихъ знакомыя уже намъ мысли Лопухина объ истинномъ христіанствѣ,

¹⁾ „Записки“ Мертваго. „Русскій Архивъ“ 1867 г., стр. 184—185.

²⁾ Воспитанникъ филологической семинаріи, устроенной „Друж. Уч. Общ.“.

³⁾ 1-е изд. М. 1805 г.

о крестѣ, самоотверженіи, любви, смиреніи и т. д. Приведемъ только нѣсколько выдержекъ, проливающихъ новый свѣтъ на воззрѣнія автора.

Въ 5-й главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о молитвѣ, „духовномъ млекѣ, питающемъ душу, стражѣ нашего сердца, врачествѣ отъ яда духовнаго“, Лопухинъ возстаетъ противъ „умозрительности“, говоря, что „сіе не есть средство къ истинной молитвѣ“. Неумѣренное упражненіе въ „умозрительности“ сопряжено съ большими неудобствами: ибо кромѣ того, что едва-ли можетъ оно кого возвести на истинный путь обновленія, много вредитъ здоровью и можетъ истощать разумныя силы. „На молитвѣ—учить Лопухинъ—предстань вѣроу внутренно предъ лице Вездѣсушаго, раскрой предъ Нимъ душу, скажи Ему, какъ можешь, всѣ свои скорби; потомъ пребудь въ молчаніи подобно бѣдному въ гноищѣ, который, не зная, какъ изъяснить крайность бѣдствія своего, показываетъ только свои раны, гной и рубища раздранныя... Самое положеніе тѣла можетъ способствовать подвигу въ молитвѣ, содѣйствуя къ усмиренію чувствъ. Можно молиться и ходя, и стоя, и сидя, и лежа: но когда здоровье и время дозволяютъ, то всего приличнѣе во время онсей уединенной и купно внѣшно отправляемой молитвы молиться на колѣняхъ и повергаясь на землю“.

Въ гл. 10-й авторъ проповѣдуетъ уничтоженіе, полное проникновеніе своимъ ничтожествомъ, при чемъ въ своемъ увлеченіи мыслью о самоуничтоженіи впадаетъ въ крайность. „Истинное смиреніе въ томъ состоитъ—говоритъ онъ—чтобъ не ожидать отъ себя ничего добраго и ни въ чемъ на себя не надѣяться, пребывая въ ничтожествѣ своемъ, какъ червь въ прахѣ“.

Въ гл. 12-й Лопухинъ касается исторіи обрядовъ, установленныхъ впервые Богомъ по смерти древнихъ патріарховъ. Иисусъ Христосъ не возложилъ никакого внѣшняго исполненія на учениковъ своихъ. Всѣ первые христіане были „внутренніе поклонники“. Но съ торжествомъ христіанства число христіанъ умножилось, а такъ какъ между ними было очень много грубыхъ, то и начали умножаться обряды и внѣшнія украшенія. „Церковь, видя, что не можетъ чадъ своихъ содержать въ состояніи единственно духовномъ, умножила обряды и уставы, для спасительнаго вспоможенія ихъ немощи“.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Москву, Лопухинъ изъ 5-го департамента, переименованнаго въ 6-й уголовный, былъ переведенъ въ 8-й, гдѣ присутствовалъ недолго, такъ какъ на него было возложено новое порученіе. Въ концѣ 1806 года въ виду „молніеносныхъ“, по выраженію Лопухина, подвиговъ Наполеона, состоялось повелѣніе объ организovanіи временнаго земскаго войска или милиціи. Нѣсколько сенаторовъ отправлено было по губерніямъ съ цѣлью наблюденія за „порядкомъ и внутреннею тишиною“. Надзору Лопухина ввѣрены были губерніи: Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская. Исполняя это важное порученіе, онъ обязанъ былъ еженедѣльно посылать государю донесенія. Въ своихъ донесеніяхъ Лопухинъ не считалъ возможнымъ скрывать отъ государя истинное положеніе дѣлъ и смѣло указывалъ на всеобщее недовольство вышеупомянутымъ повелѣніемъ. Такъ, въ первомъ ¹⁾ пространномъ донесеніи изъ Тулы отъ 4-го января 1807 г. Лопухинъ, говоря объ усердіи и вѣрности сыновъ Россійскаго отечества, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и обратную сторону медали. „Гнусная лесть была бы, однако,—пишетъ онъ—увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считаютъ крайне отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, если уже необходимость того требуетъ... Я жилъ въ Москвѣ, и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселенской особливо жизни. Кто скажетъ Вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ, недостойный выговаривать именованіе царскаго престола...“ Въ другомъ донесеніи изъ Тулы отъ 18-го января мы читаемъ слѣдующее: „Чувство бремени отъ земскаго войска общее... Затрудняются до боязни вліяніемъ начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управленіемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ при толикой степени власти. Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень и моему

¹⁾ Всѣхъ донесеній было десять: послѣднее изъ Москвы отъ 18-го марта 1807 г.

пріѣзду. Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринуть былъ—разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и счастье народамъ“.

Много горькой истины по поводу учрежденія земскаго войска было высказано въ этихъ донесеніяхъ сенатора; Иванъ Владиміровичъ считалъ своимъ долгомъ говорить государю одну только правду. „Милосердный Государь! (воскликаетъ онъ). Прости мнѣ. Не могу о Вашемъ дѣлѣ, объ отечествѣ, говорить Вамъ не то, что въ мысляхъ у меня“ („Записки“ Л-на, стр. 141). „Откровенно представляю образъ мнѣнія народнаго и свою душу раскрываю предъ Вами, Государь. Руководствуюсь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданнаго, сына отечества и десять лѣтъ имѣющаго честь носить званіе сенатора, не для имени только“ („Зап.“, 144).

Въ отвѣтъ на первое свое донесеніе: Лопухинъ получилъ отъ государя рескриптъ отъ 16-го января, „въ которомъ и милость и гнѣвъ изъяслялись“. Выразивъ свое благоволеніе Лопухину за усердную службу, императоръ Александръ I писалъ, что „не безъ удивленія нашель онъ въ донесеніи разсужденія, совсѣмъ постороннія сдѣланному ему препорученію“ („Зап.“, стр. 145).

Но, несмотря на предостереженіе, данное свыше, Лопухинъ остается вѣренъ себѣ и продолжаетъ съ гражданскимъ мужествомъ говорить правду въ своихъ посланіяхъ государю; онъ указываетъ на уныніе народа, на упадокъ сельскаго хозяйства, общее разореніе, какъ на гибельныя слѣдствія мѣръ, предпринимаемыхъ для составленія временнаго земскаго войска, наконецъ въ паѳосѣ восклицаетъ: „Итакъ, въ моей предъ Вами откровенности, которую всегда я для себя считаю священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ благодѣтельномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества благодѣлнѣйшій день будетъ тотъ, въ который отмѣнится земское войско“. (Донесеніе изъ Владиміра 1-го марта 1807 г.). („Записки“, стр. 149).

Миръ, заключенный въ Тильзитѣ (1807 г.), разсѣялъ мрачныя

тучи, отодвинулъ грозный призракъ войны, и земское войско перестало существовать ¹⁾).

Говоря о случившемся потомъ разрывъ съ Англією, Лопухинъ въ своихъ „Запискахъ“ высказываетъ довольно оригинальныя мысли о внѣшней политикѣ. Главное искусство Россійской политики должно, по его мнѣнію, состоять въ томъ, чтобы съ Европою имѣть какъ можно меньше связей, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ послѣдними онъ разумѣетъ обычаи, „коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ“. Взамѣнъ торговли съ европейскими купцами, отличающимися хитростью, „въ змѣинномъ пронырствѣ неутомимую“, Лопухинъ совѣтуетъ завести торговыя сношенія съ азіатами, которые, „начиная отъ Пекина до Царьграда, могли бы быть искренними союзниками русскихъ“. Подобныя нападки на гнилой Западъ начинаютъ все чаще и чаще встрѣчаться въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Многіе патріоты, исполненные желаніемъ добра своей родинѣ, встаютъ противъ слѣпой подражательности иноземцамъ, осуждаютъ русскихъ за недостатокъ самоуваженія, за недовѣрчивость къ собственнымъ дарованіямъ и силамъ, и прямо указываютъ, что наступила пора подумать о самобытности. „Невѣжественное равнодушіе нашего общества, по мнѣнію А. И. Незеленова, и приводило, вѣроятно, такихъ людей, какъ Лопухинъ, кн. Щербатовъ, къ идеализаціи древнихъ русскихъ нравовъ“ ²⁾).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что Лопухинъ не былъ полнымъ ненавистникомъ „гнилого“ Запада. Ему не нравились только нравы европейцевъ, хитрость иностранныхъ торговцевъ въ противоположность „русской старинной простотѣ и безсребреничеству“. „Хорошо бы имѣть—говоритъ онъ—военныя силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ русскихъ, во внутренности ополченія устроенныя по тактикѣ Тюренновъ и Фридриховъ, для отраженія только непріятелей отъ предѣловъ Россійской Имперіи, слишкомъ обширной, и при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и

¹⁾ Неудовольствіе государя на Лопухина, вызванное его донесеніями, продолжалось не долго: 12 дек. 1807 г. Ив. Влад. былъ пожалованъ въ дѣйствительн. тайн. совѣтники. Позднѣе, въ перв. числ. дек. 1809 г., онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

²⁾ Незеленовъ „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ“ (стр. 7).

полезныхъ наукахъ и художествахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ...” („Записки“, стр. 153—154).

Выполнивши съ такимъ благородствомъ миссію, возложеную на него при составленіи земскаго войска, Лопухинъ принялся опять за свои сенатскія занятія. Но тутъ вскорѣ начались у него столкновенія съ другими сенаторами. Поводомъ къ нимъ на этотъ разъ послужило слѣдующее обстоятельство. При разборѣ дѣлъ крестьянъ, „ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ“, большинство сенаторовъ становилось на сторону первыхъ. Лопухинъ не считалъ справедливымъ удовлетворять просьбы крестьянъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, не имѣли законнаго права искать вольности. Вслѣдствіе такого взгляда нашъ сенаторъ и расходился съ мнѣніемъ своихъ сотоварищей. Возраженія Лопухина противъ освобожденія крестьянъ были почти тѣ же самыя, какія дѣлали его современники: Державинъ, кн. Дашкова и др. и какія слышались при окончательной отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Лопухинъ, всегда проявлявшій челоуѣколюбивыя стремленія, не сумѣлъ въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ стать выше понятій своего времени и находилъ одинъ изъ самыхъ великодушныхъ плановъ Александра I преждевременнымъ и опаснымъ. Событія 1861 года показали, какъ напрасны были опасенія Лопухина и ему подобныхъ.

Вотъ взглядъ Лопухина на дѣло освобожденія крестьянъ.

„Въ Россіи — писалъ онъ еще въ 1807 г., въ первомъ донесеніи изъ Тулы — ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго... Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго челоуѣка, если бъ только то безъ вреда для нея возвожно было“ („Зап.“, стр. 137—138). Повторяя тѣ же мысли въ 1809 году, онъ дополняетъ ихъ слѣдующими соображеніями: „Народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе милиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы... Свойственно мягкосердецію жалѣть о томъ, когда не совсѣмъ

еще отъ болѣзни оправившіеся могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить“ („Записки“, стр. 158—159).

Въ своемъ взглядѣ на простаго человѣка Лопухинъ впалъ въ противорѣчіе съ основными принципами масонства, которое, какъ мы не разъ объ этомъ говорили, проповѣдывало идеи братства, любви и равенства между всѣми людьми. „Орденъ, въ которомъ онъ былъ равностнымъ братомъ, не могъ однако (говоритъ проф. А. И. Незеленовъ) навести его на мысль, что крѣпостное рабство есть зло, требующее уничтоженія, и что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ, также имѣетъ и смыслъ и чувство“¹⁾.

Въ своемъ изложеніи мы дошли до конца автобіографическихъ „Записокъ“ Лопухина. „Оканчиваю повѣсть о моихъ былыхъ — заключаетъ онъ. — Не всѣ рассказалъ я ихъ здѣсь, но не сказалъ я ни одной небылицы. Будетъ ли что еще въ жизни моей достойное описанія и успѣю ли его сдѣлать, не знаю... Теперь, посреди службы и Москвы обширной, живу я въ пустынѣ. Лучшіе друзья мои²⁾ почти всѣ разлучены со мною смертью или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества, въ просвѣщенныхъ ихъ писаніяхъ, питаю я душу, а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и на утренніе ужины... Не ѣзжу также въ театры, и для того, что не нашелъ я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видишь актеровъ („Записки“ стр. 169). Затѣмъ по поводу „зрѣлища великаго театра вселенной“ Лопухинъ приводитъ выдержку изъ письма къ нему отъ извѣстнаго мистика Юнга-Штиллинга, „почтеннаго друга, сего небомъ просвѣщеннаго проповѣдника истины и предвѣстника явленій ея царства“. „Что касается

¹⁾ „Литературн. направленія въ Екатерининскую эпоху“ стр. 173.

²⁾ Друзьями Лопухина были: кн. Н. Н. Трубецкой, кн. Н. В. Репнинъ, С. И. Плещеевъ, М. М. Херасковъ, И. П. Тургеневъ, А. М. Кутузовъ, черниговскій арх. Михайлъ (Матвѣй Мих. Десницкій, бывшій ранѣе священникомъ въ Москвѣ) и друг.

вообще до хода вещей въ политическомъ мірѣ,—писалъ своему другу „проповѣдникъ истины“ — то со дня на день все больше раскрывается, и кому духъ предсказанія отверзеть очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ этого выйти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣніи, молитвѣ и въ прилежной борьбѣ съ грѣхами, приготавливая свѣтильникъ свой на срѣтеніе Господа“.

Внявъ совѣтамъ друга, „гонимый къ уединенію наскучливостью жизни“, въ которой по собственному признанію, онъ испыталъ всѣ мечты тщетнаго счастья, знатность породы и чиновъ, бренность богатства, Иванъ Владиміровичъ въ 1812 году, при нашествіи на Москву французовъ, удалился сначала въ подмосковное свое имѣніе Савинское (Богородскаго уѣзда), а затѣмъ въ село Воскресенское (Орловской губерніи), гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни.

Лопухинъ своею добротою, своимъ мягкосердечіемъ, ласковымъ обращеніемъ привлекалъ къ себѣ сердца весьма многихъ, а потому неудивительно, что въ честь его писалось много похвальныхъ стихотвореній. Большая часть ихъ была напечатана въ журналѣ „Другъ Юношества“. Приведемъ выдержки изъ двухъ стихотвореній. Одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ „На день рожденія И. В. Л. 24 февраля“, принадлежитъ перу самого издателя журнала, Невзорова. Особенно замѣчательны слѣдующія строчки этого стихотворенія:

„Одна ко ближнему любовь имъ обладаетъ;
Любовь въ его глазахъ, любовь въ его устахъ,
Любовь во всѣхъ его поступкахъ и чертахъ.
Не трогается онъ, богатыхъ видя міра,
Украшенныхъ серебромъ и златомъ изъ Офира.
Хотя на самый верхъ кто славы возведенъ,
Не чувствуетъ въ душѣ своей онъ перемѣнъ.
Но духъ его тогда въ движеніе приходитъ,
Когда онъ бѣднаго и страждуща находитъ:
Вся внутренность его видна тогда извнѣ.
Друзьями избралъ онъ несчастныхъ всѣхъ себѣ“.
(„Др. Юн.“ 1810 г. февраль, стр. 95—101).

Другое стихотвореніе неизвѣстнаго автора А. С. озаглавлено „Жертва ума и сердца“. Въ немъ мы находимъ слѣдующій восторженный отзывъ о Лопухинѣ:

„Но кто сей Фебъ, живой сей геній,
Душей сіяющій въ добротѣ.
Другъ правъ, любитель просвѣщеній,
Чистъ сердцемъ духа въ высотѣ?
Кто добродѣтелю славенъ,
Со всѣми въ обхожденьи равенъ,
Кто сей душою такъ какъ кринь,
Кринь сопричастный въ небѣ раю?
Кого я прославлять дерзаю?
Тебя, безсмертный Л.....нъ“! („Др. Юн.“ 1812 г. сент.).

„Пѣли меня—замѣчаютъ по поводу хвалебныхъ стиховъ Лопухинъ—стихотворцы и не за деньги. Меня пѣлъ въ своемъ „Владимірѣ“ Херасковъ, къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ искреннюю дружбу, и коего смерть оплакивалъ я всею нѣжностью сердца...“ („Записки“ Лопухина, Изд. 1860 года ¹⁾, стр. 170).

¹⁾ Изданіе «Записокъ» Л—на до 1860 г. было возвѣщено „Сыномъ Отечества“. Въ числѣ нѣкоторыхъ статей, заготовленныхъ для «Сына Отечества» 1848 г., журнала, имѣвшаго, по признанію редакціи, „Высочайше дарованное право помѣщать все, что можетъ быть полезно, занимательно и пріятно любящимъ благоденствіе, честь и славу отечества“, упомянуты „Записки д. т. сов. И. В. Лопухина“ («Сынъ Отечества» 1847 г., ноябрь, стр. 6). Общаніе журнала осталось, вѣроятно, въ силу цензурныхъ условій того времени, невыполненнымъ: мы пересмотрѣли журналъ за 1848 г. и не нашли въ немъ «Записокъ» Л—на.

VII.

Переписка Лопухина съ А. М. Кутузовымъ. Характеръ этой переписки.— Письма Лопухина къ Сперанскому. Письмо Сперанскаго.—Вопросъ о долгахъ Лопухина.—Письма Лопухина къ Д. П. Руничу. Значеніе ихъ. — Польдніе литературные труды Лопухина.—Отношеніе Лопухина къ Наполеону.— Кончина Лопухина.

Въ этой главѣ мы рассмотримъ переписку Лопухина съ масономъ Кутузовымъ и знаменитымъ Сперанскимъ, а также письма Лопухина къ Руничу, тоже своего рода знаменитости.

Выше (III гл.) мы говорили о шпионствѣ за масонами. Лопухинъ увѣрялъ, что его письма распечатывали на почтѣ. Увѣреніе это не было голословнымъ. Московскій почтъ-директоръ И. Б. Пестель снималъ копіи съ писемъ, казавшихся ему почему-либо подозрительными, и отправлялъ эти копіи московскому главнокомандующему кн. Прозоровскому.

Къ числу такихъ писемъ и принадлежатъ 12 писемъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. т. IX—подъ заглавіемъ „Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II: секретная вскрытая переписка“, и 13 писемъ (за время съ 20-го ноября 1790 г. по 17-е іюля 1791 г.), помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ, 1896 г. т. LXXXVIII, подъ заглавіемъ „Товарищи и птенцы Н. И. Новикова“ (ихъ взаимная переписка). Изъ этихъ писемъ— 13 отъ Лопухина къ Кутузову, 8 отъ Кутузова къ Лопухину, 3 отъ Невзорова и Колокольникова и 1 отъ Колокольникова къ Лопухину.

Переписка Лопухина съ Кутузовымъ относится къ 1790—1791 годамъ, времени ссылки Радищева, извѣстнаго автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. Алексѣй Мих. Кутузовъ былъ другомъ Радищева и вмѣстѣ съ нимъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Проживая въ Берлинѣ, онъ не могъ знать всѣхъ подробностей ссылки своего несчастнаго друга и потому просилъ Лопухина сообщать ему обо всемъ, касавшемся

Радищева. Почти во всѣхъ разбираемыхъ нами письмахъ мы встрѣчаемъ имя Радищева, и оно служитъ центромъ, вокругъ котораго вращается содержаніе интересной переписки. Въ первомъ письмѣ отъ 23-го сентября 1790 г. Philus (масонское имя Лопухина) сообщаетъ своему другу слѣдующую новость. „О Радищевѣ сказываютъ, что онъ, лишенный чиновъ и дворянства, отправленъ на 10 лѣтъ въ ссылку. Указа о семъ я еще не читалъ. О семействѣ его Государыня, сказываютъ, взяла попеченіе, собственное ея милосердію. Книгу его, по сіе время, не могу достать прочесть для любопытства“¹⁾. Другое письмо отъ 30-го сентября того же года почти цѣликомъ посвящено Радищеву. Общество, видимо, было взволновано его ссылкой. „Что жъ тебѣ сказать новаго?—спрашиваетъ Philus. Ничего интереснаго не знаю. Радищевъ, подлинно, сосланъ на 10 лѣтъ въ одно отдаленное мѣсто Сибири, слишкомъ за 5,000 верстъ отъ Москвы, черезъ которую уже онъ и провезенъ. Онъ, сказываютъ, въ раскаяніи, и многіе видѣли его. Я совѣмъ не зная его и даже лица его никогда не видавъ, по человѣколюбію только сожалѣю о его судьбѣ и о заблужденіяхъ его, и не знаю, то или другое заслуживаетъ большаго сожалѣнія въ разсужденіи истиннаго его блага... Сіе мучительное, конечно, для тѣла состояніе, въ которомъ онъ нынѣ находится, можетъ быть, полезно будетъ душѣ его, яко могущее ему способствовать увидѣть свои заблужденія, обратиться на путь христіанскій, на которомъ стоя не можно дѣлать такихъ дѣлъ, за каковое онъ теперъ страждетъ. Да, конечно, я думаю, не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ“. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, Лопухинъ имѣлъ самое темное представленіе о винѣ Радищева и судилъ о немъ по слухамъ, рисуя себѣ автора „Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву“ какимъ-то злодѣемъ, достойнымъ ссылки. Новѣйшее изслѣдованіе о Радищевѣ акад. М. И. Сухомлинова²⁾ и рецензія на трудъ

1) Книга Радищева, вскорѣ послѣ выхода ея въ свѣтъ, была уничтожена отчасти самимъ авторомъ, отчасти властями; уцѣлѣло ея лишь нѣсколько десятковъ экземпляровъ. Подробнѣе о литературной судьбѣ Радищева и его „Путешествія“ см. статью В. Е. Якушкина: „Радищевъ и Пушкинъ“.

2) По мнѣнію М. И. Сухомлинова, истинною причиною опалы на Радищева было то обстоятельство, что императрица Екатерина прочитала его сочиненіе не до французской революціи, а *послѣ* нея. (Ислѣд. и статьи по русск. лит. т. I, стр. 571—573).

Сухомлинова, написанная проф. А. И. Незеленовымъ, показываютъ ошибочность подобнаго взгляда на этого замѣчательнаго человѣка. Въ письмѣ отъ 31-го окт., уже за подписью Лопухина, мы читаемъ: „Ты желаешь отъ меня подробнаго описанія объ участи Радищева 1). Я писалъ тебѣ все, что могъ узнать, въ прежнихъ письмахъ моихъ, которыя теперь всѣ почти должны быть у тебя. Что жъ впредь узнаю, не оставлю сообщить. Нынѣ одни говорятъ, что уже не вѣрно его провозить въ Сибирь, а къ отцу, другіе, что онъ на дорогѣ умеръ...“ И немного далѣе: „Онъ самъ себя повергъ въ несчастіе—это правда, но тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія. Мнѣ никогда не случилось его въ лицо видѣть, но слышалъ, что много имѣлъ достоинствъ. Что принадлежитъ до того, что, не взирая на дружбу вашу, сентименты ваши въ разсужденіи религіи и политики совсѣмъ не сходятся, въ томъ, я думаю, теперь всѣ здѣсь увѣрены, кромѣ развѣ малаго числа несчастныхъ, которые не хотятъ себя лишати адскаго удовольствія зло мыслить о людяхъ“.

Въ письмѣ къ Кутузову отъ 7-го ноября 1790 г. Лопухинъ беспокоится, не получая извѣстій отъ Колокольникова и Невзорова; затѣмъ по поводу распускаемыхъ „злосычниками“ слуховъ о томъ, будто бы вышеупомянутые студенты находятся во Франціи и „посланы воспитываться въ духѣ анархическомъ“, авторъ письма подробно трактуетъ какъ о несправедливости этихъ поклеповъ, такъ и о сущности масонскаго ученія. Въ томъ же письмѣ Лопухинъ высказываетъ искреннее свое желаніе предостеречь молодыхъ людей отъ знакомства „съ новоявившимися въ мірѣ иллюминатами“. Насколько позволяютъ судить изслѣдованія масонства, иллюминаты не были свободны отъ вмѣшательства въ политику. Среди московскихъ масоновъ господствовало сильное предубѣжденіе противъ иллюминатовъ 2), ко-

1) Отвѣтъ на письмо Кутузова отъ 2-го окт. 1790 г.

2) Г-нъ В. В. Сиповскій, о взглядѣ котораго на московск. масоновъ мы имѣли уже случай говорить (гл. II), свое окончательное мнѣніе, о связи Новикова съ иллюминатами высказываетъ въ формѣ слѣдующаго раздѣлительнаго сужденія: „или онъ былъ иллюминатомъ *сознательно* и отвергалъ свою связь съ ними, руководясь убѣжденіемъ, что цѣль освѣщаетъ средство, что ради возвышенныхъ цѣлей иллюминатства можно было покривить душой;—или онъ былъ иллюминатомъ, самъ того не зная и, имѣя объ иллюминатахъ представленіе, какъ о какихъ-то злодѣяхъ, царубійцахъ, революціонерахъ, искренно отвергалъ всякую солидарность съ ними“. („Новик., Шварцъ и московское масонство“, стр. 15—16, примѣч.).

торыхъ они считали за людей, способныхъ на всякаго рода политическіе перевороты. Ясно, почему Лопухинъ такъ боялся общенія съ иллюминатами и предостерегалъ своихъ питомцевъ отъ знакомства съ ними. Въ концѣ письма находится упоминаніе о Радищевѣ. „О Радищевѣ ничего не знаю, не будучи знакомъ съ его знакомыми или интересующимися о немъ... Отпишу къ тебѣ, ежели узнаю, что онъ умеръ или живъ“.

Въ октябрѣ 1790 г. Лопухинъ былъ немного боленъ. Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ въ письмѣ своемъ отъ 1-го ноября замѣчаетъ: „помни, сердечный другъ, что жизнь твоя многимъ надобна и что она есть сокровище, не тебѣ одному принадлежащее“. Поблагодаривъ Лопухина „за пріятное увѣдомленіе объ облегченіи участи несчастнаго друга“, Кутузовъ говоритъ: „Мнѣ кажется, что мой другъ неудобенъ имѣть злыхъ намѣреній; но несчастіе его находится въ заблужденіи... Не удивительно мнѣ, что несчастнаго моего друга называютъ мартинистомъ, ибо сіе имя даютъ каждому безъ всякаго разбора; да и какъ сему быть иначе, когда ни о чемъ не размышляютъ, даже и самое слово мартинистъ есть по сіе время загадка, которую они не рѣшили“. Вотъ любопытное указаніе на то, сколь загадочнымъ, въ самомъ дѣлѣ, представлялось современникамъ не только ученіе мартинистовъ, но даже самое слово „мартинистъ“. Въ глазахъ нашихъ предковъ и Радищевъ и Лопухинъ были одинаково мартинистами.

6-го ноября 1790 г. Колокольниковъ и Невзоровъ отправили изъ Лейдена письмо своему благодѣтелю. Это письмо показываетъ, что Лопухинскіе питомцы, далекіе отъ политическихъ козней, старательно избѣгали злополучной Франціи. „Завтра (писали они) отправляемся мы въ путь, по совѣту Вашему, въ Швейцарію, гдѣ остановимся или въ Бернѣ или въ Лаузанѣ, потому что въ обоихъ сихъ мѣстахъ имѣются академіи. Чтобы миновать Франціи, то мы поѣдемъ черезъ нѣкоторые города нѣмецкіе, а именно: Клевъ, Кельнъ и Майнцъ; такимъ образомъ мы не только минуемъ Франціи, но и Брабанта, гдѣ больше еще мятежа, нежели во Франціи“. Отказавшись, по пріѣздѣ въ Страсбургъ, отъ мысли посѣтить Швейцарію („академіи не стоятъ того, чтобы ѣхать для нихъ издалека“), наши студенты задумали было, для усовершенствованія въ медицинѣ, химіи и естественныхъ наукахъ, отправиться въ Парижъ, но наканунѣ отъѣзда напалъ на нихъ обоихъ „духъ безпокойства“, такъ что

они „ни обѣдать, ни ужинать не могли“, и поѣздка въ Парижъ не состоялась. (Письмо изъ Страсбурга отъ 20-го Ноября 1790 г.).

Еще два слова о перепискѣ Лопухина съ Кутузовымъ. Въ письмѣ отъ 28-го ноября Лопухинъ удивляется тому, что „господа блюстители благочинія“, съ цѣлью обвинить въ чемъ-либо членовъ типографической компаніи, занимаются „развѣдываніями, подсматриваніями и подыскиваніями“ и въ то же время спокойно относятся къ возмутительнымъ поступкамъ одного его „отмѣнно развратнаго“ родственника Ивана Петровича Лопухина; при этомъ авторъ письма приписываетъ своему родственнику такія „щегольскія дѣла въ плутовствѣ, разныхъ неистовствахъ, тиранствѣ“, что волосы становятся дыбомъ, и за человѣка дѣлается страшно. „Рубилъ онъ—говорится въ письмѣ о родственникѣ Лопухина—людей своихъ, питалъ ихъ своимъ каломъ и уриною и самъ тѣмъ питался“¹⁾. Много мы читали о звѣрствахъ помѣщиковъ, но о такой мерзости, о полной извращенности человѣческой природы не читывали и не слыхивали... Когда по справкѣ все доносимое на помѣщика оказалось справедливымъ, назвали его безумнымъ и опредѣлили отдать подъ опеку, но помѣщикъ продолжалъ разгульную жизнь: „съ нимъ многіе разныхъ сортовъ люди пьютъ, гуляютъ и карманы набиваютъ“.

Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1791 г. Лопухинъ отвѣчаетъ на запросъ Кутузова (отъ 3-го декабря 1790 г.) о Карамзинѣ по поводу его „скоропостижнаго авторства“ (имѣется въ виду изданіе „Московского журнала“) и охлажденія къ масонамъ. „Карамзину хочется непременно—пишетъ Лопухинъ—сдѣлаться писателемъ, такъ, какъ князю Прозоровскому истреблять мартинистовъ; но думаю, оба равный будутъ имѣть успѣхъ; обоимъ, чаю, тужить о неудачѣ“. Ни то, ни другое чаяніе Лопухина не сбылось: кн. Прозоровскому удалось справиться съ мартинистами, а Карамзину суждено было начать собою новый періодъ русской литературы. Впрочемъ, Лопухинъ въ скоромъ времени измѣнилъ свое мнѣніе объ авторствѣ Карамзина, и въ 1794 г. въ одномъ изъ своихъ трудовъ восторженно, какъ мы видѣли, отзываясь о новомъ слогѣ „любезнаго путешественника“. Въ томъ же письмѣ Лопухина находится сообщеніе о Радищевѣ и сужденіе объ его поступкѣ. „О несчастномъ твоёмъ Радищевѣ ничего я

¹⁾ „Русская Старина“ 1896 г. LXXXVIII, стр. 327.

не слыхалъ послѣ того, какъ одинъ прїѣхавшій изъ Сибири сказывалъ мнѣ, что онъ, проѣзжая, встрѣтилъ его по ту сторону Перми... Весьма справедливо твое, мой другъ, мнѣніе, и я съ нимъ согласенъ, что ежели подданный и сынъ отечества почитаетъ за долгъ представить о чемъ-нибудь истину своему государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи, и какъ я увѣренъ, приметъ сіе всегда Екатерина, а не разсѣяніемъ книги, могущей возмутить покой общественный“.

Обратимся къ перепискѣ Лопухина со Сперанскимъ. Еще въ бытность свою статсъ-секретаремъ при императорѣ Павлѣ Лопухинъ нерѣдко тогда встрѣчалъ Сперанскаго, молодого генералъ-прокурорскаго чиновника, который „особенно ему полюбился“, и которому онъ оказывалъ покровительство ¹⁾.

Дошедшая до насъ переписка позднѣйшаго времени, а именно 1804, 1805 и 1806 годовъ, свидѣлствуетъ, что Сперанскій былъ коротко знакомъ съ Лопухинимъ, читалъ, по его указанію, масонскія книги, вообще обнаруживалъ большую склонность къ мистицизму. „Нравственная и религіозная философія самого Сперанскаго—говоритъ А. Н. Пыпинъ—издавна отличалась большою долей мистицизма, такъ что ему могли быть близки масонскія фантазіи не только такого человѣка, какъ Фесслеръ ²⁾, но даже и такого, какъ Лопухинъ“. („Общественное движеніе при Александрѣ I“, стр. 309).

Большая часть писемъ Лопухина къ Сперанскому („Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 609 и слѣд.) отправлена изъ Москвы, одно (пятое) изъ Симферополя и одно, послѣднее (безъ обозначенія года и мѣсяца), вѣроятно, городское, изъ Петербурга, какъ заставляютъ предполагать нѣкоторыя данныя письма. „Я было—пишетъ въ этомъ письмѣ Лопухинъ—и сегодня собрался къ вамъ на островъ, да принужденъ былъ принять лѣкарство. Я очень нездоровъ весь. Особливо флюсы меня мучать“.

¹⁾ Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Т. I стр. 79.

²⁾ Фесслеръ (1756—1839 г.), реформаторъ масонскаго ордена, отвергавшій такъ наз. „вышія степени“, какъ чуждыя настоящему масонству, былъ вызванъ въ январѣ 1810 г. въ Россію Сперанскимъ и занималъ нѣкоторое время катедру еврейскаго яз., а потомъ философіи въ С.-Петербургской духовной академіи. Обвиненный въ недозволительномъ вольнодумствѣ, онъ долженъ былъ выйти изъ академіи и, наконецъ, удалился въ Саратовъ, гдѣ былъ лютеранскимъ суперъ-интендентомъ.

Посмотримъ, сколь ревностно нашъ масонъ знакомить Сперанскаго съ мистическими твореніями и авторитетами своей школы.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 24-го октября 1804 г. Лопухинъ писалъ: „Kempis, Фенелонъ, Таулеръ всегда должны составлять наилучшее и самое питательное чтеніе для ищущихъ истины и прямого дѣла... Завтра по тяжелой почтѣ отправляю къ вамъ всѣ сочиненія М-me Guion, кромѣ 3-хъ томовъ, которыхъ недостаетъ“. Другое письмо отъ 11-го ноября 1804 г. (изъ Москвы же) начинается такъ: „Сердечно обнимая васъ, любящаго и почтеннаго моего друга, спѣшу послать къ вамъ обѣщанную мною книгу. Она сокровище, единственная въ томъ родѣ, въ какомъ вы желали“. Какую книгу послалъ Лопухинъ—мы не знаемъ. Въ письмѣ отъ 24-го ноября Лопухинъ упоминаетъ о присылкѣ Сперанскому какой-то „предрагоцѣнной“ книги, „изъ самаго высокаго степени просвѣщенія писанной“. Изъ того же письма мы узнаемъ, что Лопухинъ послалъ своему другу: 1) 4 экземпляра *Quelques traits de l'église etc.*, т. е. 4 экз. своего сочиненія „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“ и 2) „Духовный путеводитель, которой подлинно указатель доброй“. (Полное заглавіе этого весьма рѣдкаго и важнаго, въ глазахъ мартинистовъ сочиненія слѣдующее: „Духовный путеводитель, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей“. Соп. ч. 2 № 3506, пер. съ нѣм.). Въ письмѣ изъ Симферополя отъ 30-го марта 1805 г. Иванъ Владиміровичъ жалуется на лихорадку и сообщаетъ о своемъ намѣреніи вернуться въ Москву. „Такой дальнею и безвременною отлучкою моею—пишетъ онъ—совершенно разоряется мое состояніе... а я бы не изъ сребролюбія, котораго, извѣстно, что я чуждъ и въ добродѣтель мою не ставлю (у меня безсребреничество природное, темпераментальное), но по прямой надобности желалъ бы я, чтобъ мнѣ оставили столовыя и хотя бы половину нынѣ получаемыхъ“. Слова эти показываютъ, какъ запутаны были въ то время денежныя дѣла Лопухина. Въ концѣ письма Лопухинъ выражаетъ свою радость по поводу того обстоятельства, что Сперанскому нравятся сочиненія М. С. (т. е. мистическія сочиненія г-жи Гюйонъ). „Они подлинно сокровище духовное. Читайте, пожалуйста, ея письма. Чтеніе ихъ особливо интересно и полезно“. Лопухинъ совѣтуетъ своему „другу“ выбрать что-либо изъ со-

чиненій М. С. для перевода. „Я бы ожидалъ отъ этого chef d'œuvre въ переводѣ“, прибавляетъ онъ. Въ шестомъ письмѣ (Москва, 13-го октября 1805 г.). Лопухинъ писалъ: „Спѣшу послать къ вамъ книги: „Le chemin pour aller à Christ“ ¹⁾ и „La présence de Dieu“. Извѣстно ли вамъ, что послѣдняя есть сочиненіе того же Дютуа, который писалъ „La philosophie Divine“; она въ своемъ родѣ изъ драгоцѣннѣйшихъ“.

Съ тѣмъ же письмомъ были посланы Сперанскому: „Les fruits de la Grâce“ (соч. Лопухина и кн. Репнина), „Idées diverses“ etc. (соч. кн. Репнина) и „Révélations etc. переводъ съ русскаго манускрипта нѣкотораго Краевича“. Большой интересъ заключается также въ седьмомъ письмѣ (Москва, 2-го ноября 1805 г.), въ которомъ Лопухинъ выражаетъ свой восторгъ по поводу „прилежныхъ занятій“ Сперанскаго. „Кромѣ частной пользы— заключаетъ онъ—я увѣренъ, что вы будете важнымъ орудіемъ для общаго въ кругѣ истины, по употребленію на свѣтъ ея рѣдкихъ вашихъ свойствъ. Р. С. Скоро выйдутъ сочиненія нѣкотораго Штиллинга; то-то сокровище“. Мы видимъ, какія огромныя надежды возлагалъ Лопухинъ на Сперанскаго, думая сдѣлать изъ своего „почтеннаго друга“ ревностнаго масона. Письмомъ изъ Москвы отъ 19-го іюня 1806 г. Лопухинъ увѣдомляетъ Сперанскаго о высылкѣ ему 3-хъ экземпляровъ „презизящной“ книги „Пастырскаго Посланія“, т. е. „Пастырскаго посланія къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ каменщикамъ древней системы“. Въ томъ же письмѣ мы находимъ отзывъ Лопухина о „Сіонскомъ Вѣстникѣ“, журналѣ, издаваемомъ извѣстнымъ масономъ младшаго поколѣнія Лабзинымъ. „Вѣдь очень хорошій журналъ!“—воскликаетъ Лопухинъ: „желательно, чтобы ходъ его не остановился. Издателю спасибо!“ Приведемъ изъ этого письма еще нѣсколько строкъ, рисующихъ затруднительное финансовое положеніе Лопухина. „Я довольно здоровъ теперь,—пишетъ онъ,—только засученъ домашними обстоятельствами. Хлопочу о продажѣ деревень. Хочется расплатиться и успокоить себя подъ старость, приближающуюся немедленными шагами. А между тѣмъ инымъ хочется меня потѣснить, чтобъ

¹⁾ Сочин. извѣстнаго мистика Якова Бема (ум. въ 1625 г.). Бемъ былъ главнымъ представителемъ мистическаго ученія и написалъ множество мистическихъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ странную смѣсь богословія, метафизики, алхиміи и астрологіи.

воспользоваться“... Къ послѣднему письму (безъ даты) Лопухинъ, по просьбѣ Сперанскаго, приложилъ реестръ „нѣкоторымъ писателямъ, самымъ кореннымъ, которыхъ записаль на память“. Въ реестрѣ, кромѣ писателей, весьма любимыхъ нашими мистиками, какъ-то: Оомы Кемпійскаго, Масона, Арндта, Я. Бема, Пордеча, С. Мартена, Штиллинга, упомянуты еще слѣдующіе: Taulerus (Tauler), Rusbrochius, Molinos, St.-Jean de la Croix, Cathérine de Gênes; M-me Guion, Poiret, Fénélon, Arnold и Du Toit.

Въ томъ же „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г. напечатано письмо М. М. Сперанскаго къ Лопухину. „Если люди—писаль Сперанскій—въ понятіяхъ вѣчной истины и любви не будутъ говорить другъ другу правды, то я не знаю, въ чемъ же состоятъ будетъ святость ихъ союзовъ и польза ихъ сношеній? Споры ваши съ Тургеневыми и вообще долговья дѣла ваши извѣстны мнѣ были прежде, нежели вы о нихъ ко мнѣ написали: по привязанности моей къ вамъ, и даже по нѣкоторой ревности къ вашему имени, я долженъ былъ имѣть о нихъ познаніе. Быть богатымъ и употреблять богатство на предметы благотворенія, конечно, хорошо, но дѣлать долги и потомъ тягаться о долгахъ, какое бы ни было впрочемъ ихъ начало, сіе и въ обыкновенномъ человѣкѣ есть дѣло непохвальное; а въ васъ оно и совсѣмъ не понятно. Оно опечалило друзей вашихъ, обрадовало завистниковъ и невѣжей, возродило старья нареканія и, что всего горше, соблазнило слабыхъ. Въ чемъ состоитъ вся сія соблазнительная тяжба? Всѣ заимодавцы ваши имѣютъ право на ваше имѣніе: ибо долгъ, въ срокъ незаплаченный, есть завладѣніе чуждаго. Въ числѣ сихъ должниковъ одинъ ищетъ быть прежде другихъ удовлетвореннымъ. Какая вамъ до сего нужда? Имѣніе не вамъ принадлежить, а заимодавцамъ. Положимъ, что вы вступаетесь за нихъ. Но кто далъ вамъ право учреждать степени нужды и удовлетворенія въ имѣніи чуждомъ? Вы владѣете имъ единственно по праву сильнаго, или, лучше сказать, по слабости долговыхъ нашихъ законовъ. Такимъ образомъ, вступивъ въ чужую тяжбу, въ дѣло вашихъ заимодавцевъ, и споря о чужомъ имѣніи, вы довели дѣло до сената. Здѣсь по крайней мѣрѣ время было остановиться; но вы поступили далѣе. Высшее правительство, не какими силами человѣческими, но Богомъ и Государемъ конечно по лучшему возможному плану учрежденное и не безъ Про-

мысла существующее, рѣшило дѣло не по вашему мнѣнію. Простая гражданская скромность и умѣренность въ дѣлѣ корысти, не говоря уже о христіанскомъ смиреніи и самоотверженіи, должна была васъ заставить пожертвовать вашимъ мнѣніемъ; но вы рѣшились лучше предпочесть его всему, рѣшились назвать ихъ всѣхъ беззаконниками и сущими поборниками неправды (истинный смыслъ письма вашего къ Государю), нежели покориться...“ Въ заключеніе Сперанскій проситъ Лопухина прислать ему экземпляръ „Записокъ“, „въ знакъ прощенія за грубыя истины письма“.

Не правда ли, какое ошеломляющее дѣйствіе производитъ на васъ это краснорѣчивое письмо, особливо послѣ всѣхъ заявленій о челобѣтливости, незлобности, „темпераментальномъ безсребренничествѣ“ и тому подобныхъ высокихъ нравственныхъ качествахъ Лопухина? Хочется какъ-то даже не вѣрить Сперанскому: столь сильно запечатлѣлся въ нашей душѣ образъ честнаго и правдиваго Лопухина! Мы не намѣрены ни защищать нашего масона, ни обвинять его; мы предоставимъ ему только право голоса, право сказать что-либо въ свое оправданіе. Благосклонный читатель пусть самъ станетъ посредникомъ между обвинителемъ и обвиняемымъ. Скажемъ сначала, какъ образовались долги у Лопухина. Мы вѣдь знаемъ, что онъ былъ богатый человѣкъ и удѣлялъ большую часть своего состоянія бѣднымъ и на благотворительныя дѣла. Вотъ что рассказываетъ о благотворительности Лопухина извѣстный уже намъ Ѡ. П. Лубяновскій. „Сомнѣваюсь, было ли въ Москвѣ такое глухое захолустье, куда бы онъ по временамъ не заходилъ, и гдѣ жители не сбѣгались бы поклониться и здоровья пожелать батюшкѣ Ивану Владиміровичу. „Не даромъ ты зашелъ къ намъ, Московскій нашъ Іоаннъ Милостивый,—говорили ему—есть у насъ и круглыя сироты, и неизлѣчимо больные, и немощные старцы. Покажемъ тебѣ ихъ, не изволишь ли помочь имъ?“ Пріятно ему было желаніе жителей помощи отъ него тѣмъ, кто въ ней подлинно нуждался. Страсть по евангельской любви помогать ближнему завлекала его: лѣвая рука не знала, что дѣлала правая. Не это была главная причина долговъ и неразлучныхъ съ ними заботъ его: были другія важнѣйшія, не отъ него“ ¹⁾. Послѣ масонскаго погрома 1792 года

¹⁾ „Воспоминанія Лубяновскаго“ („Русск. Архивъ“ 1872 г., стр. 135).

всѣ пайщики Типографической Компаніи понесли огромные убытки, денежныя дѣла Лопухина приняли дурной оборотъ, и нашъ масонъ запутался въ долгахъ. „Это главная причина долговъ моихъ“, говорилъ онъ по поводу убытковъ, понесенныхъ компаніей. Проживая въ Петербургѣ по дѣламъ Крымской комиссіи, Лопухинъ подалъ Государю записку съ просьбою о покупкѣ у него деревень и о заимообразномъ пожалованіи денегъ. Въ запискѣ этой, переданной государю черезъ гр. Кочубея, были, по словамъ автора, „весьма справедливо и откровенно“ описаны всѣ причины его долговъ. „Не родился я, конечно,— писалъ, между прочимъ, Лопухинъ Государю,—охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ничѣмъ я не жертвовалъ страстямъ моимъ и слабостямъ; однако жертвы мои имъ, если имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ, и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже и въ такія, какихъ меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ... Страстно любя полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ обществу наукахъ, и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибѣтка, однако, не имѣвъ намѣренія употребить ихъ и безвозвратно. Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное несчастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ, то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получилъ за рубль“. („Записки“, стр. 119—120). „Ни слова бы не сказалъ я,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ записки,—если бы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству себѣ, чтобъ сохранить мою честь, которой дорожу въ видахъ любви къ правдѣ и человѣчеству“ („Зап.“, 121).

Государь отказалъ въ просьбѣ Лопухину на томъ основаніи, что „денегъ въ кабинетѣ не было“; зато „пожаловалъ ему хорошую аренду“. Не изъ корыстныхъ цѣлей затѣялъ Лопухинъ тяжбу съ кредиторами, а „съ прискорбною“ и вслѣдствіе „крайности“, т.-е. недостатка въ денежныхъ средствахъ, и при

томъ увѣренный въ правотѣ своего дѣла. Последнее въ достаточной мѣрѣ подтверждается слѣдующими его словами: „Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю,—говоритъ онъ про своихъ недоброжелателей,—оказали себя въ разсужденіи меня совсѣмъ не подражающими его добродѣтелямъ. Они по сіе время злуются на меня за образъ моихъ мыслей о милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ общемъ собраніи первыхъ 3-хъ департаментовъ, въ которомъ совершенно отступили отъ всякой справедливости и законовъ. Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанію, былъ причиною, наконецъ, самаго несправедливаго и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла“ („Записки“, стр. 157).

Чтобы покончить съ вопросомъ о долгахъ Лопухина, приведемъ, въ заключеніе, выдержку изъ статьи Воейкова: „Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ“.

„Ив. Влад. (разсказываетъ Воейковъ, близко знавшій его) щедрою рукою разсыпалъ золото нищимъ: богатаго наслѣдственнаго имѣнія его было бы на сіе весьма достаточно. Стеченіе случаевъ, столь же бѣдственныхъ и непредвидимыхъ, какъ пожаръ, какъ наводненіе, разстроило дѣла его. Онъ вошелъ въ большіе долги; алчное корыстолюбіе сперва непомѣрными процентами, а потомъ стѣснительными мѣрами для обезпеченія своихъ денегъ, поставило его въ совершенную невозможность удовлетворить всѣхъ его заимодавцевъ, хотя продажею деревень его легко бы можно угасить всѣ долги и взыскація. Тутъ открылось обширное поле для обвиненія добродѣтельнаго—въ зломъ умыслѣ, безкорыстнаго—въ корысти! Это отравило послѣдніе годы сего добродѣтельнаго мужа. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ лѣтомъ въ 1814 году; онъ былъ неутѣшенъ, растроганъ и со слезами показывалъ мнѣ упреками наполненныя письма богатыхъ своихъ заимодавцевъ“. („Новости литературы“ 1825 г. Май). По смерти Лопухина, какъ свидѣтельствуется Лубяновскій, все имѣніе его было продано; старинный домъ Лопухинскій обратился въ достойное употребленіе, въ церковь, а кредиторы всѣ свое получили и не бсзъ лихвы“ („Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 135).

Кромѣ переписки Лопухина съ графомъ Сперанскимъ, „незабвеннымъ гениемъ, обновителемъ русскаго канцелярскаго слога, образовавшагося по слугу Уложенія и до учрежденія министерствъ доступнаго одному поколѣнію подьячихъ“, для насъ представляютъ интересъ письма его къ тому лицу, которому принадлежатъ отмѣченныя кавычками слова ¹⁾. Это—Дм. Пав. Руничъ, управлявшій съ 1812 г. московскимъ почтамтомъ; позднѣе онъ приобрѣлъ печальную извѣстность въ должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, открывши въ университетѣ вредное ученіе (въ 1821 году), и какъ ревностный пособникъ Магницкаго, составившаго своеобразный проектъ цензурнаго устава (1823 г.).

Письма Лопухина къ Руничу („Русскій Архивъ“ 1870 г. стр. 1215—1236) важны для насъ, какъ единственный источникъ, откуда мы можемъ почерпнуть кое-какія свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни Лопухина въ селѣ Воскресенскомъ. Первое письмо, отправленное изъ подмосковнаго села Савинскаго, имѣетъ дату 8 декабря 1812 г., послѣднее, 12-е письмо, — 14 июня 1815 г. Всѣ письма, кромѣ перваго, отправлены были изъ села Воскресенскаго.

Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ, какъ Лопухинъ проводилъ время въ деревнѣ, какими жилъ интересами, какъ относился къ событіямъ въ политическомъ мірѣ, напр., къ паденію Наполеона и т. д. Такъ, въ письмѣ XI отъ 5 апрѣля 1815 г. онъ сообщаетъ: „живучи въ глубокомъ уединеніи, утѣшаюсь только упражненіями своей маленькой домашней церкви, которая продолжаетъ заниматься сочиненіями и переводами“. Въ письмахъ (отъ 7-го января 1813 г.) мы встрѣчаемъ и просьбы, обращенныя къ Руничу, какъ къ начальнику почтамта: то онъ проситъ пощадить почтоваго экспедитора, обвиненнаго въ опущеніи по службѣ, то посодѣйствовать, сколько возможно, распространенію „преполезнаго“ журнала „Другъ Юношества“. Замѣтимъ здѣсь кстати, что съ послѣднею просьбою Лопухинъ обращался также къ своимъ горячимъ приверженцамъ и послѣдователямъ, жившимъ въ Казани (С. А. Москотильникову, совѣтнику губерн. прав.); имъ же онъ поручалъ иногда дѣлать пособіе одному

¹⁾ „Русская Старина“ 1896 г. Т. LXXXVIII, стр. 301. „Изъ Записокъ Д. П. Рунича“.

(а отнюдь не нѣсколькимъ—чтобы помощь была чувствительнѣе) изъ невольныхъ путешественниковъ, проходящихъ черезъ Арское поле въ Сибирь, на житье и на работу, и на вопросъ объ имени подателя предлагать только молиться: да придетъ царствіе Божіе и да будетъ воля Его ¹⁾).

Большое наслажденіе доставляли нашему отшельнику литературные труды его племянника Александра Ковалькова, котораго онъ называетъ „чудомъ своего рода“. Въ письмѣ отъ 10-го января 1814 г. мы читаемъ: „Вашему высокородію прилагаю въ гостинецъ деревенскую нашу проповѣдь, праздничную, сочиненіе извѣстнаго моего юноши-писателя, который нынѣ сталъ и племянникъ мнѣ по женѣ моей ²⁾. Кромѣ извѣстной, напечатанной, сочиненія его, книги: „Плодъ сердца, полюбившаго истину“, онъ продолжаетъ теперь 2 сочиненія: одно въ формѣ бесѣды... другое же можно назвать Theosopho-герметическимъ. Его же до днесь написано 1142 pag. in folio. И въ немъ, ежели Богъ поможетъ юношѣ, кажется, опишется и α и ω“.

Самъ Иванъ Владиміровичъ, живя въ деревнѣ, тоже не прекращалъ своихъ литературныхъ занятій, попрежнему сотрудничая въ журналѣ „Другъ Юношества“. „Сердечно дружески обнимаемая Васъ, любезный другъ Дм. Павл.,—читаемъ мы въ письмѣ Х—спѣшу подарить своего рукодѣля новопечатанной, и впервые въ Орлѣ, книжкою“. Вѣроятно, говорится о книжкѣ: „*Нѣчто для размышленія о молитвѣ и сущности христіанства*“. Орель, губ. тип. 1814 г. 160 44 стр. Сочиненіе это было напечатано также въ „Другѣ Юношества“ 1814 г. ноябрь. Въ мартовской книжкѣ журнала за 1813 годъ напечатано оригинальное произведеніе Лопухина „*Примѣры истиннаго геройства или кн. Репнина и Фенелонъ въ своихъ собственныхъ чертахъ*“, а въ іюньской и іюльской книжкахъ того же года помѣщенъ Лопухинскій переводъ сочиненія кн. Репнина „*Разныя разсужденія для себя*“. Немного ранѣе, въ ноябрьской книгѣ „Друга Юношества“ за 1812 г., появилась статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ: „*Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ*“, несомнѣнно принадлежащая Лопухину. Изъ всѣхъ этихъ статей наибольшій интересъ представляетъ

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I, стр. 224, 511.

²⁾ На старости лѣтъ Лопухинъ сочетался бракомъ съ женщиною изъ простаго званія, Матреной Ефимовной Никитиной.

вторая, гдѣ авторъ разсматриваетъ подвиги христіанскаго милосердія и благотворительности, свершонные кн. Репнинымъ и Фенелономъ; вся статья вообще проникнута чувствомъ уваженія къ памяти этихъ лицъ, а жизнеописаніе Репнина представляетъ собою панегирикъ добродѣтелямъ умершаго вельможи, вылившейся изъ чистаго сердца преданнаго и вѣрнаго друга.

Изъ писемъ же къ Руничу мы узнаемъ, какъ отнесся Лопухинъ къ извѣстію о паденіи Наполеона. Мы увидимъ, что во взглядѣ своемъ на знаменитаго человѣка онъ былъ солидаренъ съ мнѣніемъ большинства русскихъ людей. Наполеонъ I, достигнувъ апогея своей славы, вызывалъ огромное удивленіе среди современниковъ, благоговѣвшихъ передъ его геніемъ. Но лишь только счастье измѣнило своему любимцу, какъ на него со всѣхъ сторонъ посыпались озлобленные и негодующіе крики, и вмѣсто прежняго благоговѣнія явилась слѣпая ненависть къ поверженному кумиру. Лопухинъ, отрицавшій, по своимъ масонскимъ воззрѣніямъ, кровопролитіе, не могъ, конечно, сочувственно относиться къ военнымъ подвигамъ Наполеона, и вполне понятна радость его, вызванная извѣстіемъ о паденіи до сихъ поръ грознаго врага. „Какая радость! Слава Богу! (воскликаетъ онъ въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1814 г.). И какіе контрасты! *La gloriole de Sire Napoléon est morte à Paris et s'enterre ces jours-ci, dans mon selo Woskresensky, Ретяжи тожъ.* Здѣсь у насъ на берегу пруда по сторонамъ дерева кладутся по два большихъ камня дикихъ. Одинъ на мѣстѣ отдыху, въ видѣ кресель, съ надписью: *19 Марта 1814 г. взяты Парижъ.* А другой совсѣмъ необдѣланный, и какъ бы на могилѣ положенъ, съ надписью: *и память вражія погибе съ шумомъ.* Дорожка отъ нихъ ведетъ къ довольно огромному для деревни, изъ нѣсколькихъ большихъ гранитныхъ же камней, стоящему монументу съ надписью: „*Благочестію Александра I и славу доблестей Русскихъ въ 1812 году.*“ Въ письмѣ отъ 10-го мая 1814 года описываются и самыя похороны Бонапартовой славы. „Когда я, вставши съ каменныхъ кресель (говоритъ Лопухинъ), подошелъ къ могилѣ Славы Наполеоновой, и на лежащій на ней камень, съ вырѣзанною же надписью: „и память вражія погибе съ шумомъ“, бросилъ песку при словахъ: „слава твоя прахъ и въ прахъ возвращается“, то по ракетному сигналу сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ моранами громче пушекъ“. Крестьянамъ на память торжества о побѣдѣ и одолѣніи врага

были розданы, по словамъ Лопухина, 500 крестиковъ хорошей работы для обыкновеннаго ношенія. Въ концѣ того же письма приложена копія билета, которымъ хозяева приглашали сосѣдей „порадоваться на могилу“. Вотъ этотъ билетъ: „Сегодня Маія 9-го въ селѣ Воскресенскомъ, Ретяжи тожь, по силѣ помочи деревенской, погребается во прахъ свой слава Бонапартова. Хозяева просятъ сдѣлать имъ и себѣ честь и удовольствіе порадоваться на могилу. Погребеніе будетъ по полуночи въ 12-мъ часу, на берегу пруда, за плотиною возлѣ сидѣнья, еже съ надписью о плѣненіи Парижа“.

Непріятно, конечно, звучатъ слова „порадоваться на могилу“, особенно въ устахъ масона, проповѣдывавшаго любовь къ врагамъ, но столь сильна была въ русскомъ обществѣ ненависть къ побѣжденному, что Лопухинъ не могъ устоять противъ общаго теченія и, забывъ о прощеніи враговъ, присоединился къ числу ликующихъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ интересномъ документѣ, показывающемъ, сколь отвратительно въ глазахъ Лопухина являлась жестокая, „адская“, по его выраженію, политика Наполеона. Въ письмѣ (1813 г.) къ Невзорову Лопухинъ проситъ своего питомца напечатать сочиненіе послѣдняго „Наполеонова политика или царство гибели народной“, а въ началѣ книжки „выгравировать фронтиспись, или виньетъ, представляющій обнаженнаго человѣка, у котораго изо всѣхъ жилъ пущена кровь, съ надписью: „Плоды Наполеоновой Политики“. Просьба Лопухина была исполнена, и любопытная виньетка присоединена къ вышеназванному сочиненію Невзорова, напечатанному въ 1813 году въ Москвѣ, въ Университетской типографіи.

Прошло два года, съ небольшимъ, послѣ похоронъ въ Ретяжахъ Бонапартовой славы—и тамъ уже служили панихиду по владѣльцѣ помѣстья. И. В. Лопухинъ скончался въ Ретяжахъ, 22-го іюня 1816 г., послѣ кратковременной болѣзни ¹⁾.

¹⁾ „Словарь достопамятныхъ людей“ Бантыша-Каменскаго. Галаховъ (Ист. Хрест.) и Порфирьевъ (Ист. русск. слов.) мѣстомъ смерти Л-на ошибочно называютъ село Савинское. Воейковъ въ „Нов. Лит.“ 1825 г. № 5, стр. 75, говоритъ: „Лопухинъ скончался въ 1816 г. въ Орловской деревнѣ“. Село Воскресенское или Ретяжи, Кромск. уѣзда, Орловской губерніи, было мѣстомъ рожденія, смерти и погребенія Лопухина. Свѣдѣніе объ этомъ находится въ надписи на портретѣ Лопухина, хранящемся въ Моск. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ („Русск. Архивъ“ 1884 г. Кн. I, стр. 3).

VIII.

Отзывы современниковъ о Лопухинѣ.—„Записка о мартинистахъ“, составленная гр. Ф. В. Растопчинымъ.—„Изъ старой записной книжки“ кн. П. А. Вяземскаго.—Письмо Невзорова къ Поздѣву.—„Воспоминанія“ Ф. П. Лубяновскаго.—„Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ“ А. Ф. Воейкова.—Отзывъ В. А. Жуковскаго.—Письмо къ Лопухину отъ Г. В.—Отзывъ императора Александра I.

Для полноты нашего очерка мы должны познакомить читателя съ отзывами современниковъ о Лопухинѣ. Большинство отзывовъ оказывается благопріятнымъ для личности нашего мазона; только Д. Б. Мертваго, о которомъ мы уже говорили, гр. Растопчинъ и кн. П. А. Вяземскій, особливо второй, расходятся съ мнѣніемъ доброжелателей Лопухина. Хотя на гр. Растопчина и нельзя полагаться вполне, какъ на достовѣрнаго свидѣтеля, но, изъ желанія быть безпристрастными, мы не въ правѣ обойти молчаніемъ его мнѣніе, будь оно даже внушено излишнею ненавистью къ мартинистамъ и къ Лопухину въ особенности. Въ „Запискѣ о мартинистахъ, представленной въ 1811 году великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ“, гр. Растопчинъ, изложивъ свой взглядъ на дѣятельность московскихъ филантроповъ, задался цѣлью охарактеризовать нѣкоторыхъ изъ нихъ, и вотъ какое мнѣніе высказалъ онъ объ Ив. Вл. Лопухинѣ: „Лопухинъ человекъ *самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ* ¹⁾, имѣющій 60.000 руб. дохода и разоряющій цѣлыя семейства, которымъ не платилъ, занимая у нихъ деньги; кропатель мистическихъ книгъ, подающій одною

¹⁾ Не смѣшалъ ли графъ въ своей характеристикѣ двухъ Ивановъ Лопухиныхъ, и нѣкоторыя черты, присущія одному (Ивану Петровичу): „самый безнравственный“, „преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ“ (см. выше письмо Л-на къ Кутузову отъ 28-го ноября 1790 г.), перенесъ на другого, его родственника (Ивана Владиміровича)?!

рукою милостыню бѣдняку и отгоняющій другою своихъ зло-
счастныхъ заимодавцевъ“ („Русскій Архивъ“ 1875 г. Кн. III,
стр. 77—78). Въ той же „Запискѣ“ гр. Растопчина находимъ
слѣдующее свѣдѣніе: „Новиковъ былъ перевезенъ въ Петер-
бургъ¹⁾. Сначала его посадили въ крѣпость; но кн. Прозоров-
скій, по извѣтамъ нѣкоторыхъ отступниковъ отъ общества,
донесъ, что за бывшимъ у него ужиномъ 30 человѣкъ бросали
жребій, кому изъ нихъ зарыть императрицу Екатерину, и что
жребій палъ на Лопухина“.

Мы полагаемъ, что достаточно вспомнить отношеніе Лопухина
къ самодержавной власти, чтобы отвергнуть всякую возможность
подобнаго случая изъ его жизни.

Кн. П. А. Вяземскій въ своихъ наброскахъ, подъ заглавіемъ:
„Изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 году“, приво-
дитъ Лопухина въ примѣръ того, „что каждая медаль имѣетъ
свою обратную сторону, каждая лицевая свою изнанку“. „Лопу-
хинъ Ив. Вл., мартинистъ, пріятель и сподвижникъ Новикова,—
говоритъ онъ—былъ (также) въ свое время передовымъ чело-
вѣкомъ. Чувство благочестія и челоуѣколюбія было ему сродно.
Онъ былъ милостивъ и щедролубивъ до крайности... (именно
до крайности). Одною рукою раздавалъ онъ милостыню, другою
занималъ деньги направо и налѣво, и не платилъ долговъ своихъ.
Облегчая участь иныхъ, онъ разорялъ другихъ. Онъ не шадилъ
и пріятелей своихъ и товарищей по мартинизму: вдова Турге-
нева, мать извѣстныхъ Тургеневыхъ, долго не могла выручить
довольно значительную сумму, которую Лопухинъ занялъ у мужа
ея. Нелединскій, товарищъ его по Сенату, такъ объяснялъ нрав-
ственное противорѣчіе, которое оказывалось въ характерѣ его.
По мистическому настроенію своему, Лопухинъ воображалъ себѣ,
что онъ свыше посланъ на землю для уравниванія обще-
ственныхъ положеній: онъ бралъ у одного и давалъ другому“²⁾.

¹⁾ Это показаніе гр. Растопчина опровергается слѣдующею выпискою
изъ ордера кн. Жевахову. даннаго кн. Прозоровскимъ. „Вчера объявилъ я
вамъ данный мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества указъ, чтобъ содержа-
щагося арестанта Новикова отправить въ Шлиссельбургъ крайне секретно:
дорогой бы его никто не видалъ, жизнь его сохранить и утечку. А чтобъ
никто не зналъ, куда его везутъ, то взять дорогу на Владиміръ, оттуда на
Шлиссельбургъ“. (Лѣтописи русск. литерат. и древност., изд. Тихонравовымъ,
т. V, стр. 38).

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1873 г., 2150.

Выше мы касались вопроса о долгахъ Лопухина, доставившихъ ему столько огорченія, и причинѣ ихъ. Такъ или иначе образовались долги у Лопухина, но они были, и факты, сообщаемые кн. Вяземскимъ, имѣють свою долю вѣроятія. Утѣшительнымъ здѣсь является то обстоятельство, что по смерти Лопухина всѣ кредиторы, какъ свидѣтельствуемъ Лубяновскій, „получили свое и не безъ лихвы“. Тотъ же Лубяновскій приводитъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ разсказъ одного изъ кредиторовъ Ив. Вл., разсказъ, который до нѣкоторой степени подтверждаетъ догадку, высказанную Нелединскимъ относительно причинъ „нравственнаго противорѣчія“ въ характерѣ Лопухина. „Одинъ изъ кредиторовъ Ив. Вл.—говоритъ Лубяновскій—самъ разсказывалъ мнѣ. Просилъ онъ его уплатить ему часть должной суммы на приданое дочери, замужъ выходила; обѣщано, сумма и день уплаты назначены, должникъ самъ хотѣлъ прійти съ деньгами и слержалъ слово. Кредиторъ ожидалъ его съ роскошнымъ завтракомъ, не мало и другихъ гостей со стороны жениха и невѣсты. Закусили. Лопухинъ съ привѣтнымъ спасибо ушелъ, не сказавъ ни слова о деньгахъ. Кредиторъ за нимъ; тотъ поворотилъ въ калитку ветхаго домика въ переулкѣ; кредиторъ за угломъ притаился и, выждавъ, пока тотъ вышелъ, вошелъ и спрашивалъ, былъ ли тамъ Л.? Лопухинъ ли сейчасъ отъ нея вышелъ, отвѣчала заливаясь слезами мать, окруженная шестью малолѣтними дѣтьми—она не знаетъ, а Богъ чрезъ этого господина сотворилъ чудо милосердія, даровалъ ей изъ рукъ его 4000 рублей на искупленіе ея (дѣтей этихъ отца) изъ ямы, гдѣ онъ содержится, по неосторожному ручательству“.

Нѣтъ словъ, вышеописанный поступокъ Лопухина съ своимъ кредиторомъ является довольно страннымъ. Но врядъ ли кто броситъ камнемъ въ человѣка, который, благодаря этой выходкѣ, сдѣлалъ доброе дѣло и въ то же время не принесть большого вреда богатому кредитору своему, имѣвшему средства угощать своихъ гостей роскошнымъ завтракомъ.

Что касается другихъ современниковъ Лопухина, то всѣ они относятся съ полнымъ сочувствіемъ къ нему, преисполнены благоговѣнія передъ его нравственными доблестями и называютъ его „истиннымъ христіаниномъ“, „мужемъ совѣта“, „глубокаго разума“, „незабвеннымъ согражданиномъ“ и т. д. Въ такомъ родѣ намъ извѣстны отзывы о Лопухинѣ слѣдующихъ лицъ: Невзо-

рова. Лубяновскаго, Воейкова, Жуковскаго и лица, скрывшаго свое имя подъ инициалами Г. В. Слова М. И. Невзорова о Лопухинѣ проникнуты чувствомъ горячей любви и преданности къ своему воспитателю и наставнику, но заподозрѣтъ Невзорова въ неискренности нѣтъ никакого основанія. Вѣдь, если бы Лопухинъ не былъ такимъ, какимъ выставляетъ его Невзоровъ, то что была бы за цѣль у послѣдняго благоговѣть передъ первымъ?! Значить, Лопухинъ обладалъ благородными душевными качествами и заслужилъ посредствомъ ихъ признательности и любовь своего питомца.

Какъ самъ масонъ, Невзоровъ очень высоко ставитъ масонскую дѣятельность. Ивана Владиміровича и называетъ его— „однимъ изъ первыхъ драгоценныхъ камней въ коронѣ свободнаго каменщичество“. „Когда онъ—вспоминаетъ Невзоровъ—сидѣлъ на стулѣ великаго мастера и говорилъ, тогда истинно сама воплощенная любовь, самъ духъ Христовъ и христіанское откровеніе евангельское устами его исходили“¹⁾. Начавши издавать съ 1813 года журналъ свой „Другъ Юношества“ подъ видоизмѣненнымъ заглавіемъ „Другъ юношества и всякихъ лѣтъ“, Невзоровъ нашелъ нужнымъ, изъ чувства уваженія и благодарности къ своему благодѣтелю, украсить новое изданіе его именемъ. Въ посвященіи журнала Ив. Вл. Лопухину онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „М. Г.! Дражайшій благодѣтель и отецъ! Болѣе 30 лѣтъ имѣю счастье наслаждаться отеческими вашими милостями, и въ теченіе онаго времени истинно какъ сынъ былъ согрѣваемъ огнемъ вашей любви во всѣхъ отношеніяхъ. Вы мой Іосифъ, воспитавшій меня нравственно и питавшій физически. Я долженъ признаться передъ всѣмъ свѣтомъ, что ежели во мнѣ есть какіе плоды нравственности, то они началомъ, или, можно сказать, рожденіемъ и растеніемъ своимъ обязаны вамъ. Первые ваши наставленія были свѣтлые и благодѣтельные лучи блистающей звѣзды²⁾, среди ложныхъ и суетныхъ мірскихъ мудрованій и признаковъ ударившіе на мое сердце и обратившіе его къ источнику всѣхъ свѣтовъ, солнцу правды, кото-

¹⁾ „Отрывокъ изъ посланія М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣеву“. „Библиографическія Записки“ 1858 г. № 21, стр. 646.

²⁾ Д—нь, какъ намъ извѣстно, былъ основателемъ ложи „Блισταющей Звѣзды“.

рое сіяетъ и паче возсіяетъ благодатію своею на бѣдный и всякаго рода развратами обезславленный нашъ міръ!...

Вы посвятили себя, все свое достояніе и всю жизнь отъ младыхъ лѣтъ на служеніе Богу, исполняетесь всегда Иліиною ревностью, и всегда и вездѣ, гдѣ только можете, служите ему преподобіемъ и правдою, просвѣщая сущихъ во тьмѣ и мракѣ словомъ и дѣломъ, устроая сердца отцовъ къ дѣтямъ и челоувѣковъ къ ближнимъ своимъ. Итакъ, по всѣмъ правамъ и достоинствамъ журналъ мой, при новомъ названіи его „Другомъ юношества и всякихъ лѣтъ“, почитаю для себя должностію украсить вашимъ именемъ, которое для всѣхъ почитателей истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей есть велико и будетъ навсегда славно“ 1).

Трудно повѣрить, чтобы съ такими восторженными словами обращался кто-либо къ челоувѣку, „самому безнравственному, пьяницѣ, преданному разврату и противоестественнымъ порокамъ“, какимъ, по отзыву гр. Растопчина, былъ Лопухинъ! И умеръ М. И. Невзоровъ (въ 1827 г.) съ именемъ И. П. Тургенева и Ив. Влад. Лопухина на языкѣ, какъ свидѣтельствуеъ Жуковскій 2).

Другимъ лицомъ, пользовавшимся покровительствомъ Лопухина, былъ Ѡ. П. Лубяновскій, къ которому мы неоднократно обращались за свѣдѣніями. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ даетъ самый лестный отзывъ объ Иванѣ Владиміровичѣ.

„Иванъ Владим.—говоритъ Лубяновскій—не только во все время ученія моего въ Московскомъ университетѣ, но и въ началѣ службы моей былъ мнѣ, мало скажу, другимъ отцомъ: будь я сынъ его, не былъ бы онъ и тогда мнѣ лучшимъ отцомъ. Онъ оставилъ по себѣ „Записки“, и кто не читалъ ихъ, кто не видалъ въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, мужа глубокаго разума и возвышенной въ истинномъ духѣ евангельскомъ добродѣтели?“ „Оправясь отъ болѣзни—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній“—продолжалъ я обычныя прогулки съ Ив. Вл. Побывъ съ нимъ часъ, другой, мнѣ казалось, я дѣлался умнѣе и сердцемъ лучше. Съ глубокимъ просвѣщеннымъ умомъ, съ высокою евангельскою добродѣтельно соединялъ онъ столько простоты,

1) „Другъ юношества и всякихъ лѣтъ“ 1813 г. № I.

2) Собр. соч. Жуковскаго. Письмо къ А. И. Тургеневу. Т. VI, стр. 414.

доброжелательства, пріятства въ обхожденіи, что не разстался бы съ нимъ, не пересталъ бы его слушать“¹⁾. И это говоритъ человѣкъ, который, несмотря на близкія отношенія къ Лопухину, все-таки не былъ масономъ. „Нога моя—заявляетъ онъ—никогда не была ни въ одной московской ложѣ или въ какомъ тайномъ обществѣ, хотя я слылъ у многихъ не только масономъ, но и мартинистомъ“.

Не менѣе интересную характеристику Лопухина найдемъ мы у Александра Федоровича Воейкова (1778—1839 г.), извѣстнаго журналиста и автора сатиры „Домъ сумасшедшихъ“. „Сенаторъ Ив. Влад. Лопухинъ—по словамъ Воейкова—принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, коихъ память воскрешаетъ въ душѣ сладкое и тихое чувство умиленія любви, а не удивленіе страха. Имя его произносится съ благословеніемъ, съ признательностью, съ слезами. Онъ всему на свѣтѣ предпочиталъ добродѣтель; его жизнь—безпрерывная цѣпь благотвореній“. Подведя итогъ дѣятельности Лопухина, Воейковъ приходитъ къ слѣдующему выводу. „Нашъ незабвенный согражданинъ имѣетъ тройное право на нашу признательность. Первое, какъ писатель благомыслящій. Его сочиненія исполнены духомъ Евангелія и горячею любовію къ ближнимъ. Второе, какъ судья просвѣщенный, человѣколюбивый и дѣятельный. . . (Третье) сей вѣрный подданный и усердный сынъ отечества обладалъ въ высокой степени гражданскимъ мужествомъ; онъ никогда

„Змѣей предъ трономъ не сгибался.

Стоялъ—и правду говорилъ“²⁾

(Державинъ. Ода „Вельможа“).

Но еще рельефнѣе выступить передъ нами нравственный обликъ Лопухина, когда мы узнаемъ, что знаменитый поэтъ В. А. Жуковский „въ самую тяжелую, рѣшительную пору своей жизни, когда разбита была лучшая изъ его надеждъ, *со страхомъ замѣчая въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи*, обращается за рѣшеніемъ обуревавшихъ его сомнѣній“ къ старому масону³⁾.

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1872 г., стр. 135.

²⁾ „Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ“. „Сія подмосковная деревня—говоритъ авторъ статьи—куплена родителями сенатора И. В. Л.—на за 1000 рублей, которые всѣ заплачены серебряными копѣечками. Она лежитъ по Дмитровкѣ въ 40 верстахъ отъ древней русской столицы.“ (Новости Литературы 1825 г. № 5).

³⁾ Тихонравовъ. Соч. т. III, ч. I стр. 417.

„Какъ былъ счастливъ для меня—пишетъ поэтъ въ своемъ дневникѣ въ ночь съ 25-го на 26-го февраля 1813 г.—тотъ день, въ который рѣшился говорить съ Иваномъ Владиміровичемъ Лопухинимъ, дабы узнать мнѣніе истиннаго христіанина и уважаемаго всѣми мужа“ ¹⁾. И этотъ истинный христіанинъ возвращаетъ его на путь вѣры и надежды ²⁾. Въ письмѣ къ Ал-дру И. Тургеневу, написанномъ уже послѣ смерти Лопухина, 21-го октября 1816 г., Жуковскій говоритъ: „Что ты сдѣлалъ для Ковалькова, того молодого человѣка, о которомъ писалъ Иванъ Владиміровичъ къ князю? И сдѣлалъ ли что-нибудь? Братъ! Это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля; надо исполнить во всей силѣ его“ ³⁾. Авторъ книги „О внутренней церкви“,—говоритъ Тихонравовъ,—встрѣчаетъ пансіонера Жуковскаго въ семьѣ старика Тургенева, для дѣтей котораго онъ былъ такимъ же добрымъ благодѣтелемъ, какимъ и для Жуковскаго, направляя ихъ къ созиданію своего внутренняго храма.. Очень рано стали Жуковскій и Александръ Воейковъ посѣщать Лопухина въ его подмосковной — Савинскомъ ⁴⁾. Могуущественно и глубоко было вліяніе Лопухина и Тургенева на этого юношу, только-что начинавшаго развиваться и уже обращеннаго мыслію къ иному міру, къ царству истины ⁵⁾. Подъ вліяніемъ Тургеневскаго кружка, въ которомъ видное мѣсто занималъ Лопухинъ ⁶⁾, „залегли въ глубину души Жуковскаго тѣ нравственныя начала, тѣ живыя дѣятельныя религіозныя вѣрованія, которыя такъ осязательно выражаются въ первомъ періодѣ, поэтической дѣятельности Жуковскаго и вырываются съ новою силою, въ послѣдніе годы его жизни, въ мелкихъ статьяxъ теологическаго характера“ ⁷⁾.

¹⁾ Зейдлицъ. Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 57.

²⁾ Тихонравовъ. Т. III, ч. 1-я.

³⁾ Соч. Жуковскаго. Т. VI, стр. 401.

⁴⁾ Въ саду села Савинскаго было озеро; на серединѣ его Юнговъ островъ съ памятникомъ Фенелону. Описание Юнгова острова и памятника сдѣлано Жуковскимъ („В. Евр.“ 1809 г. № 4).

⁵⁾ Тихонравовъ. Т. III, ч. 2-я, стр. 154.

⁶⁾ Въ кружокъ этотъ Л—нъ ввелъ также „казанскаго негосіянта и литератора“ Каменева, автора баллады „Громваль“ (1802 г.), значеніе которой указано впервые Пушкинымъ. У нихъ (Л—на и К—ва) былъ общій другъ въ Казани С. А. Москотильниковъ.

⁷⁾ Тихонравовъ, Соч. т. III, ч. 1-я, стр. 417.

Намъ остается еще указать на одно мнѣніе о Лопухинѣ, высказанное неизвѣстнымъ лицомъ Г. В. Въ январской книжкѣ „Друга Юношества“ за 1810 годъ напечатано „Письмо отъ Г. В. къ И. В. Л., который прислалъ къ нему манускриптъ своихъ Записокъ“. Вскорѣ послѣ написанія „Записокъ“¹⁾, Лопухинъ началъ раздавать рукописныя ихъ книжки своимъ знакомымъ. Сперанскій, какъ мы видѣли, просилъ Лопухина прислать ему экземпляръ „Записокъ“. Жуковскій получилъ „Записки“ съ письмомъ къ нему Лопухина, изъ Москвы, отъ 15 іюня 1809 г. („Русскій Архивъ“, 1884 г. кн. I, стр. 151). Нѣкто Г. В. также получилъ „Записки“ Лопухина и, по прочтеніи ихъ, написалъ Ив. Вл. хвалебное письмо. „Изъ послѣднихъ страницъ замѣтно,— пишетъ, между прочимъ, неизвѣстный авторъ—какъ будто В. П. утомились долговременнымъ сраженіемъ со страстями и пороками человѣковъ и какъ будто желаете сойти съ поля брани; неужели вы хотите привести въ отчаяніе всѣхъ беззащитныхъ, которые въ васъ только видѣли свою защиту, всѣхъ, ищущихъ правосудія, которые въ васъ видѣли оплотъ законовъ; всѣхъ ищущихъ совѣта, которые въ васъ видѣли мужа совѣта? Нѣтъ! Я заблуждаюсь: для васъ жить и дѣйствовать на пользу отечества и человѣчества есть одно и то же. Вы будете подавать намъ собою примѣръ терпѣнія, твердости духа, величія такъ же, какъ и прежде...“ Вспомнимъ заступничество Лопухина за духовборцевъ, вспомнимъ его участіе къ горькой судьбѣ осужденныхъ крестьянина Стрѣльникова, старообрядцевъ Сергѣева и Максимова, вспомнимъ, наконецъ, его судейскую дѣятельность—и въ словахъ неизвѣстнаго автора мы не найдемъ преувеличенія.

Но не у всѣхъ современниковъ вызвали „Записки“ такое чувство, какъ у Г. В. Нашлись (правда, немногіе), которые называли Лопухина „самолубцемъ“, какова де другога не сыщешь“. „Возопили—говоритъ Лопухинъ—или, прямѣе сказать, лихо зашептали противъ нихъ („Записокъ“)... какъ бы я тяжкое уголовное преступленіе учинилъ, что „Записки“ свои писалъ...“ Не сѣтуя на своихъ хулителей, Иванъ Владиміровичъ замѣчаетъ: „За Записки безъ придирки можно охотнику побранить только

¹⁾ „Записки“ Лопухинъ не самъ писалъ, а диктовалъ, на что онъ указываетъ въ одномъ изъ примѣч. къ „Запискамъ“, а также въ ст. „Нѣсть прокъ въ отечествіи своемъ“.

того, у кого въ нихъ ложь, а въ моихъ, право, ея ни крошечки“¹⁾.

Въ заключеніе приведемъ одинъ отзывъ о Лопухинѣ, правда, краткій, но имѣющій для насъ большую цѣнность, какъ отзывъ лица, занимавшаго исключительное положеніе. Лицо это—императоръ Александръ I. Лубяновскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ рассказываетъ слѣдующее. „Въ это время (1809 г.) я имѣлъ неожиданную радость: въ Москвѣ тогда пожалована благодѣтельному сенатору Лопухину Александровская лента. „Она давно его“, сказалъ Императоръ, подписывая грамоту. Затѣмъ изволилъ спросить меня, зналъ ли я Лопухина, и когда я заключилъ отвѣтъ свой объ немъ признательностью за всѣ его благодѣянія, назвавъ его другимъ отцомъ своимъ, то Его Величество не безъ удовольствія поздравилъ меня, что я не познакомился съ неблагодарностью. „Благодарность на семь свѣтѣ—говорилъ—рѣже бѣлаго ворона: меня спроси; я про то знаю“. Обращаясь затѣмъ къ Лопухину, изволилъ произнестъ слова: *„Ты много объ немъ говорилъ, а я вотъ какъ знаю его: Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и для меня не покривитъ душою“*²⁾.

Насколько императоръ Александръ I цѣнилъ и уважалъ Лопухина, видно изъ того, что онъ имѣлъ намѣреніе назначить Ивана Владиміровича на отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія.

Князь П. А. Вяземскій рассказываетъ со словъ Лубяновскаго, что намѣренію императора не суждено было осуществиться по странному случаю. „Государь велѣлъ пригласить Лопухина къ обѣду. Лопухинъ вовсе не былъ питухъ; но, необдуманно соблазнясь лакомыми винами, которыя подавали за царскимъ столомъ, онъ ничего не отказывалъ, охотно выпивалъ все предлагаемое, а иногда въ промежуткахъ подливалъ себѣ еще вино изъ бутылокъ, которыя стояли на столѣ. Къ тому же, его лицо, краснокожее и расцвѣтающее почками багрово-синими, напоминало стихи Княжнина:

Лицо

Одѣто въ красненькій сафьянный переплетъ;

Не вѣрю я тому, а кажется, онъ пьетъ.

Императоръ держался самой строгой трезвости и былъ во-

¹⁾ „Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ“. „Др. Юнош.“ 1812 года, ч. II, стран. 88.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 499.

обще склоненъ къ подозрѣнiю. Возліянiя и вліянiя недогадливаго Лопухина не могли ускользнуть отъ наблюдательнаго и пытливаго его взгляда. Ему не только казалось, но онъ убѣдился, что Лопухинъ пьетъ. „Нѣтъ (сказалъ онъ приближеннымъ своимъ, вставъ изъ-за стола). Этотъ не годится мнѣ въ министры!“ Тѣмъ министерство его и кончилось: онъ возвратился сенаторомъ въ Москву, какъ и выѣхалъ сенаторомъ ¹⁾).

Въ „Запискахъ“ Мертваго мы нашли указаніе на „склонность Лопухина къ пьянству“, въ глазахъ гр. Растопчина Лопухинъ былъ человѣкомъ „самымъ безнравственнымъ“, „пьяницей“; здѣсь, если вѣрить разсказу современника, самъ царь убѣдился въ томъ, что Лопухинъ пьетъ. Въ „Нравоучительномъ катихизисѣ“ Лопухинъ ругаетъ за умѣренное употребленіе пищи и питья, а въ соч. „О внутренней церкви“ къ членамъ антихристовой церкви причисляетъ, между прочимъ, пьяницъ и плотоугодниковъ всякаго рода. Если справедливо, что личность писателя отражается въ его произведенiяхъ, то мы должны отвергнуть показанiя всѣхъ вышеупомянутыхъ современниковъ Лопухина, какъ идущія въ разрѣзъ съ убѣжденiями человѣка, считавшаго себя членомъ „внутренней, Христовой, а не антихристовой церкви“. Безъ сомнѣнiя, Лопухинъ *выпивалъ*, да это и не запрещалось масонскими правилами, но не *пилъ*, не былъ пьяницей.

Сравнивъ отзывы о Лопухинѣ его современниковъ, какъ читателей, такъ и недоброжелателей, безпристрастный читатель самъ можетъ рѣшить, кому изъ упомянутыхъ въ этой главѣ историческихъ показателей слѣдуетъ отдать предпочтеніе при рѣшеніи вопроса о нравственныхъ качествахъ нашего масона.

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1875 г. I. стр. 102.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Ознакомившись съ масонскою и государственною дѣятельностью Ивана Владиміровича Лопухина и разсмотрѣвъ цѣлый рядъ его произведеній ¹⁾, сдѣлаемъ общій выводъ объ этой замѣчательной личности.

Лопухинъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей нашего масонства въ концѣ XVIII вѣка. Преданный всею душою масонскимъ занятіямъ, Иванъ Владиміровичъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ предпріятіяхъ своего кружка. Онъ былъ великимъ мастеромъ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ, былъ надзирателемъ русскихъ братьевъ, велъ дѣятельную переписку съ провинціальными масонами, удѣлялъ большую часть

¹⁾ Кромѣ переводныхъ, каковы суть:

1. „Торжество вѣры надъ любовію“ поэма, сочиненная Юнгомъ, перев. съ франц. языка 1-е изд. Москва 1780 г., 2-е изд. 1787 г.
2. „Рѣчь Томаса, говоренная въ Академіи Французской при вступленіи его въ оную“. Москва 1782 г.
3. „О должностяхъ супружескихъ“. 2-е изд. 1787 г.
4. „Изображеніе истиннаго христіанства съ добродушнымъ къ оному увѣщаніемъ“ М. 1800 г.
5. „Надгробная похвала Тюренню, сочиненная Флешьеромъ“. Москва. Университ. типогр. 1794 г.
6. „Томасово слово похвальное Марку Аврелію“. Москва 1801 г.
7. „Вѣра во Іисуса или кратчайшій путь къ Богу“ С.-Петербургъ 1804 г.
8. „Разговоръ двухъ друзей о политикѣ“ соч. князя Репнина, перев. съ франц. „Другъ Юнош.“. 1811 г. Январь, и
9. „Письма о томъ, сколь нужно и полезно всегда помнить о присутствіи вездѣсущаго и всевидящаго Бога“. Перев. изд. 2-е, 1813 г. Москва. Сѣвской семинаріи посвящается усердіемъ переводчика, уроженца Кромск. уѣзда. Въ своемъ предисловіи, писанномъ въ сент. 1812 г. въ Юрьевѣ-Польскомъ, переводчикъ обращается къ дражайшимъ юношамъ съ слѣд. словами: „Драж. юноши! Вамъ посвящаю сію книжку, въ которой древнимъ просторѣіемъ излагается самый краткій путь къ Верховнѣйшему блаженству“ и т. д.

своего состоянія на дѣла благотворительности, переводилъ и издавалъ масонскія книги и самъ писалъ сочиненія. Мы видѣли, что въ его сочиненіяхъ характеръ масонскаго ученія изложенъ съ достаточной полнотою и обстоятельностью, хотя у него, какъ у человѣка, не получившаго религіозно-философскаго образованія, и не было навыка къ отвлеченному мышленію.

Познаніе Творца, натуры и самого себя, самосовершенствованіе, нравственное перерожденіе, любовь къ ближнему, смиреніе и униженіе передъ Богомъ и людьми, глубокое самоотверженіе, вѣротерпимость, насилуваніе воли и молитва—вотъ главные пункты масонскаго ученія, излагаемаго Лопухинимъ. Объясняя стремленіе и цѣли масонскаго общества, характеръ его ученія, Лопухинъ въ то же время является апологетомъ своего ордена: онъ старается защитить масонство отъ нареканій и обвиненій въ томъ, что оно, какъ тайное общество, можетъ быть опаснымъ и вреднымъ для государственной власти. Таковъ Лопухинъ, какъ масонъ. Существуютъ несомнѣнные данныя, что масонство, въ извѣстныхъ случаяхъ, служило предлогомъ не только для веселыхъ пирушекъ, преслѣдованія корыстныхъ и другихъ неблаговидныхъ цѣлей, но и для прикрытія разврата. По мнѣнію гр. Раstopчина, Лопухинъ не далеко ушелъ отъ такого масонства, но знакомство съ жизнью и литературными трудами Ивана Владиміровича заставитъ всякаго непредубѣжденнаго человѣка отвѣтить на такое мнѣніе „заслуженнымъ укоромъ“.

Что касается государственной дѣятельности Лопухина, то въ ней отразились лучшія стороны нашего масонства. Добрый, честный и правдивый, съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, Лопухинъ во всѣхъ порученіяхъ, какія ему давались, постоянно руководился чувствами правды, христіанской любви и состраданія къ ближнимъ. Достаточно вспомнить его дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя Московской уголовной палаты, службу въ Сенатѣ и разборъ дѣла духоборцевъ. Поборникъ правды, Лопухинъ никогда не задумывался высказывать ее прямо въ лицо государю; благородство и смѣлость выраженій, которыми проникнуты его донесенія по поводу сформированія земскаго войска, бросаются въ глаза каждому. Лесть и притворство были чужды этой открытой душѣ, и лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли служить кратковременное возвращеніе Лопухина въ сферѣ придворной жизни въ царствованіе императора Павла. Такой чело-

вѣкъ не могъ не имѣть сильнаго, благотворнаго вліянія на окружающихъ, и яркій примѣръ этого мы видѣли на Жуковскомъ, для котораго Лопухинъ, по собственному его признанію, былъ „добрымъ благодѣтелемъ“. Лопухинъ обладалъ большою силою воли, что мы можемъ прослѣдить на главнѣйшихъ моментахъ его жизни. Не получивши въ юности систематическаго образованія, онъ старался пополнить пробѣлы его усиленнымъ чтеніемъ, и не однѣхъ только книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ собственныхъ сочиненіяхъ Лопухинъ, по словамъ одного изъ русскихъ достопамятныхъ людей, не отличался блестящими мыслями, глубиной и изяществомъ слога, но у него видно здравомысліе, большая начитанность и много благонамѣренности ¹⁾. Не оспаривая этого мнѣнія, слѣдуетъ добавить, что ясность и отчетливость мыслей во многихъ сочиненіяхъ Лопухина отличаютъ усиленную работу мышленія. Важное значеніе иностранныхъ языковъ было для него очевидно, и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, изучить ихъ. Труды его въ этомъ отношеніи увѣнчались, какъ мы знаемъ, полнымъ успѣхомъ. Неспособный по слабости здоровья къ военной службѣ, Лопухинъ задумалъ посвятить себя гражданской дѣятельности. Но для служенія на новомъ поприщѣ у отставнаго офицера недоставало должной подготовки. Энергично принялся онъ за изученіе законовъ, знакомился съ уголовными дѣлами, ходомъ судопроизводства и, пріобрѣвши такимъ образомъ необходимыя свѣдѣнія, вскорѣ выступилъ въ роли предсѣдателя Московской уголовной палаты, гдѣ обнаружилъ какъ основательное знаніе законовъ, такъ и доброе свое сердце. Его мысли о значеніи судебныхъ доказательствъ, о преступности уголовныхъ приговоровъ, составляемыхъ безъ соображенія побудительныхъ причинъ преступленія, о бесполезности суровыхъ наказаній ставятъ его одинаково высоко, какъ юриста и какъ человѣка. Отмѣтимъ еще одну, весьма симпатичную черту характера нашего масона. Теоретическое ученіе Лопухина не противорѣчило его практической дѣятельности; слово и дѣло почти всегда у него были въ строгомъ согласіи. Вообще, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одного историка литературы, что частная и общественная дѣятельность Лопухина представляетъ рѣдкій примѣръ гражданской доблести, некоко-

¹⁾ С. Д. Полторацкій. „Русская Старина“ 1892 г. Июнь.

лебимой твердости нравственныхъ правилъ и высокой, истинно-христіанской любви къ ближнему 2).

Такою свѣтлою личностью является передъ нами Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Правда, есть на его имени два пятна (но гдѣ же ихъ нѣтъ?!): тяжба его о долгахъ, встрѣтившая сильнаго обличителя въ лицѣ Сперанскаго, и взглядъ на освобожденіе крестьянъ; но и здѣсь можно отыскать смягчающія вину обстоятельства. Не изъ чувства наживы или корысти, какъ предполагалъ Сперанскій, а вслѣдствіе „крайней нужды“, „по прямой надобности“, и при томъ увѣренный въ правотѣ своихъ требованій, затѣялъ Лопухинъ тяжбу съ своими заимодавцами.

Въ оправданіе же взгляда Лопухина на крестьянъ можно сказать слѣдующее. Не сочувствуя освобожденію крестьянъ, Лопухинъ все-таки не былъ приверженцемъ крайнихъ крѣпостническихъ тенденцій, онъ считалъ только освобожденіе преждевременнымъ и вреднымъ для Россіи. Мы охотно вѣримъ, что человѣкъ, „стыдившійся (по собственному его признанію) даже выговаривать слово холопъ“, былъ вполне безпристрастенъ и искрененъ въ своемъ протестѣ противъ освобожденія крестьянъ, и что только желаніе, къ сожалѣнію, неправильно понятаго, блага своему государству побуждало его возставать противъ челоуѣколюбиваго дѣла.

Не будемъ же строго относиться къ невольнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ И. В. Лопухина, а преклонимся передъ гражданскимъ мужествомъ, стойкостью убѣжденій и благородствомъ характера одного изъ замѣчательныхъ людей, какихъ воспитало въ своей средѣ московское масонство, стремившееся, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, поднять нравственный уровень русскаго общества посредствомъ литературы и просвѣщенія.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловіе	7—8
Глава I. Дѣтство и отрочество Лопухина.—Домашнее воспитаніе.— Военная служба.—Первый литературный трудъ Лопухина.— Лопухинъ дѣлается масономъ.—Выходъ изъ военной службы.— Лопухинъ предсѣдатель московской уголовной палаты.—Пре- реканія съ гр. Брюсомъ.—Выходъ въ отставку	9—18
Глава II. Масонство.—Исторія его.—Сочиненіе Лобрейха фонъ-Плу- менека.—Основные принципы первоначальнаго масонства.— Различныя системы масонства.—Русскіе масоны.—Провин- циальный капитулъ и Директорія.—Русское розенкрейцер- ство.—Упражненія московскихъ масоновъ.—Дружеское Ученое Общество.—Типографическая Компанія.—Масонскіе журна- лы.—Лопухинъ—надзиратель русскихъ братьевъ.	19—30
Глава III. Масонская дѣятельность Лопухина.—Общественное недо- вѣріе къ масонамъ.—Шпіоны.—Сочиненія Лопухина: „Нраво- учительный катихизисъ“, „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“ и „Духовный рыцарь“	31—49
Глава IV. Недовольство императрицы Екатерины II противъ масо- новъ.—Актъ объ уничтоженіи Типографической Компаніи.— Масонскій погромъ 1792 года.—Арестъ Новикова.—Допросъ Лопухина.—Арестъ Колокольниковъ и Невзорова.—Лопухинъ подъ надзоромъ полиціи.—Занятія Лопухина.—Новые труды его: „Подражанія нѣкоторымъ пѣснямъ Давидовымъ“, „Излія- ніе сердца“ и „Вопль стариннаго судьи“	50—63
Глава V. Лопухинъ при дворѣ имп. Павла I.—Лопухинъ сенаторъ.— Споры съ сенаторами.—Сочиненія Лопухина: „Торжество пра- восудія и добродѣтели“, „Завѣщаніе друзьямъ моимъ“ и „От- рывки сочиненія стариннаго судьи“.—Ревизія Вятской губер- ніи.—„Выписка наставленій и приказаній“	64—75
Глава VI. Разборъ Лопухинымъ дѣла духоборцевъ.—Сенаторскія донесенія и рескриптъ императора Александра I.—Недобро- желатели Лопухина. „Гласъ искренности“.—Лопухинъ—пред- сѣдатель Крымской комиссіи.—„Отрывки для чтенія вѣрую-	

шимъ“.—Земское войско.—Донесенія Лопухина.—Взгляд Лопухина на крѣпостное право.—Конецъ „Записокъ“ Лопухина.—Похвальныя стихотворенія въ честь Лопухина.	76—93
Глава VII. Переписка Лопухина съ А. М. Кутузовымъ.—Характеръ этой переписки.—Письма Лопухина къ Сперанскому.—Письмо Сперанскаго.—Вопросъ о долгахъ Лопухина.—Письма Лопухина къ Д. П. Руничу.—Значеніе ихъ.—Послѣдніе литературные труды Лопухина.—Отношеніе Лопухина къ Наполеону.—Кончина Лопухина	94—109
Глава VIII. Отзывы современниковъ о Лопухинѣ.—„Записка о мартинистахъ“, составленная гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.—„Изъ старой записной книжки“ кн. П. А. Вяземскаго.—Письмо Невзорова къ Поздѣву.—„Воспоминанія“ Ѳ. П. Лубяновскаго.—„Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ“ А. Ѳ. Воейкова.—Отзывъ В. А. Жуковскаго.—Письмо къ Лопухину отъ Г. В.—Отзывъ императора Александра I.	110—119
Заключеніе	120—123

„Петербургскій Учебный Магазинъ“

(Сиб., Петерб. ст., Большой пр., д. 6)

немедленно по требованіямъ высылаютъ всё находящаяся въ продажѣ книги по каталогамъ всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ издателей и книгопродавцевъ составлять и пополнять библиотени на разныя цѣны; принимаетъ годовую подписку на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ редакцій; имѣетъ большой запасъ учебныхъ пособій; изготовляетъ къ книгамъ переплеты. Въ числѣ многихъ другихъ книгъ, въ магазинѣ имѣются нижеслѣдующія:

НОВЫЯ КНИГИ:

Матвѣевъ, М. В. Курсъ пѣнія въ начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ, а также въ церковно-приходскихъ школахъ и низшихъ классахъ средн. учебн. заведеній. Учебное руководство для учащихся, въ двухъ тетрадяхъ. Тетр. I, ц. 15 к. Тетр. II, ц. 25 к.

Рудановъ, В. Е. Гай Юлій Цезарь. Записка о Гальской войнѣ, въ 7 книгахъ. Переводы — близкій къ подлиннику и литературный съ примѣчаніями (брошюры печатаются).

Суровцевъ, А. Г. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ; его масонская и государственная дѣятельность. Биографическій очеркъ. 1900 г. Цѣна 80 коп.

Амичисъ-Де. Апеннины и Анды. Разсказъ для дѣтей. 2-е изд. Ц. 20 к.

Аріостъ. Неистовый Роландъ. Ц. 4 р.

Барсовъ. Сборникъ статей по истолковательному и назидательному чтенію дѣяній св. Апост. и Апокалипсиса. Ц. 3 р.

Бѣляевская, О. А. Изъ жизни маленькихъ людей. Два разсказа учительницы. Ц. въ папкѣ 10 к.

Волотовскій, А. С. Садовникъ. Общедоступное руководство для желающихъ заняться веденіемъ плодового сада, со мн. рис. Ц. 75 к.

Вышеславцевъ, М. Анекдоты, изреченія и послов. изъ жизни древн. міра. Ц. 20 к.

Глазуновъ. Пять комическихъ пьесъ для дѣтскаго театра, съ рис. Ц. 20 к.

Глазунова и Разина. Задачи и планы для упражн. въ письмен. изложеніи мыслей. I курсъ—15 к. II курсъ—25 к.

Ихъ же. Методическія указанія къ „Задачамъ и планамъ“. Ц. 40 к.

Егоровъ. Рус. грамм. въ примѣр., для семьи, школы и самообученія: Ч. I.—Звукъ, 10 к. Ч. II.—Слово, 25 к. Ч. III.—Рѣчь, 25 к. Всѣ три части вмѣстѣ въ одной оберткѣ. Ц. 60 к.

— Среди крестьянъ. Очерки и разсказы учителя. Ц. 1 р. 25 к.

Ерминъ, Н. Родныя Звѣзды. Избранное для юношества и народа чтеніе изъ произведеній лучшихъ нашихъ писателей. Ц. въ папкѣ 1 р.

Ивановъ, К. А. Средневѣковой замокъ и его обитатели въ эпоху процвѣтанія рыцарства, съ 37 рис. Ц. 75 к.

— Средневѣковой городъ и его обитатели, съ 22 рис. Ц. 75 к.

— Средневѣковой, монастырь и его обитатели, съ 26 рис. Ц. 1 р.

— Средневѣковая деревня и ея обитатели, съ 30 рис. Ц. 75 к.

— Исторія древняго міра. Иллюстрир. учебникъ для сред. учебныхъ заведеній, съ 36 рис. 80 к.

— Исторія среднихъ вѣковъ (курсъ систематическій). 3-е изд. 80 к.

Ильинскій. Классная таблица словъ съ буквою Ъ въ корнѣ. Ц. 15 к.

Корнаковъ, В. Азбука графической грамотности, съ 410 рис. въ текстѣ. Ц. 85 к.

Его же. Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ, съ 180 черт. въ текстѣ. Ц. 70 к.

Его же. Краткій курсъ геометр. черченія и землемѣр. 490 черт. въ тек. Ц. 50 к.

Корытинъ. Обзоръ учебной литературы по ариѳметикѣ и геометріи съ объяснительною запиской о преподаваніи ариѳ. въ нач. школахъ. Ц. 1 р.

Ладыженскій В. Н. О книгахъ и сочинителяхъ. Чтеніе для школъ и народа, съ рис. Вып. I. Ц. 30 к.

Ладыженскій и Орелинъ. Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народн. школахъ. 1899 г. Ц. 75 к.

Ливановъ Н. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній, 2-е изд. 1899 г. Ц. 1 р.

Михайловскій. Самоучитель итальянскаго языка по методѣ Берлица. Ц. 1 р.

— Латинская грамматика для духов. училищъ, 5-е изд. 1900 г. Ц. 80 к.

— Латинская христоматія для духовн. училищъ, 4-е изд. 1900 г. Ц. 80 к.

Некрасовъ, Н. Азбука совмѣст. обуч. чт. и писму съ рис., 10-е изд. Ц. 5 к.

— Послѣ азбуки *первая* книга для класснаго чтенія. Ц. 15 к.

— Послѣ азбуки *вторая* книга для класснаго чтенія. Ц. 35 к.

— Послѣ азбуки *третья* книга для класснаго чтенія. Ц. 45 к.

Некрасовъ, Н. Сборникъ ариѳметическихъ правилъ, примѣровъ и задачъ. Выпускъ I, примѣры и задачи на числа первой сотни. Ц. 10 к. Вып. II, примѣры и зад. на числа любой велич. Ц. 15 к.
— Практической курсъ правописанія, вып. I—ц. 5 к., вып. II—ц. 10 к., вып. III. Ц. 15 к.

— Руководство къ „Практ. курсу правописанія“, новое изд. Ц. 60 к.
Орелкинъ, П. Ѳ. Изъ жизни пчелъ. Чтеніе для юношества и народа, со мн. рис. 2-е изд. г. Ц. 15 к.
Оржешко, Эл. Приключеніе Яся. Разсказъ для дѣтей. Ц. 15 к.
Прусъ, Б. Антекъ. Разсказъ. Ц. 15 к.

Самоучитель строительнаго искусства. Руководство для техникувъ, управляющихъ и др. М. 1899 г. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 руб.

Образцовыя сказки русскихъ писателей. Собр. для дѣтей *В. П. Авенарюса*, съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Макаръ. Разсказъ для дѣтей. *Кл. Лукашевичъ*. Ц. 50 к.

Что комната говоритъ. Разказы для дѣтей *В. П. Авенарюса* съ рис. М. Ц. 50 к.
Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ. *В. П. Авенарюса*. М. 98 г. Ц. 50 к.

Школа здоровья (домашній лѣчебникъ). Практич. руководство къ сохраненію здоровья и жизни до глубокой старости. Больше 3000 рецептовъ лѣкарствъ (на русск. и латин. язык.). Полный популярный курсъ медицины, общедост. изложен. *д-ромъ Андреевскимъ*. М. Ц. 3 р.

Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзии. Сост. *В. П. Авенарюса* М. 98 г. 1 р. 50 к.

Сказки русскаго народа подъ ред. *В. А. Гатцука*. 13 вып., Ц. за кажд. по 25 к.

Робинзонъ Крузо. Его жизнь и приключенія, рассказанныя *Д. де-Фо*. Полный перев. подъ ред. *Гатцука*. Ц. 1 р. 25 к.

Прокты плановъ и фасадовъ для построекъ, сельскихъ церковно-приход. и земскихъ школъ. Сост. арх. *А. Н. Козловъ*. Ц. 1 р 50 к.

Отопленіе и вентиляція. Специально-практическое руководство къ устройству всевозможныхъ печей, съ 485 рис. и 13 таб. Сост. *О. И. Мелликовъ*. М. Ц. 4 р.

Русскій
Раевскій В. А. Записки по исторіи философіи. 2-е изд. 80 к.
во Франціи. 30 к.)
Новѣйшія и легчайшія
руководства къ наученію
безъ посторонней помощи
иностр. языковъ съ
точными произношеніемъ
каждаго слова при
разговорѣ.

Смирновскій, П. В. Исторія русской литературы XIX вѣка, выпускъ I. Карамзинъ въ до-Александровскую эпоху. Ц. 1 руб. 25 коп. Выпускъ II. Карамзинъ въ Александровскую эпоху. Ц. 1 руб. 25 коп. Выпускъ III. Либералы и консерваторы Александровской эпохи. Ц. 1 руб. 25 коп.
П. Ш. Азбука комматн. цвѣтов. Ц. 30 к.

Какъ надо строить дома. Практическое строительное руководство. Сост. инженеръ-технологъ *Пріоровъ*. М. 93 г. Ц. 2 р.

Общедоступная ветеринарная школа (полный стотолѣбчикъ). Всѣ болѣзни домашнихъ животныхъ, лѣченіе простыми домашн. и врач. средствъ. **Больше 1000 рецептовъ лѣкарствъ** (на русскомъ языкѣ). Общепонятно изложено ветеринаромъ-практикомъ *П. Павловскимъ*. Ц. 3 р.
Бѣлоусовъ, И. Малыши. Разск. в стих. для дѣтей. Съ 20 рис. Ц. 30 к.

— Мои мѣ дѣткамъ. Разсказъ и стихотворенія для маленькихъ дѣтей, съ рисунками. Ц. 25 к.

Васильевъ, М. Въ лѣсу и въ полѣ. Раз. и сказки для дѣтей. Ц. 30 к.

— I. На Шалыгѣ. II. Въ перелѣскѣ. 2 разсказа Ц. 5 к.

— Наша бабушка Анна Максимовна. Ц. 5 к.

Васильевъ, М. Изъ дѣтства. Воспом. и разск. для дѣт., съ рис. Ц. 30 к.

Степанъ-старичонъ. Изъ жизни сельскаго псаломщика. Разсказъ для дѣтей, *Благовѣщенскаго*. Цѣна 20 к.

Разказы охотника. Соч. *Сысоева*. Ц. 1 р.

Брасей, А. Вокругъ свѣта въ одиннадцатъ мѣсяцевъ. Путевыя записки. Съ рисун. Ц. 1 руб.

Ирингъ. Жизнь Магомета. Ц. 1 р. 50 к.
Гартвигъ. Чудеса подземнаго міра, съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Ольденбургъ. Будда. Его жизнь, ученіе и община. Переводъ Николаева. Изд. 3-е. М. 1900 г. Ц. 2 р.

О высылкѣ книгъ на сумму до 5 рублей. Эти отправленія немедленно высылаются почтою въ видѣ заказныхъ бандеролей или цѣнныхъ посылокъ. При требованіяхъ за наличныя деньги или марки слѣдуетъ къ суммѣ затребованныхъ книгъ прибавлять еще на пересылку по 12 коп. съ каждаго рубля или части его. За наложеніе платежа почтою взимается особо по 10 коп. съ наждаго отправленія, съ одною или нѣсколькими книгами, всего на сумму не свыше 5 руб.